

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Научный руководитель серии:

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волбуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2019. — № 3. — 142 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Scientific Consultant:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Doctor of Sciences, Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26139.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2019. – № 3. – 142 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МОСКВА – КОНСТАНТИНОПОЛЬ: НОВЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ. К 580-ЛЕТИЮ ТРАГЕДИИ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ УНИИ

Бабурин С. Н. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ РОССИИ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	10
Багдасарян В. Э. «ВТОРОЙ РИМ ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО РИМА»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС КОНФЛИКТА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	17
Володихин Д. М. ПЕЧАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ О МИТРОПОЛИТЕ ИСИДОРЕ ...	32
Реснянский С. И. «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» КАК АРХЕТИП РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО САМОСОЗНАНИЯ	41

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О НЕМЕЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ	50
Макеева Е. Д. ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЭКОНОМИКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В СССР	55

Всеобщая история

Шелудченко Н. П. НОВАЯ «ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРГ В 2013–2017 ГГ... ..	65
---	----

Отечественная история

Подпрятков Н. В. ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	76
Объедков С. И. БРОНЕПОЕЗД № 746. ИСТОРИЯ БРОНЕПОЕЗДА ПОСТРОЕННОГО НА СРЕДСТВА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА	88
Маркова Е. А. ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В МОСКВЕ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	95
Горлов В. Н. ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КОЛХОЗАХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ	103
Шайхаев Т. И. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПЕРЕД ПОДПИСАНИЕМ «ХАСАВЮРТОВСКИХ СОГЛАШЕНИЙ»	107

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Гонсалес С. Х. И. ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС: СРАВНЕНИЕ ОНЛАЙН-МАТЕРИАЛА ДЖИХАДИСТОВ И БЕЛЫХ СУПРЕМАСИСТОВ	115
Никулин М. А. «МОРСКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чернышёв А. С. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АБРАМЯН К. А. 1937 ГОД: Н. С. ХРУЩЕВ И МОСКОВСКАЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ. – М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2018. – 287 С.	136
--	-----

CONTENTS

MOSCOW – CONSTANTINOPLE: A NEW ORTHODOX CHURCH SCHISM FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE. TO COMMEMORATE 580 YEARS FROM THE TRAGEDY OF THE FLORENCE UNION

S. Baburin CIVILIZATIONAL MISSION OF RUSSIA "MOSCOW IS THE THIRD ROME" AS A POLITICAL, LEGAL AND GEOPOLITICAL CHALLENGE OF THE MODERN RUSSIAN FEDERATION.....	10
V. Bagdasaryan "SECOND ROME VS. THIRD ROME": THE HISTORICAL GENESIS OF THE CONFLICT BETWEEN THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH.....	17
D. Volodikhin SAD REFLECTIONS ON A BOOK ABOUT METROPOLITAN ISIDORE.....	32
S. Resnyansky "MOSCOW IS THE THIRD ROME" AS AN ARCHETYPE OF RUSSIAN ORTHODOX IDENTITY.....	41

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

ABOUT THE GERMAN NATIONAL CHARACTER, BY OSWALD SPENGLER.....	50
E. Makeeva DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF THE ECONOMY AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF NATURE PROTECTION IN THE USSR.....	55

General History

N. Sheludchenko NEW "EASTERN POLICY" OF THE GERMAN GOVERNMENT IN 2013–2017.....	65
--	----

Native History

N. Podpriatov SOCIAL SUPPORT FOR RUSSIAN ISLAMIC CLERGY DURING THE FIRST WORLD WAR.....	76
S. Obedkov ARMORED TRAIN NO. 746. THE HISTORY OF THE ARMORED TRAIN BUILT AT THE EXPENSE OF WORKERS AND EMPLOYEES OF THE MOSCOW METRO.....	88
E. Markova PROBLEMS CONCERNING THE RATIONING SYSTEM IN MOSCOW AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	95
V. Gorlov PROBLEMS OF HOUSING CONSTRUCTION IN THE COLLECTIVE FARMS OF THE MOSCOW REGION IN THE POSTWAR PERIOD.....	103
T. Shaykhaev MILITARY-POLITICAL DEVELOPMENTS ON THE TERRITORY OF THE CHECHEN REPUBLIC PRIOR TO THE SIGNING OF THE "KHASAVYURT AGREEMENTS".....	107

SECTION II POLITOLOGY

- J. I. Gonzalez Cedillo** EXTREMIST DISCOURSE: A COMPARISON BETWEEN JIHADI
AND WHITE SUPREMACIST ONLINE MATERIALS 115
- M. Nikulin** "SEA POWER" IN RUSSIAN AND FOREIGN GEOPOLITICAL THOUGHT 124

SCIENTIFIC LIFE

- A. Chernyshev** REVIEW OF THE BOOK: ABRAMYAN K. A. 1937: N. S. KHRUSHEV AND MOSCOW
PARTY ORGANIZATION. – M.: POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 2018. – 287 P. 136

МОСКВА – КОНСТАНТИНОПОЛЬ: НОВЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ.

К 580-летию трагедии Флорентийской унии

ОТ РЕДАКЦИИ

580-летие Флорентийской унии парадоксальным образом оказалось вне фокуса внимания научно-экспертного сообщества и общественности. Между тем, как актуальность вызовов, связанных с отношениями Русской Православной Церкви и Константинопольского патриархата, так и значимость рефлексии на события во Флоренции на формирование российского самосознания трудно переоценить. Ответом на Флорентийскую унию явилось выдвижение концепции нового позиционирования русского государства, как мирового исторического центра. Будучи выражена формулой «Москва – Третий Рим» либо другими идеологемами (например, «Новый Израиль»), этот подход стал определяющим для дальнейшего развития общественно-политической мысли России. И даже по оценке ряда историков, советский проект являлся выражением новым языком ценностей и пафосов идеологии Третьего Рима. Поднятая сегодня в политологическом дискурсе тема «глубинного народа» позволяет выйти на предположение, что на уровне народного восприятия третье-

римская ценностно-смысловая матрица все еще сохраняется и, соответственно, может проявиться в ситуации новых политических трансформаций.

Обращение к церковной истории XV в. дает в значительной мере матрицу осмысления современных цивилизационных конфликтов. Одной стороной конфликта, связанного с принятием Флорентийской унии, являлось противостояние православного Востока и католического Запада. Запад в лице папства ставил непременным условием прекращения конфронтации подчинение православных папскому престолу посредством принятия унии. Московская Русь тогда отвергла униатство, став новым аттрактором православного противостояния западной экспансии. Но и сегодня конфликт в формате противоборства «Россия – Запад» исторически воспроизводится, и вновь отказ от цивилизационной идентичности выдвигается в качестве условия пропуска в западный мир.

Казалось бы, коллизии межцерковного противостояния Константинопольского патриархата и Русской

Церкви остались в эпохе средневековья. Но конфликт между Фанаром и Московским патриархатом в 2018–2019 гг. в связи с юрисдикцией Церкви на Украине обнаружил не только то, что конфликт существует, но и уходит глубоко в историю. Прецедент с изменой православию митрополита Исидора также позволяет провести соответствующие параллели в отношении западных ориентиров части современ-

ных элит государств православного цивилизационного ареала.

Исторические и обществоведческие потенциалы обращения к теме Флорентийской унии, продуцированных ей вызовов и последствий – очевидны. Задаваемая ей повестка выводит на важнейшие для России вопросы – ее цивилизационного самоопределения, места в мире, исторически выражаемой миссии.

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-10-16

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ РОССИИ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бабурин С. Н.*Институт государства и права Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация. Целью представленного в статье исследования являлось соотнесение теории «Москва – Третий Рим» с историческим развитием России как государства-цивилизации. Цивилизационный подход в осмыслении исторических и общественно-политических процессов стал основой применяемой в исследовании методологии. Автор обосновывает значимость для сегодняшнего дня обращения к содержанию цивилизационной миссии России, выраженной в формуле «Москва – третий Рим». Рассматривается процесс упрощения в российском обществе понимания священной миссии государственной власти. Выдвигается тезис о трех попытках в прошлом создать гармоничную Русскую Империю и надежде, что в 2000 г. началась третья такая попытка. Теоретическое значение статьи состоит в перенесении дискурса о генезисе концепции «Москва – Третий Рим» на платформу цивилизационного анализа.

Ключевые слова: государство, империя, Византия, «Москва – Третий Рим», христианство, православная церковь.

CIVILIZATIONAL MISSION OF RUSSIA “MOSCOW IS THE THIRD ROME” AS A POLITICAL, LEGAL AND GEOPOLITICAL CHALLENGE OF THE MODERN RUSSIAN FEDERATION

S. Baburin*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka St., 119019 Moscow, Russian Federation*

Abstract. In this research, I aim to relate the “Moscow is the Third Rome” theory to the historical development of Russia as a state and civilization. The research methodology is based on the civilization approach to understanding historical and socio-political processes. The importance of analysing the content of Russia’s civilizational mission from the “Moscow is the third Rome” perspective is shown. This article focuses on the emergence and relevance of Russia’s civilizational mission expressed in the formula “Moscow is the Third Rome”. The process of strengthening the belief about the state’s sacred mission within the modern Russian society is investigated. It is shown that there have been three attempts in Russian history to create a harmonious Russian Empire, with the third attempt having been undertaken in 2000. The theoretical contribution of the article is the transfer of the discourse on the genesis of the concept “Moscow is the Third Rome” in the area of civilizational analysis.

Keywords: State, Empire, Byzantium, “Moscow is the Third Rome”, Christianity, Orthodox Church.

Социально-экономические, политические и правовые процессы современного мира, рождая даже новые вызовы существующим народам и государствам, заставляют вспоминать давние геополитические аксиомы и переосмысливать старые мировоззренческие подходы. Особенно значимо осознание цивилизационной сущности России, четкое понимание всем современным российским обществом исторической миссии нашего Отечества.

Особенно остро вопрос об универсальном всемирном значении России и её политико-правовых и геополитических задачах встал в 2018 г., когда раскольническими, антиправославными действиями греческого патриарха Варфоломея, размещающегося в Стамбуле, начался системный раскол Вселенского Православия. Растоптав канонические традиции Православия своим вторжением в дела Русской православной церкви на Украине, благословив украинский раскол и раскольников, патриарх Варфоломей не просто заявил о своих намерениях установить в Православии папизм с претензией на главенство и верховный суд в Православии, он обрушил во Вселенском Православии всю систему отношений и догм. Раскольничество Константинопольского патриархата не уступает в тяжести последствий отпадению от Вселенской церкви Рима [3, с. 70–76].

Россия – неотъемлемая часть Вселенского Православия.

Россия никогда не была национальным государством в его традиционном моноэтническом понимании. Уже легендарный древнеславянский князь Святослав предпринял попытку противопоставить Восточной Римской империи (Византии) свой имперский

проект, объединяя очень разные племенные союзы в единое государство и планируя даже перенести столицу из Киева в Переяславец на Дунае. Не случайно И. Я. Фроянов называет Святослава пусть и опередившим своё время, но «настоящим реальным политиком, предпринявшим конкретные действия по созданию Древнерусской Империи» [8, с. 186].

Князь Святослав явно развивал геополитические шаги не своего непутёвого отца, князя Игоря, а другого своего предшественника на Киевском престоле – Вещего Олега, политику которого видный русский историк очень точно определяет как политику исторической перспективы, которая только и отличает великого властителя от посредственности на троне [8, с. 157].

Реальная Русская империя будет создана после многовековой подготовки только усилиями Ивана III и его преемников и просуществует до Февраля 1917 года. Петр Великий, рвавшийся в Европу, лишь переформатирует Русскую империю и переведёт её титул с Царства на традиционную для европейцев Империю. В XX в., с 1922 по 1991 гг. существовала Советская Империя – СССР – созданная большевиками под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Конечно, Н. Трубецкой прав в утверждении, что русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской... [6, с. 760] и Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Русский царь, по его мнению, явился наследником монгольского хана, а «свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву [6].

При том, что государство является богоустановленным социальным институтом, а богоустановленность государственной власти опосредована историческим процессом [3, с. 126–127], для любого национального или государственного строительства необходим духовно-нравственный стержень, вокруг которого будет формироваться дух нации. Весьма непросто было нашим предкам решить в далёком прошлом, а на какой собственно духовно-нравственной основе будет строиться геополитическая альтернатива весьма агрессивным соседям. Особенно когда стало очевидно, что политико-правовой потенциал язычества исчерпан, и оно не может больше быть скрепой растущего государства.

Отношения религии и государства изначально развивались в России, как подчеркивал В. В. Зеньковский, «не в смысле примата духовной власти над светской, как это случилось на Западе, а в сторону усвоения государственной властью священной миссии» [1, с. 324]. И в этом, конечно, огромную роль сыграло христианство в его византийском формате.

Именно из наложения восточного христианства на причудливую культурно-историческую смесь традиций славяно-тюркских народов и выросли русский дух и русский национальный характер. Уже в Древней Руси в её христианском сознании можно отметить тот же примат морального и социального начала, который через великую русскую литературу и русскую философию XIX в. был унаследован советским социализмом (пусть первоначально и в жёстком классовом виде), а затем и стал глубинным контекстом отрицания неолиберализма современной эпохи.

Обращение к христианству явилось не единоличным делом князя Владимира, а стало решением киевского, полянского общества в целом. Коллективный «поиск и выбор новой религии» был непросто, заслушивались представители ислама, иудаизма, христианские священники, рассылались разведчики по всем соседям, уже отошедшим от язычества. И принималось решение не в узком кругу князя и его приближенных, а на вечевом собрании Киева [8, с. 210–212].

Выбор был сделан в сторону Византии. Именно в Византии наметилась симфония духовной и светской власти, унаследованная в дальнейшем Русью. Священную миссию Царской власти Россия унаследовала от Константинополя.

Уже в Византии стало укореняться духовное и политико-правовое представление, что во всём христианском мире должен быть один Царь (Император), что выросло из убеждения, что Константинополь, став после Рима новой столицей Римской империи, стал и в духовном смысле «Вторым Римом». Не случайно в 3-м правиле Второго Вселенского собора зафиксировано: «Константинопольскому епископу иметь старейшинство чести по епископу Римскому: ибо новый Рим есть». Святитель Филарет приводит эти слова и добавляет: «Почему епископ Римский пред Константинопольским епископом? Ибо древний Рим есть» [4, с. 411–412]. Но никакому патриарху (епископу) в Православии не дается старшинство власти, патриархам или митрополитам – только над находящимися в их каноническом ведении епископами и священниками.

Представления о священной миссии государственной власти и особой

миссии русского народа, Русской православной церкви и Русского Царства не могли не появиться на Руси после падения в 1453 г. Константинополя под натиском турок.

Царская власть и есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией. В. В. Зеньковский в связи с этим приводит слова монаха Филофея, адресованные Царю Ивану IV: «Тебя, государь, Бог вместо себя избрал на земле и на престол вознес, поручив тебе милость и жизнь всего великого Православия» [1, с. 328]. Отсюда и мистический трагизм последствий для России и для Романовых отречения в феврале 1917 г. императора Николая II от престола за себя и за сына, когда своей волей Царь разрушил идею священной миссии царской власти, отрёкся не только от власти светской, но и от Божественного Доверия. Преданы были забвенью слова русского духовного мыслителя конца XV – начала XVI вв. Св. прп. Иосифа Волоцкого «Царь по своей природе подобен всякому человеку, а по своей должности и власти подобен Всевышнему Богу» [1, с. 327].

Не бесспорен, но крайне примечателен в связи с этим вывод евразийца Н. Трубецкого о том, что большевизм есть такой же плод двухсотлетнего романо-германского ига, как московская государственность была плодом татарского ига. Большевизм показывает, по его мнению, чему Россия за это время научилась от Европы, как она поняла идеалы европейской цивилизации и каковы эти идеалы, когда их осуществляют в действительности [6, с. 765].

Убедительный аргумент против любого цивилизационного подражательства, подменяющего бездумным копи-

рованием необходимость осмысления чужого опыта и его использования при следовании собственным культурным и духовным традициям.

Современные претензии Константинопольского патриархата на первенство власти в Православии беспочвенны. Это противоречит православным канонам, о чём уже говорилось, и не имеет под собой духовно-нравственных и исторических оснований.

На самом деле «Второй Рим» прекратил своё существование не с его захватом турками в 1453 г., он сгнил и духовно сломался уже в 1439 г., когда Константинополь пошёл на подписание 5 июля 1439 г. Ферраро-Флорентийской унии с католиками на условиях признания Православной Церковью латинской догматики и главенства во Вселенской Церкви папы (патриарха) Римского при сохранении православных обрядов¹. В обмен Константинополю была обещана помощь в отражении агрессии турок.

В 1451 г. Константинопольский патриарх бежал из города в Италию, бросив паству, что стало символом его отречения. В 1454 г. волей захватившего Константинополь султана Мехмеда II место патриарха занял Геннадий Схоларий, причём в ходе проведенной церемонии султан взял на себя функцию византийских императоров и выполнил большую часть их традиционного церемониала, например, вручил новому православному предстоятелю атрибуты патриаршества. Патриарх получил от султана и церемониальный ранг паши с тремя бунчуками. С момента своего восшествия на престол Мех-

¹ Флорентийская уния. URL: www.hrono.ru/dokum/1400dok/1439unia.php [Дата обращения: 08.04.2019].

мед II видел себя в качестве наследника классической Римской империи и её христианского преемника, считает Лорд Кинросс [2, с. 124]. «Христианская церковь была отныне подчинена исламскому государству и была обязана платить дань», [2, с. 125] – подчеркивает британский исследователь.

Не случайно митрополит Киевский Иларион в своём «Слове о законе и благодати» ещё в XI в. противопоставлял меркантильным традициям других народов стремление православного человека к небесному наслаждению и духовному спасению «в сиянии солнца благодати» [5, с. 31]. На Руси уния было отвергнута, Русское православие стало крепить свою самостоятельность, что завершилось формированием мировоззренческой и геополитической доктрины «Москва – Третий Рим». Игумен псковского Елеазарова монастыря Филофей, считающийся основоположником самой концепции, писал Великому князю Василию III: «Все христианские царства сошлись в твоём царстве, после же этого мы ожидаем царства, которому нет конца». «Все христианские царства сошлись в одно твоё, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твоё христианское царство другим не сменится...» [7, с. 151–152].

За минувшие 300 лет в России допущено много цивилизационных ошибок, целые эпохи были полны нигилизма и секуляризации, забвения традиционных ценностей и нравственных основ, Цари отказывались от своей богоизбранности, а их противники пытались построить новое общество без государства и без Бога в душе. Всё проходит.

Ныне, когда Вселенское Православие под угрозой, России сам Бог укажет вернуться к осуществлению миссии единственной хранительницы истины Христовой в её чистоте, к миссии «Москва – Третий Рим». И главное препятствие в таком возвращении – не кажущаяся социальная пассивность Русской православной церкви, а отсутствие главного стержня этой миссии – Русского православного Царя. Впрочем, если общество не будет духовно-нравственно обретать силы для столь серьёзной цивилизационной миссии, то Царь и не придёт.

Начинать надо с простого – пора устранить из действующей Конституции Российской Федерации нормы, закрепляющие антиправославные неолиберальные ценности и зафиксировать в ней роль Православия как духовно-нравственной скрепы российского общества. Но политико-правовая и геополитическая задача современной Российской Федерации заключается не только в этом.

Надежду на начало четвертой попытки установления Русской Империи как оптимальной государственной правовой модели цивилизационного союза славяно-тюркских и близких им народов вселяет начавшиеся с 2000 г. поиски формы и содержания Евразийского (Российского) Союза. Возможно, эта попытка – главная историческая заслуга Президента Российской Федерации В. В. Путина. Даже на фоне состоявшегося долгожданного возвращения Крыма и Севастополя в состав России.

Статья поступила в редакцию 22.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеньковский В. В. Христианская философия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1072 с.
2. Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи Lord Kinross / Пер. с англ. М.: Крон-Пресс, 1999. 696 с.
3. Осавельюк А. М. Церковь и государство. М.: Проспект, 2019. 240 с.
4. Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 720 с.
5. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 26–61.
6. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Русский мир: геополитические заметки по русской истории. М.: Эксмо, 2003. С. 738–765.
7. Филофей. Послание Великому князю Василию об исправлении Крестного знамения и о Содомском блуде // Антология мировой политической мысли: в 5-ти т. Т. III. Политическая мысль России: X – первая половина XIX вв. М.: Мысль, 1997. С. 150–152.
8. Фроянов И. Я. Лекции по истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1044 с.

REFERENCES

1. Zen'kovskii V. V. *Khristianskaya filosofiya* [Christian philosophy]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2010. 1072 p.
2. Lord Kinross. *Rastsvet i upadok Osmanskoi imperii Lord Kinross Ottoman Centuries: The Rise and Fall of the Turkish Empire* [Ottoman Centuries: The Rise and Fall of the Turkish Empire]. Moscow, Kron-Press Publ., 1999. 696 p.
3. Osavelyuk A. M. *Tserkov' i gosudarstvo* [Church and State]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 240 p.
4. *Svyatitel' Filaret, mitropolit Moskovskii. Mech dukhovnyi* [Prelate Filaret, Metropolitan of Moscow. The sword of the spirit]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2010. 720 p.
5. [Sermon on law and grace of Metropolitan Ilarion of Kiev]. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 1: XI–XII veka* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 1: The XI–XII century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 26–61.
6. Trubetskoi N. S. [On the Turanian element in Russian culture]. In: *Russkii mir: geopoliticheskie zametki po russkoi istorii* [Russian world: geopolitical notes on Russian history]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, pp. 738–765.
7. [Philotheus. The letter to the Grand Prince Vasily about correcting the sign of the Cross and Sodomite fornication]. In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli: v 5-ti t. T. III. Politicheskaya mysl' Rossii: X – pervaya polovina XIX veka* [Anthology of world political thought: in 5 v. Vol. III. Political thought in Russia: X – the first half of XIX centuries]. Moscow, Mysl' Publ., 1997, pp. 150–152.
8. Froyanov I. Ya. *Lektsii po istorii. Kievskaya Rus'* [Lectures on history. Kievan Rus']. St. Petersburg, Russkaya kolleksiya Publ., 2015. 1044 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор Московского университета имени С. Ю. Витте и Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, президент Международной Славянской академии наук, искусств, образования и культуры;
e-mail: 1357343@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Baburin – Dr. Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Science; Professor, Moscow Witte University, Dostoevsky Omsk State University, President of the International Slavic Academy of Sciences, Arts, Education and Culture;
e-mail: 1357343@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бабурин С. Н. Цивилизационная миссия России «Москва – Третий Рим» как политико-правовая и геополитическая задача современной Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 10–16.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-10-16

FOR CITATION

Baburin S. Civilizational mission of Russia “Moscow is the Third Rome” as a political, legal and geopolitical challenge of the modern Russian Federation. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 10–16.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-10-16

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-17-31

«ВТОРОЙ РИМ ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО РИМА»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС КОНФЛИКТА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Статья выявляет исторические основания разрыва евхаристического общения между Московским и Константинопольским патриархатом. Ключевым для автора является историко-генетический метод исследования, позволяющий на историческом материале выявить истоки современного конфликта Константинопольского и Московского патриархатов, показать закономерность его проявления. История отношений Церквей проводится через призму идеологического концепта о падении Константинополя в качестве Второго Рима. Автором обосновывается положение об исторической воспроизводимости межцерковного конфликта. Раскрывается история вражды Фанара к России и Русской Церкви как новым аттракторам формирования православной цивилизации. Доказывается, что униатский прецедент Константинопольского патриархата не имел случайного характера и находил проявление в последующей истории Фанара. Особенность исследования состоит в проекции на современный конфликт многовековой истории Церквей, соотнесении историософии Третьего Рима с реалиями развертки исторического процесса.

Ключевые слова: «Третий Рим», Константинопольский патриархат, Русская Церковь, церковная уния, Византия, Россия, Османская империя, православие.

“SECOND ROME VS. THIRD ROME”: THE HISTORICAL GENESIS OF THE CONFLICT BETWEEN THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

V. Bagdasaryan

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. This article sets out to determine the historical grounds for the rupture of Eucharistic communion between the Moscow and Constantinople Patriarchates. The method of historical genesis was used as a key research method, since it allows historical sources for the modern conflict between the Moscow and Constantinople Patriarchates, as well as the pattern of its manifestation to be identified. The article considers the entire history of relations between the Russian Church and the Patriarchate of Constantinople from the perspective of the ideologi-

cal concept of the fall of Constantinople as the Second Rome. The historical reproducibility of interchurch conflict is established. The author refers to the history of Fanar's hostility towards Russia and the Russian Church as new attractors of the formation of Orthodox civilization. The results of the study show that, in the history of the Constantinople Patriarchate, the Uniate precedent was not accidental and was manifested in the subsequent history of Fanar. The specific feature of this research consists in the projection of the centuries-old history of the Churches on the current inter-church conflict, relating the philosophy of the Third Rome to the realities of the historical process.

Keywords: Third Rome, Patriarchate of Constantinople, Russian church, Fanar, ecumenical union, Byzantium, Russia, Ottoman Empire, orthodoxy.

Падение Второго Рима в русской национальной рефлексии и идеологическом позиционировании

Научный исторический анализ, в отличие от событийного обывательского восприятия истории, предполагает рассмотрение произошедшего в процессной развертке. Любое явление в истории исследуется в логике причинно-следственных связей с предшествующими ему явлениями и обстоятельствами. Разрыв евхаристического общения Русской Православной Церкви (РПЦ) с Константинопольским патриархатом, определяемый многими экспертами как современный церковный раскол, также исторически вызревал. Он не был досадным сбоем коммуникаций, обусловленным личными обстоятельствами и политической конъюнктурой, как описывается сущность произошедшего в средствах массовой информации. Логика этого разрыва имела системный характер и была предопределена всей многовековой историей восточно-христианских церквей. Собственно, и сам раскол в отношениях Русской Церкви с Константинопольским патриархатом происходит, как известно, не впервые. Сама тема раскола с Константинополем являлась важнейшим историческим основанием русской националь-

ной рефлексии. В этом отношении она имела даже не только собственно исторический, но и историософский характер, как фундаментальное смыслоопределяющее явление в истории.

Важнейшее значение для становления национального самосознания имеет «священная история», представляющая собой особое сакрализованное восприятие народом прошлого на основе сакральной матрицы базовых ценностей и смыслов соответствующего социума [2]. Одним из традиционных архетипов священной истории является сюжет об инверсии сакрального центра. Старый сакральный центр в силу утраты благодати лишается своего статуса, и его семантика перенимается новым центром. Падение старого центра чаще всего оказывается сопряжено с изменой, сговором с врагами. Вся эта сюжетная линия вошла в русскую священную историю в связи с нарративом падения Второго Рима – Константинополя.

Ввиду лишения Константинополя благодати высшая сакральная сила передается Руси. Константинополь перестает быть Царьградом, и городом царя оказывается Москва. Именно эта передача легитимизирует русскую мировую историческую миссию, определяет положение России в мире

в качестве «катехона». Но если Константинополь не пал и остается в своем исходном сакралогиическом статусе, вся схема российской историософии рассыпается. Возвращение Константинополя из унии в лоно православия создавало некоторое внутреннее противоречие для русской саморепрезентации. Если Москва есть третий Рим, а второй – Константинополь – пал, то как быть с вернувшимся в когорту православных церквей Константинопольским патриархатом с его восстановленной титуляцией в качестве вселенского. Вероятно, именно из-за нежелания обострять отношения с Константинопольским патриархатом русская власть не особо активно оперировала самой идеологемой «Москва – третий Рим», бросавшей прямой вызов легитимности Константинополя. Концепция применялась в качестве идеологии по сути, но в виде лозунгов использовалась сдержанно, что и дало некоторым исследователям поставить под сомнение сам факт принятия ее на государственном уровне [32]. В действительности же все историософские апелляции во властном дискурсе, вплоть до Петра I, так или иначе выстраивались вокруг идеи перенесения на Русь сакрального центра мира, что подразумевало утрату сакральности прежними центрами – Вавилоном, Иерусалимом, Римом, Константинополем [16].

Коллизия в титуляции Константинопольского патриарха как архиепископа Нового Рима

Напряжение в отношениях Константинополя с Москвой вызывал уже сам титул Константинопольского патриарха. В нем он позиционируется

как «архиепископ Константинополя – Нового Рима и Вселенский патриарх». Титул прямо противоречит концепции Третьего Рима, из которой следует, что Новым Римом теперь является не Константинополь, а Москва, а Константинопольский патриарх в силу этого перестает быть вселенским. Понимая это противоречие, нынешний патриарх Константинопольский Варфоломей выступил ранее с критикой концепции «Москва – третий Рим», охарактеризовав ее как богословски несостоятельную [30]. Но из такой характеристики следовало, что несостоятельным с позиции богословия являлось само русское государство, для которого учение о Третьем Риме составляло основу идеологии. С российской стороны в полемику предпочли тогда не вступать. Фактический отказ от оперирования формулой «Москва – третий Рим» в угоду отношениям с Константинополем следует признать стратегической ошибкой. Константинополь продолжал ревновать к России, используя не единожды в противовес ей любые раскольнические силы и опираясь на поддержку враждебных ей геополитических акторов. Сегодня же, когда разрыв состоялся, новое обращение к концепции «Москва – третий Рим» более ничем не сдерживается и в контексте поиска основ самоопределения места России в мире представляется целесообразным и своевременным.

Константинопольский патриархат и крещение Руси

Трения во взаимоотношениях с Константинопольским патриархатом возникают фактически с начала христианизации Руси. Если принять достоверность теории М. Д. Приселкова

о принятии крещения Владимиром не от греков, а от имевшей на тот период времени автокефалию Болгарской церкви, то это означает, что была какая-то напряженность в отношениях с Константинопольским патриархатом, побудившая князя обратиться не к вселенскому патриарху, а к болгарам. Уже впоследствии, согласно теории М. Д. Приселкова, разделяемой также историком Церкви А. В. Карташевым, когда Болгария вновь была завоевана греками и болгарская автокефалия упразднена, в 1037 г. Ярослав Мудрый признает юрисдикцию Константинополя. Между тем многие болгарские мыслители, бежав от преследований на Русь, катализировали собственную русскую рефлексию об автокефальном развитии [17, с. 120–121; 23, с. 23, 36].

Но и не принимая болгарской гипотезы, а рассуждая в рамках традиционной версии о византийском крещении Руси, все равно фиксируется некий конфликт с Византией, выражаемый даже в ведении военных действий. Если отстраниться от легенд, то, по сути, имело место силовое принуждение со стороны Руси допустить ее в пространство христианского мира. Не Русь принуждала силой принять христианство, а Русь принуждала принять ее в число христианских стран. Для Византии такое включение содержало, учитывая размеры Руси, значимые риски геополитической реконфигурации пространства *Pax Christiana*.

«Слово о законе и благодати» в генезисе идеи о Третьем Риме

Уже при Ярославе Мудром оппонирование Руси Византии по вопросу о первенстве в христианском мире становится очевидным. Ярослав пытался

добиться автокефальности Русской церкви, что нашло отражение в неудачном походе против, казалось бы, единовременной Византии и назначении в качестве митрополита Киевского русского по происхождению Илариона.

У Илариона в «Слове о законе и благодати» присутствуют элементы той доктрины, которая по прошествии веков кристаллизуется в виде учения о Третьем Риме. Логика рассуждения митрополита состояла в утверждении приоритетности нового перед старым в истории на том основании, что Новый завет приоритетен перед Ветхим заветом. Ранее в традиционных культурах утверждалось безусловное предпочтение старому (конфуцианское лучшее новое – это старое). «Слово» подводило к мысли, что как Новый завет стоит выше Ветхого завета, так и Русь, как более молодая христианская общность, оказывается выше дряхлеющей Византии [12]. По-видимому, учение Илариона разделялось Ярославом Мудрым, позиционирующим Киев в качестве нового Царьграда. Возведенные на Руси Софийские соборы (в Киеве, Новгороде и Полоцке), как русский вариант Собора святой Софии в Константинополе, прямо указывали на развиваемую идею о переносе сакрального центра христианского мира.

Первая Константинопольская уния

Падение Константинополя в 1204 г. было для православного сознания не меньшим кризисом, чем новое его падение уже в пятнадцатом столетии. Оказался утрачен центр православной цивилизации. В возникшей на развалинах Византии Латинской империи управляли французы-католики, офи-

циальным языком являлся французский, а сам этот период определяется византистами как время «франко-кратии» [4]. Перед Русью встала альтернатива – либо переориентироваться на сохранившийся в единственном числе центр христианства, каковым оставался Рим, либо начать выстраивание новой, взамен Византии православной империи на собственной русской идентичной платформе. Важно подчеркнуть, что сакрализованные в народном восприятии победы Александра Невского были одержаны в период отсутствия у православной мир-системы легитимного центра [5].

После оказавшимся неожиданным для Запада восстановлению над Константинополем власти православной династии Палеологов, Римский Папа Урбан IV призывал к организации крестового похода против восстановившейся Византии, приравнивая в плане спасения его к войне в «Святой Земле». Для его предотвращения Михаил Палеолог был готов пойти на заключение унии с Папой, что и было сделано в 1274 г. на Втором Лионском соборе. Первое духовное падение Византии, проявленное в измене православию, произошло, таким образом, за 165 лет до Флорентийской унии. В этом отношении саму Флорентийскую унию можно было бы определить второй унией Византии [19].

К сожалению, в традиционном изложении истории России оказалось неакцентировано значение состоявшегося в 1274 г. Владимирского архиерейского собора, как и в целом периода от смерти Александра Невского до вокняжения Даниила Московского. Инициатором созыва собора явился стоявший во главе Киевской митро-

полии митрополит Кирилл. Когда речь идет о православном антизападническом выборе Александра Невского, то необходимо отметить и фигуру Кирилла, который, собственно, и сформулировал этот идеологический вектор. Владимирский собор состоялся в год созыва Второго Лионского собора Римской Церкви и в значительной мере являлся ответной реакцией на связанный с ним вызов продвижения унии. Предотвращая угрозу унии, собор во Владимире декларировал твердость Руси в православии [7].

Флорентийская уния

Византию в русском понимании погубили вовсе не турки, взявшие Константинополь, а произошедшее несколько ранее прельщение перед Западом. Взятие же в 1453 г. Мехмедом II Константинополя было следствием произошедшего духовного падения. Византия пала, когда в 1439 г., с согласия византийского императора и Константинопольского патриарха была принята Ферраро-Флорентийская уния. Таким образом, Второй Рим – Константинополь – пал, отступив от православной веры. С принятием унии утрачивалось представление о легитимности статуса императора и греческой церкви. Византия пала, отказавшись, подобно библейскому Исаву, от первородства [29].

Вернуться в православие Фанар был принужден, как это ни парадоксально, турками, ведшими борьбу с Римским папством и предпочитавшими иметь под своей властью независимую от Рима христианскую Церковь. Но очевидно, что период пребывания в унии не мог пройти для Константинопольского патриархата бесследно.

Константинопольский патриархат в русско-турецком противостоянии

Находясь под властью Османской империи, Константинопольский патриархат вынужден был быть аффилирован с государством, опирающимся на идеологию ислама, во главе которого стоял не православный царь, а мусульманский халиф. Османская империя, находясь на перекрестии цивилизационных миров, как известно, всю свою историю вела войны с христианскими государствами. Двенадцать войн против России велась ею в разные периоды истории. В этих войнах Константинопольский патриархат должен был занимать какую-то позицию. И надо сказать, что он, как минимум, оставался почти всегда лоялен османским властям и осуждал, с разной степенью радикальности, «гяуров».

Был только один явный прецедент при Григории V – вступления Константинопольского патриарха в конфликт с османскими властями, закончившийся повешением того на воротах патриархии. Впоследствии он был канонизирован как мученик Эладской православной церковью, и из него был создан образ героя борьбы против турецкого ига. В действительности убийство патриарха являлось проявлением радикализма османских властей, желанием их через казнь настоятеля Церкви устроить греческих подданных, нежели позицией самого Григория. Сам же он не поддерживал антитурецкого восстания и ее руководителя – грека-фанариота, генерала, состоявшего на российском службе, отлучил после начала выступления гетеристов против турок от Церкви [25, с. 99–103].

Константинопольский патриархат во время русско-турецких войн являлся, если точно квалифицировать его позицию, пропагандистским рупором Османской империи, направленным на противодействие российским симпатиям среди православного населения турецкого государства.

Одним из контекстных обстоятельств Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. являлась так называемая «греко-болгарская схизма». В преддверии войны Болгарская церковь провозгласила восстановление автокефалии, в чем ей Константинопольский патриархат категорически отказывал. Фанар действовал в отношении Болгарии с прямо противоположной аргументацией, чем он действует сейчас по вопросу об автокефальной Церкви на Украине, руководствуясь всякий раз не общими принципами, а собственными интересами. Россия официально не поддерживала ни одну из сторон конфликта, но во время войны должна была, хотя и не явно, солидаризироваться с болгарами. Фанарские греки во главе с Константинопольским патриархатом обвиняли русских в проболгарской политике и более активно, чем обычно, поддерживали в войне Османскую империю. Это составляющая конфликта сохранялась и во время Балканских войн [6].

Вражда к русским со стороны Константинопольского патриархата проявилась и во время разгрома в 1913 г. имяславия на Афоне. Учение имяславия шло в развитие исихастской традиции и было глубоко православным. Греки инициировали осуждение имяславцев именно в силу его русской маркировки, что бросало вызов Константинополю в качестве главного

церковного авторитета. Святейший правительствующий Синод Русской Церкви не разобрался должным образом в ситуации, и, пойдя за призывами Фанар, организует очищение Афона от «еретиков» [11; 13; 26].

Протурецкая позиция, которую занимал Константинопольский патриархат во время Первой мировой войны, была очевидна. Патриарх Герман V предписывал в каждой из находящемся в его ведении митрополий организации молений за здоровье турецкого султана и победу Османской империи в войне с Россией. Им лично собирались средства на пожертвования в пользу турецкой армии. Моление за победу исламской, управляемой халифом, Турции над православной Россией – одного этого было бы достаточно для разрыва евхаристических отношений. Однако этого не произошло, и в Российской империи списывали антироссийские выступления Константинопольских патриархов на их заложническое положение при султанах. Однако в дальнейшем стало ясно, что вражда к России является не просто следствием установки турецкого правительства, а выражением собственной политической линии [27, с. 15–90].

Экуменистический проект Фанара

По первоначальному плану послевоенного раздела Османской империи, закрепленному Севрским договором, Константинополь и Черноморские проливы должны были войти в зону международного управления. Фанар, таким образом, выводился из состава Турции, что существенно меняло статус Константинопольского патриарха и увеличивало его политическую весомость. Забрехали надежды превра-

щения Константинополя в некое подобие Ватикана. Возглавлявший тогда Фанар местоблюститель патриаршего престола Дорофей был увлечен экуменистским проектом создания мировой Церкви. Новая система мыслилась как церковный аналог Лиги Наций, что получало поддержку в кругах, выступающих за продвижение международной интеграции. Сам Константинопольский местоблюститель не скрывал амбиций возглавить эту квазицерковь [22, с. 69–76].

Были предприняты и конкретные шаги реализации проекта в направлении развития связей Фанар с инославными организациями. В большей степени это касалось связей с протестантскими религиозными общинами. Особо активно развивались контакты с Англиканской церковью. Делегация Константинопольского патриархата официально направлялась в 1920 г. на Ламбетскую конференцию Англиканской церкви в Лондоне. Направлялись, хотя и менее активно, коммуникации Фанар с Ватиканом. Сам Дорофей посетил Собор святого Петра в Риме, хотя от личной встречи с Римским Папой уклонился. Вероятно, предпочтения, отдаваемые Фанаром, коммуникациям с протестантами были связаны с опасением, что в новой экуменистической структуре первую скрипку будет играть не Константинополь, а Ватикан. Но в любом случае экуменическая деятельность Фанара была далека от православной традиции и православного отношения к западному христианству [8, с. 24–25].

И после смерти Дорофея, скончавшегося в 1921 г. в Лондоне, что само по себе отражает вектор его геополитических ориентиров, Фанар пы-

тался разыграть экуменистическую карту. Адептом экуменизма выступал избранный Константинопольским патриархом Мелетий. Он откровенно призывал пойти на сближение православия с Западом, воспользовавшись тяжелым положением Русской церкви, как главного противника такого сближения. Ходили слухи о членстве Мелетия с 1909 г. в английской масонской ложе. Сообщается о его членстве в Великой ложе Греции. Очевидно, что православное и масонское учения, как минимум, различны, а по принятой традиции и вовсе антагонистичны друг другу. Но масонские каналы, по видимому, открывали дополнительные возможности в продвижении Константинопольского проекта. Служба в течение ряда лет в США также укрепила связи Мелетия в западном мире.

Оказавшись во главе патриархата, Мелетий пошел на беспрецедентные послабления в отношении священников англиканской церкви, что должно было явиться основой для сближения с англиканством. В 1922 г. Фанар признавал апостольскую преемственность иерархии англиканского священства. Послание с заявлением о законности священников - англикан было разослано Мелетием по всем Православным Церквям. Одновременно шло наступление Константинопольского патриархата на приходы Русской церкви, оказавшиеся после распада империи за пределами России. При нем, вопреки протестам Московской патриархии, под юрисдикцию Константинополя были переведены Эстонская и Финляндская православные церкви. По своим политическим воззрениям Мелетий был панэллист, что не могло не сказаться на деятельности Фанара,

подмены в ней христианского – надэтнического по своей сущности, учения националистическими грекоцентристскими установками [3; 21].

Планы Фанару пришлось поумерить в обстановке изменения диспозиции в постосманском регионе ввиду побед армии Мустафы Кемалю. Согласно Лозаннскому договору, Константинополь вошел в состав Турции и, таким образом, надежды на создание Ватикана 2.0 не оправдались [1].

Фанар и Русская Православная Церковь в период гонений

Казалось бы, гонения на Русскую церковь в СССР должны были вызвать сочувствие и поддержку ей со стороны других православных церквей. Однако позиция Константинопольского патриархата была иной – воспользоваться затруднительным положением РПЦ в борьбе с ней как с конкурентом за влияние в православном мире. Антирусскую линию Мелетия продолжил в этом отношении следующий патриарх Константинопольский – Григорий VII. Им, вопреки позиции Московского патриархата, был дарован томос на признание автокефалии Польской православной церкви, основу паствы которой составляло население Западной Украины и Западной Белоруссии, входивших тогда в состав Польши.

Фанар вмешивался в церковную жизнь и внутри СССР. Григорий поддерживал первоначально обновленческую церковь, хотя со временем и изменил отношение к ней. В письме к патриарху Тихону Григорий с опорой на выписки заседаний Синода (то есть коллективной позиции, а не личного мнения) призывал того оставить патриарший престол в целях достижения

примирения [20]. Обсуждался даже план прибытия Константинопольского патриарха в Москву, где бы он возглавил церковный суд над патриархом Тихоном с последующим его низложением [10, с. 58].

Вторая мировая война как исторический индикатор

Вторая мировая война явилась индикатором в раскрытии сущности интересов многих акторов того времени. Важное индикативное значение имела она и в отношении Православной Церкви. Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский патриархаты активно и горячо поддерживали борьбу СССР как основной силы, противостоящей нацизму. Организовывались моления за победу Красной Армии, собирались пожертвования. Константинопольский патриархат в таком качестве себя никаким образом не проявил. Его позиция заключалась в равноудаленности от враждующих сторон. Более того, руководство нацистской Германии инициировало контакты с Константинопольским патриархатом по ряду вопросов церковной политики. И Фанар на эти контакты шел.

Первоначально немецкая сторона выходила с замыслом создания единой автокефальной православной церкви на территориях, находящихся под контролем Третьего Рейха, для чего нужна была соответствующая легитимизация со стороны Вселенского патриарха. Потом немцы предлагали финансовую помощь Фанару для погашения долгов перед турецким правительством и восстановления после масштабного пожара. Значение Константинопольского патриархата для Германии связывалось, во-первых, с

достижением поддержки со стороны православного населения в союзнических странах – Румынии и Болгарии и на оккупированных территориях; во-вторых, использованием его в качестве противовеса влиянию Римского папства, оцениваемого ими в качестве более опасного противника; в-третьих, ставкой на него как альтернативе РПЦ, в деятельности которой усматривались особо опасные панславистские установки [28, с. 117–122].

Русская Православная Церковь рассматривалась как сила, потенциально консолидирующая славянское население, и потому Константинопольский патриархат казался более предпочтительным. Циркулировали слухи о переговорах Германии с Фанаром по передаче приходов на оккупированной советской территории из юрисдикции РПЦ в юрисдикцию Константинопольского патриархата [31, S. 97] Патриарх Вениамин не пошел в итоге на сотрудничество с нацистами, но сами коммуникации существенно отличают позицию Фанара от позиции других восточных патриархатов. Среди сдерживающих обстоятельств было и то, что Константинопольский патриархат находился также в тесных контактах с Великобританией, действовавшей по каналам Англиканской церкви. Но только с 1943 г., когда исход Второй мировой войны был уже в целом определен, Фанар прерывает контакты с нацистской Германией и посылает сигналы о готовности диалога с СССР [27].

Фанар в политике Соединенных Штатов Америки

Взошедший на патриарший престол в 1946 г. патриарх Максим был единственным из высших Константино-

польских иерархов, готовых пересмотреть традиционную антироссийскую линию Фанара. Это и стало причиной его быстрого низложения. Максим отказывался выступать с антисоветскими заявлениями, поддерживать роялистов в их борьбе с коммунистами в гражданской войне с Грецией. Вместе с тем именно позиция константинопольского патриарха привела к срыву сталинского замысла по созыву Вселенского Собора, который бы определил новую роль РПЦ в консолидации православного мира [15, с. 25; 18, с. 151]. Тем не менее, при совместном нажиме Турции и США Максим был вынужден оставить патриарший престол. Чтобы бывший патриарх не вышел из-под контроля, его объявили умалишенным и принудительно поместили в медицинскую клинику в Швейцарии.

Начиная с низложения Максима, Константинопольские патриархи находятся фактически под контролем со стороны Соединенных Штатов Америки. Фанар использовался США вначале в «холодной войне» против СССР, а в дальнейшем – и против постсоветской России, как инструмент сдерживания ее влияния через институты православия [9]. Сменивший Максима на патриаршем престоле Афинагор был доставлен в Стамбул на личном самолете американского президента Гарри Трумэна. Американцы фактически продавили его избрание вопреки поддержке первоначально большинством греческого духовенства другой кандидатуры. Когда по прошествии времени власти Турции пытались инициировать финансовое расследование деятельности Константинопольского патриарха, США поставили условие, что запланированная поставка турецкому ВМФ

двух военных кораблей может состояться только в случае прекращения проверки патриарха. И Афинагор выступал одним из самых активных обличителей СССР периода «холодной войны» среди всех антисоветских пропагандистов. Советский Союз характеризовался им как дикий зверь, угрожающий всему человечеству. В борьбе против него он предлагал объединить интернационал религиозных сил, включая англикан, католиков и мусульман [14].

Следующий патриарх Константинопольский, Димитрий, шел в прежнем фарватере политики Фанара. Его определяющими чертами являлись западническая политическая ориентация, экуменизм и претензии на особую распорядительную роль среди православных церквей.

Патриарх Варфоломей в преемстве политики Фанара

Нынешний патриарх Варфоломей не является, таким образом, разрушителем гармонии Константинопольско-Московского патриаршего общения. В действительности его фигура находится в преемственной развертке латентного, иногда приобретающего и явный характер, конфликта между Фанаром и Русской Церковью. Характерно полученное иерархом образование – Папский Восточный институт при Римском Григорианском университете, Экуменистический институт Боссе в Швейцарии, Мюнхенский университет. Такой перечень заставляет предположить, что к высшим постам в церковной иерархии Варфоломея готовили целевым образом, в режиме подготовки кадров в системе внешнего управления. В Папском Восточном институте, находящемся с момента основания под

управлением Ордена иезуитов и готовящем кадры для продвижения унии на восток Варфоломей защитил докторскую диссертацию [24].

Антироссийские действия и высказывания Варфоломея не ограничивались вопросом об украинской автокефалии. Ранее, еще в 1990-е гг., имел место конфликт в связи с предоставлением Фанаром автокефалии Эстонской апостольской православной церкви. Россия обвинялась публично Варфоломеем в цезерапапизме, что является традиционной мифологемой русофобской пропаганды [30, р. 6]. Константинопольский патриарх, вместе с рядом западных государств, публично признал «геноцид украинского народа» – еще один характерный миф антироссийской исторической политики. При этом, к примеру, геноцид армянского народа в Турции Фанаром не признается. Показательно и видение патриархом перспектив Турции, связываемых им с европейским выбором, принятием стандартов ЕС. Современная Европа, духовный кризис которой отмечается и православными настоятелями, и главой Ватикана, Варфоломей не обнаруживает, пропагандируя принятие постмодернистских европейских ценностей, объективно противостоящих ценностям христианства.

Резюме

Таким образом, положение русской историософии о падении Второго Рима получило реальное историческое подтверждение в истории Константинопольского патриархата. Фанар действительно пал нравственно, пойдя по пути альянса с противниками православного мира. Утратив де-факто статус сакрального центра православия, он вел во все времена латентную борьбу против нового аттрактора мирового православия, каковой стала Россия. Борьба Второго Рима против Третьего Рима, как ранее – Первого Рима против Второго, определило в значительной степени содержание церковной истории, как минимум, шести столетий.

Для России возвращение к учению о Третьем Риме, его переосмысление в связи с новыми вызовами и реалиями, сверхактуально. Такое возвращение позволяет фундаментально осознать российскую историософию и основания российской цивилизационной идентичности, дать ответы на глобальные проблемы современности с позиций не конъюнктуры, а миссиологии России и христианства.

Статья поступила в редакцию 25.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Аноп А. Ф. Пересмотр Севрского договора в 1921 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 98–102.
2. Багдасарян В. Э. Священная история – основа национального самосознания // Изборский клуб. 2018. № 9–10. С. 58–71.
3. Буевский А. Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская Православная Церковь // Журнал Московской патриархии. 1953. № 3. С. 28–36.
4. Васильев А. А. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261). Пг.: Academia, 1923. 76 с.
5. Вернадский Г. В. Два подвига святого Александра Невского // Евразийский временник (Прага). 1925. Кн. 4. С. 318–337.

6. Верюжский В. Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 7. С. 23–32; № 11. С. 47–59; № 12. С. 31–44.
7. Воробьев М. Н. Митрополит Кирилл и Владимирский Собор 1274 года // Исторический вестник (Воронежско-Липецкая епархия). 2000. № 1 (05). С. 29–32.
8. Говорун С. Дорофей // Православная энциклопедия. Т. XVI. М.: Православная Энциклопедия, 2007. С. 24–25.
9. Ермилов П. В. Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы «холодной войны» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 36. С. 217–233.
10. Иванов С. Н. Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 24–60.
11. Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. Т. 2. СПб.: Алетейя, 2002. 578 с.
12. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.
13. Имяславие: сборник богословско-публицистических статей, документов и комментариев / Под ред. К. Борща. М.: Иолантатраст, 2005. 1103 с.
14. Казаков А. В. Какова роль ЦРУ в избрании Константинопольского патриарха // НГ-Религии (приложение «Независимой газеты»). 2018. 16 окт.
15. Каиль М. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 19–40.
16. Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1885. 580 с.
17. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1992. 686 с.
18. Лисовой Н. Н. Русская Церковь и Патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира: история и современность. М.: Наука, 2002. С. 143–219.
19. Лукьянов А. О., Комлев П. А. Лионская уния в дипломатии Михаила VIII Палеолога // [Электронный журнал] Язык. Культура. Коммуникации. 2018. № 2. – URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/700/791> [дата обращения: 07.04.2019].
20. Мазырин А. В. Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9–37.
21. Милетич С. Мелетий Метакакис: митрополит, архиепископ, папа и патриарх / Пер. с серб. // Православие.ру [сайт]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41204.htm> [дата обращения: 07.04.2019].
22. Православие и экуменизм. Документы и материалы: 1902–1998. М.: МФТИ – ОВЦС МП, 1999. 496 с.
23. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 414 с.
24. Филимонов В. П. Показательная биография патриарха Варфоломея // Восьмой вселенский собор [сайт]. – URL: <http://www.sobor8.ru/1007-pokazatelnaya-biografiya-patriarha-varfolomeya.html> [дата обращения: 07.04.2019].

25. Халкиадакис Э. Г. Вселенский патриарх Григорий V и Греческая революция 1821 г. // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 93–117.
26. Шахбазян К. Г. Имяславие или имябожничество? Краткий очерк идей, определивший существо афонского спора // Троицкий С. В. Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и имябожники. Краснодар: Свято-Ильинский храм, 2002. С. 260–301.
27. Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М.: Индик, 2014. 232 с.
28. Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь: нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М.: Общество любителей церковной истории, 2002. 524 с.
29. Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Ч. 1: Княжение Василия Васильевича Темного. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1904. 263 с.
30. Ecumenical Patriarch Bartholomew Denounces Moscow's «3rd Rome» Theory // Orthodoxos Typos. 2004.16 July.
31. Maier-Hultschin J. C. Die Orthodoxie in Hitlers weltpolitischen Spiel // Die neue Ordnung in Kirche und Staat, Gesellschaft und Kultur. 1954. № 2. S. 90–98.
32. Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge. 2001. Bd. 49. H. 3. S. 412–429.

REFERENCES

1. Anop A. F. [The revision of the Treaty of Sevres in 1921]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2011, no. 342, pp. 98–102.
2. Bagdasaryan V. E. [Sacred history is the basis of national identity.]. In: *Izborskii klub [Izborsk club]*, 2018, no. 9–10, pp. 58–71.
3. Buevskii A. [Patriarch Meletios of Constantinople and the Russian Orthodox Church.]. In: *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii [The Journal of the Moscow Patriarchat]*, 1953, no. 3, pp. 28–36.
4. Vasil'ev A. A. *Latinskoe vladychestvo na Vostoke. Epokha Nikeiskoi i Latinskoi imperii (1204–1261)* [Latin dominion in the East. The era of the Nicene and Latin empires (1204–1261)]. Petrograd, Academia Publ., 1923. 76 p.
5. Vernadskii G. V. [Two of the feat of St. Alexander Nevsky]. In: *Evraziiskii vremennik (Praga) [Eurasian Temporary (Prague)]*, 1925, book 4, pp. 318–337.
6. Veryuzhskii V. [The origin of the Greek-Bulgarian Church question and the Bulgarian schism]. In: *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii [The Journal of the Moscow Patriarchat]*, 1948, no. 7, pp. 23–32; no. 11, pp. 47–59; no. 12, pp. 31–44.
7. Vorob'ev M. N. [Metropolitan Kirill and Vladimir Cathedral in 1274 year]. In: *Istoricheskii vestnik [Historical Messenger]*, 2000, no. 1 (05), pp. 29–32.
8. Govorun S. [Dorotheos]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XVI [The Orthodox encyclopedia. Vol. XVI]*. Moscow, Pravoslavnaya Entsiklopediya Publ., 2007. pp. 24–25.
9. Ermilov P. V. [The occurrence of the Patriarchate of Constantinople into the mainstream of U.S. foreign policy in the early years of the cold war]. In: *Problemy natsional'noi strategii [Problems of National Strategy]*, 2016, no. 36, pp. 217–233.
10. Ivanov S. N. [The chronology of the Renovationist coup in the Russian Church on new archival documents]. In: *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [St. Tikhon's University Review. Series 2: History. Russian Church History]*, 2014, no. 3 (58), pp. 24–60.

11. Hilarion (Alfeev). *Svyashchennaya taina Tserkvi. Vvedenie v istoriyu i problematiku imyaslavskikh sporov. T. 2* [The sacred mystery of the Church. Introduction to the history and issues maslovskij disputes. Vol. 2]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 578 p.
12. Hilarion. *Slovo o Zakone i Blagodatii* [Sermon on Law and Grace]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 176 p.
13. Borshch K., ed. *Imiaslavie: sbornik bogoslovsko-publitsisticheskikh statei, dokumentov i kommentariiev* [Imiaslavie: a compendium of the theological and journalistic articles, documents and commentary]. Moscow, Iolantatratst Publ., 2005. 1103 p.
14. Kazakov A. V. [What is the role of the CIA in the election of the Patriarch of Constantinople]. In: *NG-Religii (prilozhenie «Nezavisimoi gazety»)* [NG-Religion (App. Independent Newspaper)], 2018, 16 Oct.
15. Kail' M. ["Orthodox factor" in Soviet diplomacy: the international communications of the Moscow Patriarchy of the mid-1940s.]. In: *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2017, no. 1, pp. 19–40.
16. Kapterev N. F. *Kharakter otnoshenii Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh* [The nature of the relationship of Russia to the Orthodox East in the XVI and XVII centuries]. Moscow, Tip. L. F. Snegireva Publ., 1885. 580 p.
17. Kartashev A. V. *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi. T. 1* [Essays on the history of the Russian Church. Vol. 1]. Moscow, TERRA Publ., 1992. 686 p.
18. Lisovoi N. N. [The Russian Church and the Patriarchates of the East. Three Church-political utopias of the XX century]. In: *Religii mira: istoriya i sovremennost'* [The religions of the world: history and modernity]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 143–219.
19. Luk'yanov A. O., Komlev P. A. [Lyon Union diplomacy of Michael VIII Palaeologus]. In: *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii (elektronnyi zhurnal)* [Language. Culture. Communication (e-journal)], 2018, no. 2. Available at: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/700/791> (accessed: 07.04.2019).
20. Mazyrin A. V. [Patriarch Tikhon of Moscow and the Patriarchate of Constantinople: the question of the causes of the actual breakup]. In: *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series 2: History. Russian Church History], 2015, no. 6 (67), pp. 9–37.
21. Miletich S. [Meletios Metaxakis: Metropolitan, Archbishop, Pope and Patriarch]. In: *Pravoslavie.ru* [Orthodoxy.ru]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41204.htm> (accessed: 07.04.2019).
22. *Pravoslavie i ekumenizm. Dokumenty i materialy: 1902–1998* [Orthodoxy and ecumenism. Documents and materials: 1902–1998. Moscow, MFTI Publ., 1999. 496 p.
23. Priselkov M. D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv.* [Essays on Church and political history of Kievan Rus X–XII centuries]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevich Publ., 1913. 414 p.
24. Filimonov V. P. [Revealing biography of Patriarch Bartholomew]. In: *Vos'moi vseleenskii sobor* [The Eighth Ecumenical Council]. Available at: <http://www.sobor8.ru/1007-pokazatel'naya-biografiya-patriarha-varfolomeya.html> (accessed: 07.04.2019).
25. Khalkiadakis E. G. [Ecumenical Patriarch Gregory V and the Greek revolution of 1821]. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2015, no. 2, pp. 93–117.
26. Shakhbazyan K. G. [The imyaslaviye or the imyabozhnichestvo? A brief outline of the ideas that determined the merits of the dispute Athos]. In: Troitskii S. V. *Uchenie sv. Grigoriya Nisskogo ob imenakh Bozhiikh i imyabozhniki* [The Teachings of St. Gregory of Nyssa about names of God and imyabozhniki]. Krasnodar, Svyato-Il'inskiy khram Publ., 2002, pp. 260–301.

27. Shkarovskii M. V. *Konstantinopol'skii Patriarkhat i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v pervoi polovine XX veka* [The Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church in the first half of the twentieth century]. Moscow, Indrik Publ., 2014. 232 p.
28. Shkarovskii M. V. *Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov': natsistskaya politika v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [Nazi Germany and the Orthodox Church: Nazi policy towards the Orthodox Church and the religious revival in the occupied territory of the USSR]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii Publ., 2002. 524 p.
29. Shpakov A. Ya. *Gosudarstvo i tserkov' v ikh vzaimnykh otnosheniyakh v Moskovskom gosudarstve ot Florentiiskoi unii do uchrezhdeniya patriarshestva. Ch. 1: Knyazhenie Vasiliya Vasil'evicha Temnogo* [State and Church in their mutual relations in the Moscow state of the Florentine Union prior to the establishment of the Patriarchate. Part 1: The Reign Of Vasily The Dark]. Kyiv, Tip. Imperatorskogo universiteta sviatogo Vladimira, 1904. 263 p.
30. Ecumenical Patriarch Bartholomew Denounces Moscow's "3rd Rome" Theory. In: *Orthodoxos Typos*, 2004, 16 July.
31. Maier-Hultschin J. C. [Orthodoxy in Hitler's world political game]. In: *Die neue Ordnung in Kirche und Staat, Gesellschaft und Kultur* [The New Order in Church and State, Society and Culture], 1954, no. 2, pp. 90–98.
32. Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment». In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge* [Yearbooks for the History of Eastern Europe New episode], 2001, vol. 49, part 3, pp. 412–429.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Dean at the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. «Второй Рим против Третьего Рима»: исторический генезис конфликта Константинопольского Патриархата и Русской православной церкви // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 17–31.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-17-31

FOR CITATION

Bagdasaryan V. "Second Rome vs. Third Rome": the historical genesis of the conflict between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 17–31.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-17-31

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-32-40

ПЕЧАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ О МИТРОПОЛИТЕ ИСИДОРЕ

Володихин Д. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проведен анализ современной историографической ситуации в изучении времени Ферраро-Флорентийской унии и фигуры митрополита Исидора на примере монографии С. Ю. Акишина «Митрополит Исидор Киевский». Целью исследования была оценка с позиций реальной истории современных попыток переосмысления деятельности Исидора в направлении реабилитации его образа, отказа от традиционной маркировки в качестве изменника православия и поборника унии. Ключевым методом анализа являлось соотнесение историографических характеристик с признанной фактологической канвой истории пятнадцатого столетия. Результатом исследования явился авторский вывод о недостаточности оснований снятия с Исидора обвинений в «продавливании» унии. Теоретическая значимость представленной статьи определяется проведением конфликтной дифференциации между сторонниками униатских преобразований в пользу Запада и приверженцами православной идентичности, что является и ключом к анализу современных вызовов развития Церкви.

Ключевые слова: православие, митрополит Исидор, церковная уния, Римский папа, Московская Русь.

SAD REFLECTIONS ON A BOOK ABOUT METROPOLITAN ISIDORE

D. Volodikhin

*Lomonosov Moscow State University¹
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. In the present article, I analyse the modern historiographic situation concerning the period of the Ferraro-Florentine Union and the figure of Metropolitan Isidore using the materials of S. Yu. Akishin's monograph "Metropolitan Isidore of Kiev". The aim of the study was to assess the modern attempts to rethink the activities of Isidor from the standpoint of real history. These attempts are aimed at rehabilitating his image, rejecting his traditional image as a traitor to Orthodoxy and an advocate of the Union. The key method of analysis was the correlation of historiographic characteristics with the recognized facts of the fifteenth century's history. It is concluded that the grounds for withdrawing charges against Isidor as "pushing through" the Union are insufficient. The theoretical contribution of this article is the distinction between supporters of Uniate transformations in the favour of the West and the adherents of Orthodox identity. This differentiation is the key to the analysis of contemporary challenges in the development of the Church.

Keywords: orthodoxy, metropolitan Isidore, ecumenical union, Roman Pope, Moscow Russia.

Постепенное введение унии Православной Церкви с папским престолом при поздних Палеологах было процессом, который начался еще при Михаиле VIII (1259–1282 гг.) и завершился незадолго до крушения Империи под ударами турок [5]. Этот процесс имел влияния на дела Православной Церкви далеко за пределами Империи, с середины XIV столетия уже не имевшей ни статуса великой державы, ни даже статуса крупной державы регионального уровня, и к тому же многократно сократившейся территориально [7, с. 138–140]. Решения, принятые в Константинополе, Ферраре и Флоренции, вызвали очень серьезные последствия во всем мире Православного Востока, включая Русь [3, с. 153–158]. Одним из творцов унии стал митрополит Исидор, пытавшийся ввести унию в Московском княжестве, но изгнанный оттуда [2, с. 142–143].

Традиционная точка зрения Русской Православной Церкви на Исидора заключается в том, что эта личность признается виновной в тяжелом вероисповедном отступничестве [6, с. 95–96]. Именно действия Исидора положили начало недоверию русской иерархии к церковному Константинополю, именно они вынудили, в частности, Русскую Церковь ко введению автокефалии [4, с. 68–69].

Однако в современной историко-церковной литературе появилось издание, претендующее на ревизию этой традиционной, давно устоявшейся точки зрения. Автор книги, которая позиционируется как научная монография, С. Ю. Акишин, стремится привести своих читателей к мысли о том, что Исидор – фигура то ли недопонятая, то ли вовсе неправильно

понятая, и к этой фигуре следует относиться иначе – внимательнее и, в какой-то степени, мягче.

Хороший биограф должен хоть немного «влюбиться» в персонажа, которого он «портретирует». Во всяком случае, именно через «вживание» в личность человека, посетившего сей мир многие века назад, легче всего научиться пониманию его глубинных надежд, страхов и моделей жизненной стратегии. А это, в идеале, предполагает весьма трудную работу интеллекта и души: биограф какое-то время живет чувствами исторической личности, учится мыслить, как мыслил его герой, проникается его стереотипами.

Но всё это хорошо до поры до времени. В какой-то момент необходимо «расцепиться» с сознанием персонажа и отстраненно оценить полученный опыт в контексте достоверно известных слов его и поступков. В противном случае биография будет написана слишком уж комплиментарно, а то и вовсе, что называется, через «розовые очки».

Сопереживание исторической личности – всего лишь инструмент биографа, оно не имеет самостоятельной ценности.

В книге С. Ю. Акишина этот принцип – «вовремя расцепиться», как представляется, оказался нарушенным. Отсюда происходит странное, двойственное впечатление, которое производит эта книга.

С одной стороны, нельзя не признать ее полезности как для специалистов по истории Церкви и Руси, так и для любителей историко-просветительского чтения. Ценность издания – именно просветительская. Притом громадное значение фигуры Исидо-

ра, не только главы Русской церкви на протяжении нескольких лет в 1430-х годах, но и персоны, оказавшей самое отрицательное влияние на отношения между церковным Константинополем и Москвой, придает работе С. Ю. Акишина особенный интерес. Нельзя не признать, что автор собрал колоссальный объем сведений о жизни, мировидении, литературных и богословских трудах митрополита Исидора. Замечательное по своей полноте собрание фактов и текстов (в книге приводятся переводы семи произведений Исидора) еще послужит историкам хорошим подспорьем в изучении сюжетов, связанных с его жизнью и деятельностью.

С этой точки зрения С. Ю. Акишина можно лишь благодарить. Как просветитель, он сделал поистине большое дело.

Но далеко не столь хорошо обстоят дела с содержательной частью книги. По всей видимости, автор поддался очарованию столь сильного, изощренного и энергичного интеллектуала, каким был Исидор, и, в какой-то степени, занялся оправданием его деятельности, самой неблагоприятной в отношении Православной церкви. Имеется в виду та лихорадочная активность, с которой Исидор продвигал дело унии между католической и православными церквями за счет унижения Православного Востока, за счет выкручивания рук и неправдивых обещаний масштабной военной помощи против турок-османов. Исидор выступает, в данном случае, как антигерой по отношению к Православию.

Автор сам признает, что уже на Базельском соборе, летом 1434 г., Исидор в одной из своих речей сознательно идет на «некоторый компромисс»,

поскольку он «несколько принижает Византийскую Церковь, словно говоря, что есть некая полнота Церкви, от которой византийцы могли отделиться» [1, с. 64].

Что же касается Ферраро-Флорентийского Собора и последующих попыток утвердить унию сначала на Руси, а затем в Константинополе, то там Исидор, – следовало бы назвать вещи своими именами, вел себя как отступник.

Но С. Ю. Акишину милее более мягкие, более расплывчатые формулировки. Отступник от веры – это ведь слишком страшно, слишком грубо... Стремление автора острые вопросы «скруглить», показывая Исидора в лучшем свете, имеют тенденцию приводить не к новому пониманию роли этой личности в истории, а к запутыванию простых, ясных вещей.

Так, например, С. Ю. Акишин отмечает: «Во время Ферраро-Флорентийского Собора полноценно и красноречиво проявилась терпимость Исидора по отношению к латинянам... Сложно сказать, что для Исидора играло первостепенное значение в заключении унии: радел ли он об утраченном единстве христианского мира, или его жгучее желание соединиться с латинянами любой ценой для получения военной помощи Византийской империи против турецкого нашествия было продиктовано его исключительным патриотизмом и нежеланием гибели Родины. Если принимать во внимание, что Исидор находился в особой связи с монархией и мог последовательно проводить проуниатскую политику византийского императора Иоанна VIII Палеолога, невзирая на какие-либо ограничения, связанные с вероучительными вопросами» [1, с. 130].

Несколько раньше автор выражал уверенность в том, что сознание митрополита Исидора «...отказывалось принимать отчуждение Востока и Запада за нормальное состояние христианского мира», поэтому Исидор «прилагал все силы для преодоления этого исторически сложившегося разделения» [1, с. 70]. Но когда доходит до дела, политические аспекты и едва ли не финансовые (Рим дал Исидору не только кардинальскую шапку, но и незаурядные доходы, позволившие ему вести жизнь состоятельного человека) оказываются на первом плане, а благородная печаль от отчуждения христианского Запада от христианского Востока становится под сомнение. Автор сам же, пусть и в предельно вежливой форме, сообщает читателям: возможно, не она играла роль первой скрипки в оркестре причин, толкавших Исидора к самоабвенному «продавливанию» унии. А «терпим» Исидор к латинянам оказался до такой степени, что сдал им всё, чего только они ни потребовали, призывая к тому же и своих единоверцев, даже участвуя в организации нажима на участников православной делегации на Ферраро-Флорентийском Соборе. Автор, в частности, отмечает, по обыкновению, «скругляя» острое: «Примерно с весны 1439 г. и вплоть до подписания унии он (Исидор. – Д.В.) вместе с... Виссарием Никейским, предпринял ряд практических действий, направленных на склонение православного духовенства к унии, благодаря чему объединение было достигнуто, правда, в ущерб чистоте православной веры» [1, с. 249]. Звучат как: «Жаль, но что поделаешь».

Можно ли подобное поведение называть всего лишь «терпимостью»? Скажем так: на совести автора.

Стоит повнимательнее взглянуть на «патриотизм» Исидора и его, как выразился С. Ю. Акишин, «особую связь с монархией». Последняя выражается в том, что Исидора ряд исследователей причисляет (по косвенным признакам, без прямого и ясного подтверждения, но все же довольно веско) к одной из боковых ветвей династического древа Палеологов либо к числу незаконнорожденных потомков одного из значнейших Палеологов. Таким образом, возможно, цель династии – сохранить власть над остатками «Греческого царства» – одновременно и его цель, его дело. Между тем автор ясно пишет об императоре Иоанне VIII, главе дома Палеологов: «Ему, как правителю Византийской империи, соединение или уния была нужна любой ценой. И здесь для него было не так важно сохранение чистоты православной веры, но его волновала судьба Империи» [1, с. 96].

Вот она и суть вопроса: сохранение чистоты веры – не так важно.

Что такое «патриотизм» Исидора с этой точки зрения? Желание сберечь остатки когда-то великой державы от нашествия турок-османов и оставить их под скипетром Палеологов. Желание, конечно же, благое, однако, думается, не любую цену уместно было платить за его исполнение.

Автор выражает полнейшую уверенность: «У погибавшей Империи не было сил, чтобы самостоятельно бороться со столь могущественным врагом, поражающим своей силой, как турки-османы, и в этих условиях единственным выходом из сложившейся ситуации было решение искать военной помощи западных государств. Поскольку эти государства в подавляющем своем большинстве были

под омофором Римского епископа, то византийцам представлялось, что единство с Западной Церковью может иметь большие перспективы» [1, с. 58].

Но так ли это? Не слишком ли далеко идет автор за своим персонажем, не слишком ли во многом некритично соглашается с ним?

Во-первых, нельзя сказать, чтобы курс религиозной политики, взятый Палеологами, являлся совершенно безальтернативным. Даже некоторые государи, принадлежащие к этой династии, отступали от него (Андроник II) или хотя бы придерживали его развитие в рамках разумного. Если же обратиться к опыту предыдущей династии, – Ласкарей, свергнутых Палеологами, то они, находясь в отчаянном положении, вели принципиально иную политику, но сумели решить задачи сбережения государства, которые стояли перед ними даже более остро, нежели перед их преемниками. В начале XIII в. Константинопольская империя рухнула под ударами латинян и рассыпалась на несколько частей; столица ее оказалась под властью западноевропейских рыцарей. Ласкари имели в своем распоряжении намного более скудный ресурс (и территориально, и по населению), чем – впоследствии – Палеологи. Но они предпочли сделать ставку на национально-религиозное возрождение, а не на конфессиональное капитулянтство. В итоге Ласкарям удалось создать могущественную державу, успешно противостоявшую и туркам, и латинянам. Ласкари также обеспечили возвращение статуса имперской столицы поработанному Константинополю.

Палеологи добивались того же, но они не умели развивать экономическую

и демографическую мощь собственного народа, и лишь поэтому возложили упования на помощь «коллективного Запада» с Римом, как духовным лидером, во главе. Подобная перемена в политике не только не была «единственным выходом», но и в целом основывалась на ложной предпосылке, что Рим, а с ним и западные короли, захотят спасти Константинополь. Более того, даже и пожелав оказать столице Империи помощь, западноевропейские монархи с папством вряд ли имели такую возможность. Время крестовых походов прошло. Европу раздирали противоречия, распри, междоусобные войны. Авторитет папского престола упал. Так что уместно словами Гоголя произнести над могилой палеологовских надежд и упований самого Исидора жестокую эпитафию: «Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?»

Папа Евгений IV обещал за унию, среди прочего, прислать императору на полгода 20 галер, снаряженных на его счет, а также позаботиться о приглашении европейских государей с сухопутными войсками на помощь Константинополю. Автор книги, кстати, приводит эти сведения. Но... уния состоялась, 20 галер не пришли, ни один западноевропейский государь не явился под стены имперской столицы, чтобы спасти ее от турок. Помощь папского престола, практическое оказание которой было возложено лично на Исидора, ограничилась наймом нескольких сотен бойцов.

Следовательно, весь план Палеологов и их союзника Исидора изначально основывался не только на, мягко говоря, конфессиональной «гибкости», но и на недостатке стратегического мышления, т.е. на скверном расчете.

Упорство нескольких монархов палеологовской династии, а вместе с ними Исидора Киевского и Виссариона Никейского, в следовании проуниатской политике в значительной степени разрушило единство поздневизантийского социума, т.е. подрывало силы, необходимые для сопротивления туркам. Возможно, именно разрыв между верхушкой общества и его корневой массой оказался главным фактором гибели Империи. Ведь у государств, помимо земного бытия, есть еще и небесное предназначение. Империя в расцвете своей судьбы отличалась от прочих государств Европы высокой культурой, развитым до изысканности ремеслом, военной мощью и совершенством правовой системы, однако всё это были производные от того драгоценного вина, которое хранилось в сосуде ее державных стен, – вероисповедной истины, т.е. ортодоксального христианства. И вот несколько просвещенных патриотов, гуманистов и утонченных интеллектуалов решили выплеснуть вино ради сохранения сосуда...

Да умно ли было сохранять его ради внутренней пустоты? Умно ли было отвернуться от небесного, возлюбив земное?

Идейная позиция, занятая автором книги, время от времени лишает его беспристрастности в вопросах исследовательского метода, а это уже совсем скверно для научного издания.

Так, например, С. Ю. Акишин трактует информационную ценность русских источников по истории судьбы митрополита Исидора весьма критически. По его словам, «Русские источники и сказания о Флорентийском Соборе также имеют некоторое

(правда, второстепенное) значение для реконструкции биографии митрополита Исидора. В работе нами были использованы только несколько источников этого типа – Никоновская, Вологодско-Пермская, Густынская, Софийская, Псковская, Ермолинская и Новгородская летописи, Московский летописный свод конца XV в., летопись по Воскресенскому списку и «Хождение на Флорентийский Собор» в первоначальной редакции, изданной Н. А. Казаковой. Авторы этих сочинений, как и вообще все русские источники по истории Руси XV в., весьма тенденциозно относятся к митрополиту Исидору и поэтому излагают события скупо и не всегда, как кажется, точно. Кроме того, большинство этих сочинений написано после подписания Флорентийской унии и ее неприятия в России, отчего на главное действующее лицо Ферраро-Флорентийского Собора – митрополита Исидора – русские авторы смотрели исключительно негативно, что далеко не способствовало объективному взгляду на его личность» [1, с. 28–29].

Многое из сказанного, мягко говоря, – вне науки.

Начнем с «мелочей». Какая это «Софийская летопись»? И какая «Новгородская летопись», «Псковская летопись»? Не существует вообще-Софийской, вообще-Новгородской и вообще-Псковской летописей, поскольку все софийские, новгородские и псковские летописи изданы и фигурируют в научной литературе под номерами. Например: 4-я Новгородская, 3-я Псковская, 2-я Софийская. Похоже, автор просто не дал себе труда разобраться с собственными источниками, на которые он ссылается.

Выражения типа «В работе нами было использовано только несколько источников этого типа...» – ставят в тупик. Какого типа? Русские? Летописные? И что значит «только несколько»? Девять огромных летописных сводов, содержащих самую обширную информацию о действиях Исидора на Руси, – это и значит «только несколько». И это в равной мере значит, что автор, низко оценив значимость русских источников для воссоздания биографии Исидора, все же не мог без них обходиться и должен был широко использовать их, поскольку никаких других источников по значительным периодам в судьбе Исидора¹ просто нет.

В действительности же, если приглядеться к тому, как написаны «русские параграфы» в монографии С. Ю. Акишина, станет ясно, что им использовались в первую очередь вообще не источники, а литература, созданная предшественниками автора по данному вопросу, притом литература, ... опирающаяся, главным образом, всё на те же русские источники, т.е., прежде всего, летописи.

Как же это русские источники оказались второстепенными, если вне контекста летописей в принципе невозможно реконструировать многомесячные периоды в жизни Исидора, проведенные на Руси, в частности, в Москве? Несколько лукавил тут автор, поскольку отношение к Исидору в русских летописях и впрямь самое недоброжелательное. Ну так ведь и поделом – он принес унию, т.е. отступничество от веры.

¹ Имеются в виду период пребывания Исидора на митрополичьей кафедре до отъезда на Ферраро-Флорентийский Собор, а также пребывание в Москве после возвращения с Собора.

И тут возникает более серьезный вопрос: если, по мнению автора, русские источники тенденциозны, а сам факт их создания после того, как Московская Русь во главе с великим князем Василием II отвергла унию, дурно влияет на объективность их создателей при обращении к образу Исидора, резонно было бы предположить, что существуют некие источники, которые «объективны» (надо понимать: «доброжелательны») к Исидору, и их свидетельствами опровергается нечто важное в «показаниях» русских источников. Иначе говоря, что автору ведомо, как относились к Исидору на Руси, какие поступки он совершал и как вел себя при этом, из неких объективных, точных в изложении и нетенденциозных источников. Но где они? Может ли автор их предъявить? Нет ли в его монографии соответствующих ссылок? Нет, ничего нет. Есть только одно желание С. Ю. Акишина вызвать у своей аудитории благосклонное отношение к Исидору. Потому и выходит, что источники виноваты, а Исидор светел – исходя из одних лишь авторских предпочтений.

С этой точки зрения приходится констатировать, что сама работа С. Ю. Акишина, несмотря на все ее достоинства просветительского характера, написана тенденциозно; автор не сумел найти достаточно убедительных аргументов, чтобы оправдать Исидора, и проявил своего рода наивность, «скругляя» острое в его судьбе. Остается добавить немного: историку, тем более – историку-христианину подобает трезвый взгляд на людей и события прошлого. Очаровавшись крупной исторической личностью, следует заставить себя на какое-то время отло-

жить перо и лишь позднее, по прошествии изрядного времени, вернуться к работе с холодным умом.

Такова специфика нашего ремесла.

Статья поступила в редакцию 03.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. 324 с.
2. Борисов Н. С. Русская Церковь в политической борьбе XIV – XV веков. М.: МГУ, 1986. 207 с.
3. Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 528 с.
4. Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1996. 408 с.
5. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. Ставрополь: Кавказский край. 1993. 416 с.
6. Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV – XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука. 1991. 396 с.
7. Тальберг Н. История Русской Церкви. М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 528 с.

REFERENCES

1. Akishin S. Yu. *Mitropolit Isidor Kiyevskiy* [Metropolitan Isidore of Kiev] (1385/1390–1463). Yekaterinburg, Yekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya Publ., 2018. 324 p.
2. Borisov N. S. *Russkaya Tserkov' v politicheskoy bor'be XIV–XV vekov* [The Russian Church in the Political Struggle of the 14th – 15th centuries]. Moscow, MGU Publ., 1986. 207 p.
3. Ioann (Snychev), Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga. *Samoderzhaviye dukha: Ocherki russkogo samosoznaniya* [Autocracy of the Spirit: Essays on Russian Self-Consciousness]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2007. 528 p.
4. Pospelovskiy D. V. *Pravoslavnaya Tserkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR* [The Orthodox Church in the history of Russia, Russia and the USSR]. Moscow, Bibleysko-Bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 1996. 408 p.
5. Pushkarev S. G. *Obzor russkoy istorii* [Overview of Russian history]. Stavropol, Kavkazskiy kray Publ., 1993. 416 p.
6. Skrynnikov R. G. *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XVI vv. Podvizhniki russkoy tserkvi* [The State and the Church in Russia of the XIV–XVI centuries. Ascetics of the Russian church]. Novosibirsk, Nauka, 1991. 396 p.
7. Tal'berg N. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr, 1994. 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: volodih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodokhin – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: volodih@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володихин Д. М. Печальные размышления над книгой о митрополите Исидоре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 32–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-32-40

FOR CITATION

Volodokhin D. Sad reflections on a book about metropolitan Isidore. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 32–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-32-40

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-41-49

«МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» КАК АРХЕТИП РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Реснянский С. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования являлось рассмотрение концепции «Москва – третий Рим» в соотнесении с генезисом российской цивилизации. Использовались, с одной стороны, традиционные методы исторического исследования, с другой, – методология теории цивилизаций, развития идеальных систем, национальных архетипов. В статье реконструируются основные составляющие теории «Москва – третий Рим», проводится ее контекстуализация в рамках различных периодов истории России и мира. Автор обосновывает мысль, что данная теория является смысловой основой мессианского представления об особой роли и значении России в мировой истории, являясь архетипом русского национального самосознания. Теоретическая значимость представленного исследования состоит в формировании основ выдвижения новой концепции российской историософии, опирающейся на традицию русской национальной исторической рефлексии.

Ключевые слова: «Москва – третий Рим», Византия, мессианизм, эсхатология, православие, конец света, теозис, Флорентийская уния.

“MOSCOW IS THE THIRD ROME” AS AN ARCHETYPE OF RUSSIAN ORTHODOX IDENTITY

S. Resnyansky

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The aim of this study was to consider the concept of "Moscow is the Third Rome" in relation to the genesis of Russian civilization. To this end, the conventional methods of historical research were used, along with the methodology of the theories of civilizations, development of ideal systems, national archetypes. I reconstruct the main components of the "Moscow is the Third Rome" theory and contextualize it within different periods of Russian and global history. This theory is believed to be a semantic basis for Messianic ideas about a special role and importance of Russia in world history, being an archetype of Russian national identity. The theoretical relevance of the present study is the contribution to introducing a new concept of Russian historiography, based on the tradition of Russian national historical reflection.

Keywords: Moscow is the Third Rome, Byzantium, messianism, eschatology, orthodoxy, end of the world, theosis, the Union of Florence.

Теория «Москва – Третий Рим» является потенциалом православно-го архетипа России, её мессианской устремлённости в будущее. Эта теория во многом определила направление деятельности Русской православной Церкви и русской духовной жизни вообще. Для того, чтобы понять в какой духовной атмосфере рождались смыслы этой теории, на каком духовном фундаменте их истоки, надо, как мне представляется, исходить из религиозного, а не секулярного сознания в понимании этого процесса, ибо библейская экзегеза (экзегеза – это практика толкования библейских текстов) исходила из того факта, что история – не просто событийная канва, а вечность в настоящем, это во многом метафизический процесс, за внешними событиями и людскими поступками в котором отражается неизменная борьба универсальных мистических сил добра со злом.

Римская империя, во времена которой в период правления императора Августа родился Иисус Христос, была «удерживающим» от абсолютизации зла в мире. Такой для православного мира была и Ромейская империя (как называли её сами греки), или Византия, «катехоном», «удерживающим». Христианский Бог предстаёт в этой связи и Богом истории, промыслительно определяющим её движение. Следовательно, знать историю для Богопознания необходимо, ибо религиозное восприятие исторических событий, это не психологизм, а так же реально, как реально восприятие физическое. Это особенно важно понимать, или, скорее, почувствовать интуитивно, потому что, как отмечал Н. А. Бердяев в работе «Типы религиозной мысли в

России»: «Православная мысль в допетровской Руси была связана исключительно с религиозной миссией русского государства, обоснованием идеи русского православного царства. Таков инок Филофей с его идеей Москвы как третьего Рима, Иосиф Санин, Иван Грозный» [5, с. 12]. Действительно, на Руси складывался иной принцип генезисных оснований государственной власти и духовной культуры, в отличие от Западной Европы, – теономный или теоцентричный, Богозаконный.

Как известно, Русь входила в состав православных государств Византийского круга. Вхождение Руси в Византийскую ойкумену, наднациональной общности православных держав, центром которой был Константинополь или Царьград, как называли столицу Византийской империи на Руси, определило и наследственность духовных ценностей Великой восточноправославной онтологии. Эти богатые россыпи высокой духовности, их глубокое идейное содержание составили дискурсивную основу российской цивилизации [2]. Отнюдь не случайно К. Н. Леонтьев подчёркивал в своём знаменитом произведении «Византизм и славянство», что «Византийский дух, византийские начала и влияния как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [8, с. 105]. Именно в этом духовном пространстве, картина мира которого коренным образом отличалась от духа идей западной цивилизационной модели, и артикулировался мыслительный процесс создания теории «Москва – Третий Рим» иноком Филофеем.

Важно в этой связи подчеркнуть, что с принятием православия для рус-

ского сознания открылось новое, до этого совершенно неведомое для Руси, духовное пространство, сфера Духа как реальности Триипостасного Бога, образ Царства Божия. Славянское язычество радикально преобразилось в рамках православной картины мира, внося в неё свои ментальные славянские черты. (Не случайно С. Н. Булгаков неоднократно говорил о «русском Боге», а, например, М. Лютер оперировал понятием «немецкий Бог».) Прежняя связь славянина-язычника с окружающим миром, мыслившаяся им в горизонтальной плоскости в традициях языческой архаики, приобрела иное направление – вертикальное, как устремлённости человека в сакральный, метафизический мир. Это изменение духовной парадигмы кардинально изменило онтологическую перспективу будущего, да и внерациональный способ мышления русского человека вообще. И ещё очень важно отметить тот факт, что византийское православие принесло в славянский мир идею движения как исторического, линейную развёрстку мировой истории вместо циклического («архетипического повторения одних и тех же жестов»), так и онтологического движения: человек, будучи Образом Божьим, должен превзойти то состояние, в котором он вошёл в мир, от ветхого Адама до Иисуса Христа.

Идеи Преображения, «теозиса», «обожения» человека не было в западном христианстве: ни в католицизме, ни тем более в протестантизме. Это особенно важно подчеркнуть, ибо только в контексте Преображения, «теозиса» и можно понять, что имел в виду инок Филофей, говоря в своей теории «Москва – Третий Рим» о сме-

няющихся царствах и Третьем Риме – царстве Московском. Позднее об этой идее Преображения, о созидании в себе «внутреннего, цельного человека», созидания «Царства Божия внутри нас», говорил Григорий Палама, исихазм которого явил собой через Сергия Радонежского и его учеников Золотой век русского религиозного Ренессанса в XIV в. (Исихастами были, наследуя этой традиции, и Иосиф Волоцкий и инок Филофей, который также, несомненно, принадлежал к исихастскому монашеству [15]). Отсюда и тот идеал, который Православие сформулировало для славянского этноса – Святая Русь и, хочу ещё раз подчеркнуть, Святая Русь, как путеводная звезда в духовном пространстве мировой истории, как идеал «теозиса» человека, а значит и всего православного мира в целом, а это предполагало новую управленческую вертикаль власти, теократическую диархию управления «Священства» и «Царства», симфонию духовной и светской власти. «Византия может похвастаться тем, что нигде вопрос о союзе Церкви и государства не был решён более удачно», – отмечал в своей книге «Монархическая государственность» Л. Тихомиров [13, с. 151].

Природа церкви теократична. В этой связи Церковь и Царство, хотя и неслиянно, но и нераздельно, подобно двум природам в Богочеловеке Иисусе Христе, в едином Лице Христовом, призваны духовно направлять человеческую жизнь, как личную, так и всего социума, в едином служении делу Божью. В. Н. Лосский писал, что «в своём христологическом аспекте церковь представляется нам организацией, обладающей двумя природами, двумя

действиями, двумя волями» [10, с. 98].

Эта византийская модель церковно-государственных отношений явилась базовой доминантой всей духовной жизни славянского этноса, консолидировав его в единый русский народ, создав тот архетип русского национального самосознания, в рамках которого только и могла сформироваться теория инок Филофея «Москва – Третий Рим». Однако первым, кто сделал жизненно важные выводы для русского православного самосознания из этой духовной кладези византийского наследия, был митрополит Илларион. Анализируя его книгу «Слово о законе и благодати», становится понятным, что церковно-государственные отношения понимались им не только как проблема законодательства и реальных отношений к Церкви светских властителей. Это проблема для митрополита Иллариона общей духовной и социально-политической атмосферы в обществе, она напрямую связана с выбором Русью своего вектора в мировой истории, ибо для митрополита Иллариона Православие было не только путём личного Спасения, но и Откровением о ходе развития всей мировой истории, соотношением добра и зла, Востока и Запада. Митрополит Илларион в этой связи обосновывает идею об особой роли Руси среди мировых держав как о Богохранимой державе и как достойной хранительнице православной истины, формулирует идею о Богоизбранности русского народа. Этот же вопрос о месте Руси в мировой истории занимает и летописца Нестора в его «Повести временных лет». На эти мысли митрополита Иллариона и Нестора будет позднее опираться инок

Филофей в своей теории «Москва – Третий Рим», ими была насыщена вся атмосфера русского социума [6].

Событийная канва внутригосударственной и внешнеполитической ситуации, в какой оказалась Русь, также подготовила почву для появления теории «Москва – Третий Рим». Как гром с ясного неба – для православного мира Ферраро-Флорентийская уния (1439 г.), и эту унию подписывают русский митрополит грек Исидор и его сподвижник епископ Суздальский Авраамий, и которая была категорически отвергнута Великим князем Московским Василием II; а вслед за этим событием новая катастрофа вселенского масштаба – падение Царьграда под ударами турок-османов. Император Константин XI погиб, так и не дождавшись обещанной военной помощи с Запада в обмен на унию церквей во главе с папой Евгением IV. Для православного мира это была шоковая ситуация. Для людей эсхатологически мыслящих встал ключевой вопрос, как жить дальше, на каких основах теперь будет существовать православный мир, если не стало «катехона», «удерживающего» мир от вселенского зла [9]. Кто вообще станет хранителем истинной православной веры на земле, новым «катехоном»?

В духовной атмосфере православных народов возникали в разное время различные проекты таких духовных центров «*Roma acterua*», пожелавших стать преемником Константинополя, «Третьим Римом»: сербы нарекли Белград «Третьим Римом», болгары – Великое Тырново. Сербский царь Стефан Душан и болгарский царь Иоанн-Александр объявляли себя преемниками Рима. Однако ко второй полови-

не XV в. все эти страны стали частью турецкой державы, утратив свою государственность, западные славяне были онемечены, часть южных славян, не попавших под турецкое господство, находились под протестантско-католической Австрией. Славянский мир был расколот. Единственной православной, независимой славянской страной (1480 г. – освобождение от золотоордынского ига) и успешно проводившей централизацию своей государственной власти, была Русь, самое крупное государство Европы.

В связи с этим на Руси возникла острая дискуссия о царском титуле Великого князя, царском титуле, который должен констатировать, с одной стороны, суверенитет и независимость Великого князя от правителей государств, распавшейся Золотой Орды, с другой стороны, стать номинальным главой всего православного мира, покровителем всех православных христиан, заменив тем самым византийского императора. Известно, например, что в Договоре от 1515 г. с императором Священной Римской империи Максимилианом I Великий князь Василий III впервые в истории Руси был назван императором руссов. (На этот факт будет ссылаться Пётр Великий при обосновании своего императорского титула.) В 1519 г. Папа Лев X предложил Василию III через своего спецпосланника Дитриха Шонберга титул царя, а московскому митрополиту – стать патриархом на условиях церковной унии. В 1525 г. папа Климент VII опять предлагает Василию III титул, правда, уже короля, но с условием, что Великий князь согласится на унию. Все эти предложения были отвергнуты. Более того, не приняв унию с Римом, имея статус

автокефалии (де-факто с 1448 г., когда Поместный церковный Собор официально отверг Ферраро-Флорентийское соглашение и поставил на русскую митрополицию кафедру Иону, епископа Рязанского), русская православная Церковь управлялась независимыми русскими митрополитами вплоть до учреждения патриаршества (1589 г.). Брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего императора Византийской империи, византийский двуглавый орёл, ставший государственным гербом Руси, все эти события бурного века, свидетелем которых был инок Филофей, были осмыслены и переработаны им как явления мирового порядка, духовный смысл которых вылился в его теорию «Москва – Третий Рим», где подчёркивалась идея исключительности русского государства на мировом фоне, как хранителя истинной православной веры [1].

Творчеству инок Филофея предшествовала богатая литературная традиция, формировавшая государственную идеологию молодой централизованной державы, где уже появляются идеи перемещения на Русь духовного центра мировой истории, как реакция на Ферраро-Флорентийскую унию и падение Константинополя. Это такие произведения, как «Повесть о новгородском белом клобуке», в котором развивается идея providенциального перенесения политической и религиозной роли Византии на Русь, «Сказание о Вавилоне-граде», где обосновывается мысль о законности нового царства, «Сказание о князьях Владимирских», где говорится об истоках родословной московских князей от брата римского императора Августа Пруса и о получении князем Владими-

ром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. Пасхалия митрополита Зосимы, где Иван III назван царём и новым Константином. Кстати сказать, и Кремлёвский архитектурный ансамбль строился как величественный державный комплекс, подобно древнеримскому Капитолию, стоящему на семи холмах [14].

В своем полном виде концепция «Москва – Третий Рим» была изложена иноком псковского Елеазарова монастыря Филофеем [12]. О самом Филофее сохранились очень скудные сведения. Монах, но, возможно, и настоятель, Псковско-Елеазаровой обители, ибо «многое показал дерзновения к государю, боярам и наместникам», видимо, принадлежал к кругу иосифлян, потому как Иосиф Волоцкий, лидер этого движения, был, как известно, одним из авторов концепции царской власти. О себе Филофей, как подобает смиренному монаху, говорил, что он «человек сельский, учился буквам, а елинских борзостей не токах, а риторских астрономий не читал, ни с мудрецами философами в беседе не бывал». Но его современники говорили о нём совсем иное: «Той старец был образованным человеком «премудрости словес знаем». Известно, что в молодые годы Филофей побывал в Италии, Германии, Польше, тридцать лет провёл на Афоне. Конечно, безусловно, инок Филофей был выдающимся представителем русской православной духовности.

Историк А. В. Корневский в книге «По следам Филофея. Опыт реконструкции древнерусского книжника» отмечал, что самое раннее из дошедших до нашего времени работ инока Филофея – его «Послание по случаю

морового поветрия» датируется 1521 г. (он уже тогда был назван старцем). Последнее его Послание было адресовано царю Ивану Грозному, скорее всего, в 1547 г. Дата смерти Филофея, как полагает А. В. Корневский, была вскоре после 1547 г. [7, с. 38].

Концепция инока Филофея основывается на мысли о Богоизбранности народов и преемства царств, которые в свою очередь базируются на проведения идеализме, промышленности Божия о судьбах человечества. Для обоснования своей теории Филофей прибегает к ветхозаветному пророчеству о четырёх царствах пророка Даниила, последовательно сменявших друг друга: халдейском (вавилонском), ассиро-персидском, греческом (Александра Македонского). Пророк Даниил предсказывал, что «Во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится. Оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»¹.

Многочисленные христианские экзегеты говорили, что пророк Даниил говорил о Римской империи, где родился Иисус Христос. Ими была выдвинута теория «Длящегося Рима». Филофей в своих Посланиях к княжескому наместнику в Пскове дьяку М. Г. Мунехину и непосредственно к самому Великому князю Василию III, как и в своё время митрополит Илларион, обращаясь к всемирной истории, говорил о том, что первый Рим был сокрушен варварами из-за «апполинариевой» ереси и отпадения жите-

¹ См. Толкования Священного Писания на Дан. 2:44 на сайте Введенского мужского ставропигиального монастыря Оптина Пустынь. URL: <http://bible.optina.ru/old:dan:02:44> (дата обращения: 07.04.2019)

лей Рима от христианской веры. Это событие Филофей связывает с эпохой Карла I (801–814 гг.) и Римского Папы Формоза (891–896 гг.); второй Рим–Константинополь пал в результате турецкой агрессии из-за предательства православной веры вследствие заключённой унии с католиками на Ферраро-Флорентийском Соборе (1439 г.) В результате произошло перемещение «Ромейского царства» на Русь. Все судьбы православного мира соединились («снидоша») в «Третьем Риме» – Москве. Ключевая фраза этой теории Филофея – «два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать» [11].

На этом основании русская православная церковь предстаёт в концепции Филофея как наследница единой христианской церкви, подчёркивается её особый статус в соответствии с византийской моделью священной двоицы «Священства» и «Царства», симфонии властей, а московское царство является Богоизбранным преемником Римской империи. Москва как единственная держава, сохранившая истинную православную веру, должна стать «Третьим Римом» до «скончания века». Таким образом, мессианский смысл этой теории «Москва – Третий Рим» заключается в том, что Третий Рим – это весь православный мир, находящийся под опекой и покровительством Руси. Однако надо сказать, что есть мессианство господства над миром, как это демонстрирует в своей истории Запад, а есть мессианство Спасения и как следствие Преображе-

ние человека, «теозис» [3, с. 49–65].

Русское мессианство, которое было изложено иноком Филофеем – это идея спасения человека, спасение мира от вселенского зла. Позднее эта теория инок Филофея была включена митрополитом Макарием в «Великие Четьи-Минеи» и тем самым приобрела официальный статус, ибо в предисловии митрополит Макарий отмечал, что «здесь все святые книги собраны и написаны, которые в Русской земле обретаются». Ссылки на эту концепцию инок Филофея появляются в «Казанской истории», в Грамоте об учреждении патриаршества (1589 г.), надписи, на Псалтыри Бориса Годунова, «Повести о начале Москвы» (XVII в.), в дискуссиях славянофилов и западников, в книгах русских религиозных философов В. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева [4]. Она, эта теория, прикровенно жива и сейчас – как основа российского имперостроительства не просто как светской организации, а как таинственного организма, как препятствия, как «удерживающего» мир от вселенского зла в рамках эсхатологической драмы борьбы добра и зла. Но мы знаем, что Господь хранит Россию, и её опыт имперостроительства на основе русского православного самосознания будет востребован, ибо миссия России как Третьего Рима – спасение мира от прихода антихриста, как об этом говорил в своей теории «Москва – Третий Рим» инок Филофей.

Статья поступила в редакцию 27.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Национальный политический ритуал в контексте истории российской повседневности // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2008. № 3. С. 3–13.
2. Багдасарян В. Э. Теория цивилизационного маятника. М.: Собрание, 2007. 214 с.

3. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Превосходство, присвоение, неравенство. М.: Научный эксперт, 2013. 304 с.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Азбука, 2016. 224 с.
5. Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. 714 с.
6. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.
7. Корневский А. В. По следам Филофея: опыт реконструкции биографии древнерусского книжника. М.: Владос, 1998. 320 с.
8. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. М.: Республика, 1996. 799 с.
9. Лобье, П. де. Эсхатология. М.: Астрель, 2004. 160 с.
10. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие // Богословские труды. Сборник восьмой, посвященный Владимиру Лосскому. М.: Издание Московской Патриархии, 1972. С. 9–128.
11. Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: историко-литературное исследование. К.: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1901. 1029 с.
12. Тимошина Е. В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение. 2005. № 4. С. 181–208.
13. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб.: Айрис-Пресс, 2006. 624 с.
14. Ульянов О. Г. О времени зарождения на Руси концепции «Москва – Третий Рим» («Donatio Constantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 196–214.
15. Ульянов О. Г. Правое и левое, или эпистемология «царского пути» в исихастской традиции // Феномен человека в его эволюции и динамике. М.: ИФ РАН, 2009. С. 46–78.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. [National political ritual in the context of the history of Russian everyday life]. In: *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa* [Bulletin of the association of universities of tourism and service], 2008, no. 3, pp. 3–13.
2. Bagdasaryan V. E. *Teoriya tsivilizatsionnogo mayatnika* [Theory of the Civilization Pendulum]. Moscow, Sobraniye Publ., 2007. 214 p.
3. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Prevoskhodstvo, prisvoyeniye, neravenstvo* [Excellence, Appropriation, Inequality]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2013. 304 p.
4. Berdyayev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Azbuka Publ., 2016. 224 p.
5. Berdyayev N. A. *Tipy religioznoy mysli v Rossii* [Types of religious thought in Russia]. Paris, YMCA-Press, 1989. 714 p.
6. Hilarion. *Slovo o Zakone i Blagodati* [Sermon on Law and Grace]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2011. 176 p.
7. Korenevskiy A. V. *Po sledam Filofeya. Opyt rekonstruktsii biografii drevnerusskogo knizhnika* [In the footsteps of Philotheus. The experience of the reconstruction of the biography of the old Russian scribe]. Moscow, Vlados Publ., 1998. 320 p.
8. Leont'yev K. N. *Vostok, Rossiya i slavyanstvo. Filosofskaya i politicheskaya publitsistika* [East, Russia and Slavs. Philosophical and political journalism]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 799 p.
9. De Laubier P. *Eskhatologiya* [Eschatology]. Moscow, Astrel Publ., 2004. 160 p.
10. Losskiy V. N. [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology] In: *Bogoslovskiy trudy. Sbornik vos'moy, posvyashchenny Vladimiru Losskomu* [Theologi-

cal Works. Collection of the eighth, dedicated to Vladimir Lossky]. Moscow, Moskovskoy Patriarhii Publ., 1972, pp. 9–128.

11. Malinin V. N. *Starets Yeleazarova monastyrya Filofey i yego poslaniya: Ist.-lit. issledovaniye* [Starets Eleazarov Monastery Filofey and his epistles: a historical and literary study]. Kiev, Tipografya Kiyev-Pecherskoy Uspenskoj lavry Publ., 1901. 1029 p.
12. Timoshina E. V. [The Theory of the “Third Rome” in the writings of the “Philothean Cycle”]. In: *Pravovedeniye* [Jurisprudence Journal], 2005, no. 4, pp. 181–208.
13. Tikhomirov L. A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical statehood]. Saint Petersburg, Ayris-Press Publ., 2006. 624 p.
14. Ul'yanov O. G. [On the time of the birth of the concept of “Moscow – Third Rome” in Russia (“Donatio Constantini Magni” and “The Tale of a White Hood”)]. In: *Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisaniye* [Terminology of historical science. Historiography]. Moscow, IVI RAN Publ., 2010, pp. 196–214.
15. Ul'yanov O. G. [Right and left, or the epistemology of the “royal path” in the hesychast tradition]. In: *Fenomen cheloveka v yego evolyutsii i dinamike* [The phenomenon of man in his evolution and dynamics]. Moscow, IF RAN Publ., 2009, pp. 46–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: s-r44@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: s-r44@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Реснянский С. И. «Москва – третий Рим» как архетип русского православного самосознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 41–49.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-41-49

FOR CITATION

Resnyansky S. “Moscow is the Third Rome” as an archetype of Russian Orthodox identity. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 41–49.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-41-49

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930+17.035.3(=430)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-50-54

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О НЕМЕЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Аннотация. Читателю предлагается перевод одной из работ известного немецкого мыслителя Освальда Шпенглера – «*Vom deutschen Volkscharakter*» («О немецком национальном характере») с введением к переведенному тексту. Шпенглер попытался выявить специфические черты своего народа. Фоновым компонентом анализа выступает не только немецкая история, но и особенности других народов. К важнейшим чертам немецкого менталитета он причисляет дисциплинированность («безграничная потребность служить»), а также отсутствие приверженности политическому расчету и «политическому театру». Вместе с тем он подчеркивает доверчивость немцев к такой стороне политического лидерства как фюрерство. Работа Шпенглера может представлять интерес как для историков, так и для политологов, обращающихся к методологии аксиологического анализа явлений политического порядка.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, немецкий национальный характер, политика, лидер, власть, народ, традиция.

ABOUT THE GERMAN NATIONAL CHARACTER, BY OSWALD SPENGLER

Abstract. The reader is offered a translation of an essay by the famous German scholar Oswald Spengler “*Vom deutschen Volkscharakter*” (“On the German national character”) with an introduction to the translated text. In this work, Spengler made an attempt to elucidate some cultural features specific to his nation. The analysis was carried out in a broad context of German history and cultural characteristics of other nations. According to Spengler, the German mentality is characterized by such features as increased discipline (“unlimited need to serve”) and a lack of commitment to political calculation and “political theatre”. At the same time, he emphasizes Germans’ gullibility with regard to such a form of political leadership as “f hrership”. Spengler’s work may be of interest both to historians and political scientists applying the methodology of axiological analysis for investigating various political phenomena.

Keywords: Oswald Spengler, German national character, politics, leader, power, people, tradition.

К переводу «Vom deutschen Volkscharakter»...

Освальд Шпенглер знаком нашему читателю в первую очередь по книге «Закат Европы». Переводы на русский язык его других важнейших работ («Политические произведения», «Годы решений», «Пруссачество и социализм» и др.) также неоднократно предпринимались. В этой же публикации вниманию читателей предлагается уникальный перевод его малоизвестной широкой публике статьи «Vom deutschen Volkscharakter» («О немецком национальном характере»)¹, входящей в отдельный сборник «Reden und Aufsätze» («Речи и очерки»). Значение трудов Шпенглера для российской науки сложно переоценить, ведь его сочинения в свое время вызвали резонанс не только в среде российских историков, но и были переосмыслены представителями отечественной академической политологии, – в том числе и автором оригинальных геополитических моделей В. Л. Цымбурским. Так, Вадим Леонидович в своих исследованиях делает примечательные отсылки к категориальному аппарату Шпенглера, органично встраивая их в собственный концепт («псевдоморфозы», «высокая культура» и др.). Кстати, в данной статье Шпенглер употребляет родственный термин «воспитание высокого стиля».

Такой неподдельный интерес исследовательского сообщества к шпенглеровскому творчеству становится понятен даже при прочтении данной статьи. В ней немецкий ученый предпринял интересную попытку выявить специфические черты народа, к которому сам

и принадлежал. Следует подчеркнуть, что фоновым компонентом шпенглеровского анализа выступает не только немецкая история, но и особенности национального характера, менталитета других народов, что современные политологи определяют как компаративистику политических культур. В очерке проводится мысль, что народы являются не порождением героических эпох, но – времен испытаний.

Шпенглер уловил самую суть неоднородности политического ландшафта тогдашней Германии: «Какие там системы мышления, какие мировоззрения, какие ещё политические идеи! Каждый из нас пишет на своём немецком, каждый носит разное, каждый считает по-разному, каждый хочет чего-то своего». Эта черта сохраняет свою актуальность и в современной ФРГ, где федеральные земли, ранее входившие в коммунистическую ГДР, характеризуются спецификой политической идентичности и особенностями электорального поведения (достаточно вспомнить, что в Восточной и Западной Германии у немцев пользуются популярностью совершенно разные партии).

Помимо этого, примечательно выделение Шпенглером в этой работе особой «души» немецкого народа. Здесь намечаются явные параллели с идеями французского социолога и культуролога Густава Лебона, выраженными, но недостаточно концептуализированными им в книгах «Психология народов» и «Психология масс». Особенно интересны шпенглеровские размышления на тему конкретных национальных черт немцев, к которым он причисляет дисциплинированность («безграничная потребность

¹ Статья написана Шпенглером в 1927 г.

служить»), а также отсутствие приверженности политическому расчету и «политическому театру». При этом Шпенглер подчеркивает доверчивость немцев к такой стороне публичной политики и лидерства, как фюрерство. В этом отношении идеи немецкого автора особенно сохраняют свою актуальность и во многом перекликаются с исследованиями Карла Густава Юнга и Эриха Фромма...

О немецком национальном характере Освальд Шпенглер¹

Характер народа есть результат воплощения его Судьбы. Ни земля, ни климат, ни небо или море, даже ни раса или кровь порождает его. Всё это не более чем материал, из которого куётся Историческая Правда. Едва ли он способен сформироваться в процессе «образования»: через практики речи, письма и чтения. Всё это даже не мажорданный костюм для него.

Из истории мы знаем, что страдания в большей степени, нежели успехи, формируют характер. «Римлянин» не является порождением побед великих времён, после Битвы за Сентинум, как, скорее, вы могли бы предположить, но он порождён тяжёлым положением предшествующих столетий, когда люди находились на грани уничтожения. Белые народы современности, даже самые старые из них, на самом деле, не старше тысячелетия. Они произошли от Карла Великого, когда германские племена собственными усилиями породили новые народы на обломках прошлого.

¹ Перевод выполнен по изданию: Reden und Aufsätze von Oswald Spengler (Hrsg. von Hildegard Kornhardt). München, C. H. Beck (Verlag), 1937, S. 130–134.

То, что случилось с ними с тех пор, должно быть прочитано сегодня в их характере, со всеми их сильными и слабыми, великими или смешными, глубокими или плоскими чертами, чувствуют ли они себя «как дома» или же они чужды этому миру, находятся ли они в погоне за счастьем или страдают из-за него. Но даже глубокая жизнерадостность, которую можно наблюдать во многих частях нашей страны, и даже смех, что можно услышать на народных праздниках и в тавернах, по-прежнему говорят о потоках крови и слёз, бесчисленных битвах, душевраздирающих разочарованиях, целых поколениях, принесённых в жертву – напрасно и безрезультатно. «Мировая история», что наделила эти народы характерами Героев, Страдальцев или Глупцов, – есть одна великая трагедия, и она останется таковой, пока длится. Большинство из нас слишком «образованы», чтобы в это поверить.

Есть народы, чей характер столь же прост, как ствол ружья; и другие, которые даже сами не понимают себя, не говоря уже о том [S. 131], чтобы кто-то ещё мог их понять. Англичанин, например, никого не озадачивает. Английская история идёт своим чередом, очень кровавая, но без изломов, без колебаний, без сюрпризов. У англичанина проблем нет. Они все видны на карте. Тем удивительнее немцы. Они всегда проводили время, думая друг о друге: много о самих себе, но и много о других. Вы нашли что-то? Ранее утверждалось, что у немецкого народа вообще нет характера. Что ж, это может быть правдой. У него нет одного характера – их много, быть может столько же, сколько немцев, а может, и больше. Все остальные характеры от-

ражены в нас. Среди нас есть древние, индийские, английские, испанские, норвежские натуры – и все они тоскуют по настоящему дому, что видится на некотором расстоянии. Почему так происходит, показывает взгляд на историю.

У всех других народов одинаковый взгляд на историю – как на путь от начала к концу. Наша история – это нечто особенное в этом смысле, постоянно повторяющаяся попытка обрести начало. Судьба Англии начинается ясно и решительно – с норманнами, Франции – с франками, Испании – с вестготами; судьба Германия же начинается неопределенно, с союза Саксонии, Швабии, Баварии, Франконии, Тюрингии под эгидой мистической короны. И карта на 1400 или 1700 г. – вот оно, немецкое «лицо».

Слишком много характера? Да, и это тоже. Мы «характерные» до безумия, собрание больших оригиналов. Какие там системы мышления, какие мировоззрения, какие ещё политические идеи! Каждый из нас пишет на своём немецком, каждый носит разное, каждый считает по-разному, каждый хочет чего-то своего.

Но такова наша сущность или такова лишь роль, которую мы играем в ожидании открытия истины для себя? У немецкого народа есть душа, полная удивительных и поразительных возможностей превзойти себя или потерпеть неудачу. Никто из тех, кто считал, что хорошо знает её, никогда не считал правильно. Отсюда проистекает недоверие к нам извне и ещё большее – друг к другу. Нам неудобно жить в мире, где один жаждет уверенности, что знает другого. Дремучие черты тёмного прошлого, что другие народы изживали

и переваривали на протяжении всей своей истории [S. 132], все ещё живы в нас в силу отсутствия этой самой истории. В нас по-прежнему живы фрагменты древнескандинавских инстинктов из исландских саг: асоциальная жизнь, ограниченность, одиночество, упрямство, неповиновение; больше упрямства, чем дальновидности.

Могли бы мы, как народ, при удачном стечении обстоятельств в политических вопросах, действительно избавиться от благородного сословия восемнадцатого века? «Принять форму» – как задача, как высший долг, как стимул – противоречит нашему существу. Мы бесформенные с акцентом на это. Мы «отпускаем» себя в полёт: лирически, духовно, социально, перед нами и перед другими. Меньше всего это свойственно нашей музыке; но мы много упражнялись в этом в стихотворных формах всех времён и народов, и безграничная фантазия – вот наше настоящее царство. Ни одна нация больше не нуждалась бы в «воспитании высокого стиля» от благородного сословия. Но эта серьёзность, упорство, спокойная, терпеливая приверженность долгу во всём из-за отсутствия уверенности в себе.... Никто не работает за нас, особенно экономические и технические руководители. Будущие поколения будут изумляться масштабам восстановительных работ ещё в течение четырёх лет после такой катастрофы.

И затем, решающая вещь: наша безграничная потребность служить, следовать, поклоняться кому-либо или чему-либо, верно, как собака, верить слепо, несмотря на все возражения. Опять же, это спасительный «поезд» из самых ранних времен, который может

казаться громоздким или отчаянно комичным с точки зрения сегодняшнего дня, но он правит в истории наших князей, церковей и партий. Ни одна «вещь», ни лидер, ни карикатура на него, ни в одной другой стране не провозируют такого безусловного повиновения народа: здесь сокрыта огромная сила, сокровище – для тех, кто знает, как ей пользоваться. При этом, мы не достаточно опытни с исторической точки зрения, чтобы быть здесь скептиками. Так что каждый фермер с Балкан, каждый носильщик в американском порту быстрее схватывает секреты политики, чем мы. Дети, быть может. Но не раз история была сбита с курса «великими детьми» этого рода.

Но опять же, с другой стороны: инерция крови, разум, нерешительность. «Немец [S. 133] способен на великие дела, но вряд ли он это сделает», – сказал Ницше. Трудно прийти в движение, мало доверяя себе при этом, отказывая себе в собственном пафосе. Нам, безусловно, далеко до способностей Южной Европы к «политическому театру», они даже в случае неудачи знают, как вести себя на «сцене» лучшим образом.

Так или иначе, сегодня не существует другого такого народа, который так нуждался бы в Фюрере, чтобы благодаря ему он поверил в себя, и который сам не значил бы столь много для великого лидера. В умелых руках почти все ошибки становятся преимуществами. Это ли не способ выйти далеко за пределы обычного политического расчета?

Во времена строгих государственных традиций, как дипломатические обычаи, как это было в XVIII веке, такой персонаж обречён на длительный сон. Немцы были забыты как политическая возможность, и Наполеон был очень удивлён, когда неожиданно повстречал их на своём пути. В сегодняшнем мире не осталось практически ничего от тех почтенных форм политического бытия, что разворачивались во времена неоспоримой Власти. Насилие всё так же здесь, как и прежде, возможностей для его совершения – не меньше. История возвращается к своим истокам, высвобождая первобытные инстинкты, ведь на земле и на море её по-прежнему ждёт добыча.

Так что же, мы современные люди?

УДК 930.253

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-55-64

ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЭКОНОМИКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В СССР

Макеева Е. Д.

*Самарский государственный социально-педагогический университет
443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67, Российская Федерация*

Аннотация. В статье дана характеристика фондов Российского государственного архива экономики с точки зрения содержания в них документов, освещающих различные аспекты истории охраны природы в СССР, и выявления их информационной ценности для изучения отечественной экологической истории. Материалы, касающиеся вопросов истории охраны природы, в основном содержатся в фондах органов управления сельским, лесным и водным хозяйством, а также межотраслевых структур, осуществляющих руководство и планирование в сфере народного хозяйства. Наибольшую ценность для изучения экологической ситуации в стране, реакции общества на ее ухудшение, основных аспектов деятельности власти по охране окружающей среды и генезиса общественного экологического движения на рубеже 1980–1990-х гг. представляют документы фонда Госкомприроды СССР.

Ключевые слова: охрана природы, история советского периода, архивный документ, исторический источник, Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF THE ECONOMY AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF NATURE PROTECTION IN THE USSR

E. Makeeva

*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, Gorky St., Samara 443099, Russian Federation*

Abstract. The article is aimed at characterizing documents covering various aspects of the history of nature protection in the USSR, contained in the funds of the Russian State Archive of the Economy. Moreover, their informational value for the purposes of investigating the national environmental history is discussed. The materials relating to the history of nature protection are mainly contained in the funds of the bodies of agriculture, forestry and water management, as well as in intersectoral structures, which are responsible for the management and planning of the national economy. The documents of the State Committee of the USSR are found to be valuable for analyzing the environmental situation in the country, the reaction of the society to its deterioration, the main aspects of the government's environmental protection and the genesis of the social environmental movement at the turn of 1980–1990.

Keywords: nature protection, history of the Soviet period, archival document, historical sources, the Russian State Archive of the Economy (RGAE).

Проблема взаимоотношений человека и природы – одна из наиболее острых социальных проблем прошлого и современности. Она имеет глубокие исторические корни, а ее истоки связаны с политической, экономической и культурной деятельностью общества. Историческая наука обратилась к изучению экологической тематики лишь в середине 1970-х гг., так как долгое время в СССР экология являлась «зоной умолчания», «белым пятном», в том числе, из-за отсутствия объективной информации. Архивные документы и статистические данные об экологической ситуации в стране историкам были недоступны, поэтому и степень их участия в освещении различных аспектов взаимоотношений государства, общества и природы была очень незначительной. Только в конце 1980-х гг. экологическая информация стала доступна для исследователей и всего общества в целом, что обусловило значительный рост интереса к проблеме взаимоотношений человека и природы.

Изучение истории природопользования и охраны природы в СССР позволяет проанализировать причины возникновения и углубления экологических проблем на территории России, что, безусловно, необходимо для того, чтобы найти эффективные способы и средства их преодоления. Вместе с тем историография отечественной истории охраны природы в настоящее время еще весьма незначительна, в основном она представлена научными трудами 1980-х – начала 2000-х гг. Это, например, работы Э. В. Гирусова [4], Н. С. Макаревича [10], Н. Е. Тихоновой [17], А. Г. Тарнавского [16], В. В. Евланова [7], В. Е. Борейко [2].

Различные аспекты истории экологической политики и развития системы охраны природы в СССР исследованы в диссертациях В. В. Соколова [15], А. Ю. Пиджакова [14], П. В. Палеховой [13], Г. А. Михайлова [11], Н. Н. Артемова [1] и др. Последний обобщающий труд об охране природы в советском государстве был опубликован в 2003 г. [12]. В центре внимания коллектива его авторов (В. И. Ларин, Р. А. Мнацаканян, И. Е. Честин, Е. А. Шварц) находится история первого самостоятельного природоохранного ведомства – Госкомприроды СССР, созданного в 1988 г., а также особенности экологической политики постсоветской России (1992–2003 гг.). Исследования современных авторов по истории охраны природы в России в основном посвящены различным аспектам региональной экологической истории. Среди них необходимо отметить труды Е. В. Воейкова [3], Е. И. Гололобова [5; 6], А. М. Калимуллина [8], В. В. Канищева [9].

Обращает на себя внимание тот факт, что в советской историографии при рассмотрении любых вопросов экологической тематики всячески подчеркивались достижения в природоохранной сфере советского государства и критиковались проявления «хищнического» отношения к природе в капиталистических странах. В работах постсоветского периода, наоборот, деятельность власти в сфере природопользования и экологическая политика СССР стали резко осуждаться. Именно поэтому в настоящее время сохраняется потребность во взвешенной и конструктивной оценке событий отечественной экологической истории, которая обуславливает необхо-

димось обращения к архивным документам как источникам объективных сведений о фактах, явлениях и процессах, происходивших в сфере охраны природы в советскую эпоху.

Значительный массив документов, посвященных различным природоохранным проблемам, содержится в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Они находятся в разных фондах, и их поиск вызывает определенные трудности, однако в совокупности материалы, хранящиеся в РГАЭ, обеспечивают возможность анализа основных аспектов взаимодействия человека с природой: механизм подготовки, принятия и реализации управленческих решений в сфере природопользования и охраны природы, их социальных и экономических последствий, формирования экологического мышления населения и его проявлений на разных социальных уровнях, взаимоотношений власти и общества в сфере охраны природы и т. д.

Большое значение для изучения истории природопользования и охраны природы в СССР имеют документы фондов органов управления сельским, лесным и водным хозяйством, которые долгое время выполняли основные природоохранные функции в стране. Так, фонды Главного лесного комитета при Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР (Ф. 2254), Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при Совете Министров СССР (Ф. 9449) и Министерства лесного хозяйства СССР (Ф. 9466) позволяют ознакомиться с характером деятельности государства в сфере охраны леса. Они содержат сведения о состоянии лесного хозяйства в разные годы, об объемах вырубок леса, про-

изводимых специальными ведомствами, планы работы и отчеты областных управлений лесоохраны и лесонасаждений, инструкции о порядке привлечения к ответственности нарушителей законодательства о лесах, справки и отчеты, анализ которых формирует представление о масштабах постепенного сокращения площади лесов вследствие проводимой государством политики лесопользования, особенностей управления лесным хозяйством, самовольных вырубок леса населением и пожаров.

Фонды Народного Комиссариата земледелия РСФСР (Ф. 478), Министерства сельского хозяйства СССР (Ф. 7486), Главного управления по заповедникам Министерства сельского хозяйства СССР (Ф. 858) и Комиссии по заповедникам и охране природы и лаборатории охраны природы (Ф. 544) содержат материалы об истории становления и развития заповедного дела в СССР, организации, реорганизации и деятельности государственных органов, руководивших всей системой охраны природы в стране. Их изучение позволяет изучить механизм взаимодействия различных государственных организаций в природоохранной сфере, проанализировать взаимоотношения местных органов власти и руководителей промышленных предприятий, проследить динамику противоречий между обществом и природой.

Например, в фонде Народного Комиссариата земледелия РСФСР, в ведении которого в 1920-х гг. находилась охрана леса, хранится докладная записка начальника научной разведочно-организационной экспедиции Ф. Ф. Шиллингера от 24 января 1920 г., в которой сообщается о последствиях

для российской природы революции и Гражданской войны, а также о необходимости создания заповедников: «Долголетняя война нанесла жестокий удар охотничьему хозяйству в стране; почти повсеместно перестали соблюдать самые элементарные правила охоты, и дело уничтожения наших самых ценных промысловых и охотничьих животных пошло быстрым темпом»¹.

Изучение справок и отчетов областных и республиканских органов управления охраной природы, которые содержатся в фонде Главного управления по заповедникам Министерства сельского хозяйства СССР, помогает составить представление об отношении различных государственных и общественных организаций к экологическим проблемам и их участию в решении природоохранных задач, а также о проводимых между предприятиями и учреждениями смотрах и конкурсах по охране природы. В фонде Комиссии по заповедникам и охране природы встречаются сведения о состоянии окружающей среды в отдельных регионах и письма граждан и общественных организаций с предложениями по оптимизации дела охраны природы в стране. Например, в Справке научного сотрудника Центральной лаборатории охраны природы И. Ю. Прокофьева, составленной 6 февраля 1965 г., описан масштаб ущерба, который был нанесен экономике и природе страны узковедомственным подходом к использованию природных ресурсов. В подтверждение своих выводов автор приводит несколько примеров из советской практики природопользования: сточные воды

завода «Азовсталь» погубили все живое в водоеме, куда они сбрасываются, а также сады, прилегающие к реке; сплошные рубки леса в Карпатах привели к тому, что возникший здесь ураган повалил множество деревьев, а на оголенных склонах образовались сели, борьба с которыми стоит миллионы рублей; строительство целлюлозно-бумажного комбината на берегу озера Байкал может погубить уникальный водоем и нанести колоссальный ущерб ряду отраслей экономики и т.д.². Данный документ свидетельствует о том, что приоритет ведомственных интересов в сфере природопользования являлся одной из причин ухудшения экологической ситуации в СССР.

Особенности ведомственной системы взаимодействия с природой позволяет выявить изучение материалов фонда Министерства мелиорации и водного хозяйства (Минводхоза) СССР (Ф. 436). Противоречивый характер его деятельности был типичен для хозяйственных ведомств эпохи «застоя»: с одной стороны, Минводхоз стремился обеспечить комплексный подход к охране водных ресурсов, а с другой стороны, продвигая свои интересы, постоянно увеличивал масштабы водопользования и инициировал «проект века» по переброске стока северных и сибирских рек на юг.

Значительный интерес представляют также отчеты органов охраны природы отраслевых министерств и ведомств: Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР (Ф. 58), Министерства химической промышленности СССР (Ф. 459), Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 9. Д. 2669. Л. 26–27 об.

² РГАЭ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–4.

(Ф. 339), а также – материалы межотраслевых структур, осуществляющих руководство и планирование в сфере народного хозяйства – Высшего Совета народного хозяйства СССР (Ф. 3429), Государственного планового комитета СССР Совета Министров СССР (Госплана СССР) (Ф. 4372) и Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (Ф. 399). Они раскрывают основные направления, формы и средства решения природоохранных задач, преобладающие в советском государстве, отражают результаты работы в сфере охраны окружающей среды и рационализации использования природных ресурсов.

Так, в фонде Госплана СССР находятся документы, освещающие ход борьбы общественности и различных научных учреждений за охрану озера Байкал. Например, тексты выступлений секретаря Бурятского обкома КПСС А. У. Модобаева и члена-корреспондента Академии наук СССР И. В. Петрянова-Соколова на совместном заседании коллегий Госплана СССР, Госкомитета СССР по науке и технике и Президиума Академии наук СССР, посвященном промышленному строительству на берегу Байкала¹. Их содержание отражает суть проблемы, ставшей причиной зарождения общественного движения за защиту уникального водоема: возникновение угрозы загрязнения озера стоками целлюлозно-бумажного комбината и, как следствие, неизбежность негативных изменений в его экологической системе.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. было принято несколько правитель-

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1246. Л. 255–257, 294–296

ственных постановлений и программ, направленных на защиту уникального природного комплекса Байкала², однако ни одно из них не было полностью выполнено. Бездействие органов власти, непоследовательность в принятии ими решений и половинчатость принимаемых мер стимулировали расширение и укрепление Байкальского движения в 1980-х гг. Ситуация вокруг озера Байкал является одним из примеров низкой эффективности советского природоохранного законодательства и отсутствия действенного механизма его реализации.

Заслуживают внимания материалы личных архивов ученых, государственных и общественных деятелей, собранные в фондах РГАЭ: учено-геолога В. А. Варсонофьевой (Ф. 3), растениевода-мелиоратора Е. А. Малюгина (Ф. 112), заместителя министра лесного хозяйства СССР В. Я. Колданова (Ф. 538), академика и президента ВАСХНИЛ А. А. Никонова (Ф. 785), а также коллекция документов специалистов в области сельского хозяйства (Ф. 342). Эти фонды содержат статьи и письма, отражающие впечатления, мнения и суждения их авторов о событиях и процессах, современниками которых они являлись. Так, представляет интерес статья ученого И. Р. Морозова о национализации лесов и соз-

² О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал. Постановление Совета Министров СССР от 21 января 1969 г. № 52 // Об охране окружающей среды: сборник документов партии и правительства, 1917–1981 гг. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1981. С. 151–154; О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению природных богатств бассейна озера Байкал». Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 июня 1971 г. // Там же. С. 198–199 и др.

дании единого общенародного лесного фонда страны в 1918–1921 гг.¹, оценка состояния лесов и деятельности государства в сфере лесопользования и лесоразведения в послевоенные годы, данная В. Я. Колдановым², докладная записка академика ВАСХНИЛ В. С. Шевелухи о разработке единой программы ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС³ и др. Материалы личных архивов – это источник информации «из первых рук», они наиболее объективно отображают положение дел в сфере природопользования и охраны природы в СССР, поэтому их ценность для историков особенно велика.

Большое значение для исследования истории охраны природы в Советском Союзе на рубеже 1980–1990-х гг. имеют материалы фонда Государственного комитета СССР по охране природы (Госкомприроды СССР) (Ф. 709). В состав данного фонда вошли документы центрального аппарата Госкомприроды СССР, Указы, постановления и распоряжения органов власти, протоколы заседаний комиссии по охране природы Верховного Совета СССР и многое другое. Особый интерес представляют письма граждан, направляемые в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, Госплан СССР и Госкомприроды СССР, которые содержат жалобы на неудовлетворительное состояние окружающей среды в регионах, просьбы о помощи в решении локальных экологических проблем, предложения и соображения о необходимости создания государственного природоохранного органа, не пресе-

дающего ведомственные интересы⁴. Авторы некоторых писем высказывали недовольство экологической политикой, проводимой в стране: «общество постоянно находится в состоянии обороны от разрушительных и зловещих для будущего страны узковедомственных интересов министерств, хор лживых уверений которых перекрывает голос Госкомитета по охране природы»⁵. Отмечалось, что правительством и партией принимаются меры по вопросам экологии: издание земельного законодательства, применение санкций к руководителям предприятий, огромные капиталовложения, но «какого-либо ощутимого сдвига в этом вопросе нет»⁶. Очевидно, что ведомственная система охраны природы к середине 1980-х гг. в глазах общества себя полностью дискредитировала⁷, и назрела необходимость в принятии нового закона об охране природной среды⁸.

Во многих письмах встречаются предложения по оптимизации природоохранного направления работы в различных отраслях народного хозяйства, структуры и деятельности Госкомприроды СССР. Об этом, например, идет речь в письме-обращении участников и гостей фестиваля самодеятельной песни памяти им. В. Грушина к ЦК КПСС и председателю Госкомприроды СССР Ф. Т. Моргуну, под которым подписались 895 человек: «На наш взгляд, насущной задачей на

⁴ РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 32. Л. 68, 70–71, 76–82, 88–89, 96, 102–103, 129–130 и др.; Д. 90. Л. 4–7, 9–11, 15, 44–46, 49–52, 60–62 и др.; Д. 276. Л. 54–55, 108–109, 115, 166, 169–171, 175–178, 188–189 и др.

⁵ РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 276. Л. 108.

⁶ РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 90. Л. 36.

⁷ РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.

⁸ РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 90. Л. 20–23, 26–29, 32.

¹ РГАЭ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 155. Л. 1–10.

² РГАЭ. Ф. 538. Оп. 1. Д. 6А. Л. 1–3.

³ РГАЭ. Ф. 785. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–6.

сегодня является создание Госкомприроды, но не так, как это происходит в настоящее время – «келейно», в лучших традициях времен «застоя». Необходимо проводить процесс создания Госкомприроды в обстановке гласности, учитывая мнение не только работников министерств и управленческого аппарата, но и специалистов на местах, всех граждан»¹. Данный документ свидетельствует о том, что к концу 1980-х гг. существенно изменился характер взаимоотношений власти и общества в СССР: граждане страны все настойчивее требуют, чтобы власть прислушивалась к их мнению. Страной были сделаны первые шаги на пути построения гражданского общества.

Также в фонде Госкомприроды СССР находятся доклады о состоянии природной среды, которые готовились сотрудниками данного ведомства ежегодно, начиная с 1988 г. Помимо данных об экологической обстановке, до-

клады содержат ценные сведения об общественных экологических организациях, действующих на территории страны на рубеже 1980–1990-х гг., их целях, задачах и направлениях деятельности. Фактически, это был единственный официальный источник информации о масштабах экологического движения в СССР.

Таким образом, многочисленные разноплановые документы, хранящиеся в фондах РГАЭ, представляют существенный интерес в качестве источника для изучения истории охраны природы в СССР. Значительную их часть ученым только еще предстоит ввести в научный оборот. Выявление и анализ этих источников в будущем открывает широкие перспективы для исследования различных аспектов отечественной экологической истории эпохи социализма.

Статья поступила в редакцию 14.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов Н. Н. Исторический опыт государственной политики СССР в сфере природопользования и охраны окружающей среды в 1960–1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 193 с.
2. Борейко В. Е. Белые пятна природоохраны. 2-е изд., доп. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2003. 289 с.
3. Воейков Е. В. Борьба лесной охраны с хищениями леса в Поволжье в годы НЭПа // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 140–150.
4. Гирусов Э. В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия / отв. ред. М. П. Ким. М.: Наука, 1981. С. 48–57.
5. Гололобов Е. И. Охрана окружающей среды на севере Западной Сибири в XIX–XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (37). С. 143–147.
6. Гололобов Е. И. Деятельность природоохранных комиссий исполнительных комитетов депутатов трудящихся на севере Западной Сибири в 1960–80-е гг. (на примере Сургута и Сургутского района) // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Вып. 1 (8). Нижневартовск: Нижневартовский гос. ун-т, 2018. С. 217–228.

¹ РГАЭ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 90. Л. 91–92.

7. Евланов В. В. Экология и политика: исторические аспекты взаимосвязи экологии и политики (50–80-е гг.). М.: Прометей, 1992. 175 с.
8. Калимуллин А. М. Природопользование, промышленность, экология: пересекающиеся истории // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований. Материалы международной научной конференции (Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2014. С. 69–85.
9. Канищев В. В. Экологическая история аграрного общества Юга Центральной России: некоторые результаты исследований // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2017. № 46. С. 76–80.
10. Охрана природы России: от Горбачева до Путина / В. И. Ларин, Р. А. Мнацаканян, И. Е. Честин, Е. А. Шварц. М.: КМК, 2003. 416 с.
11. Макаревич Н. С. Социалистическое государство и охрана окружающей среды. Саратов: Саратовский ун-т, 1982. 108 с.
12. Михайлов Г. А. Государственная природоохранная политика и экологическое движение в СССР и Российской Федерации в 1953–2003 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 189 с.
13. Палехова П. В. Государственная экологическая политика и ее реализация в Российской Федерации в 1950–1990-е годы: дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 480 с.
14. Пиджаков А. Ю. Экологическая политика СССР, середина 60-х – начало 90-х гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1996. 462 с.
15. Соколов В. В. Очерки истории государственных структур природопользования и охраны природы России с древности и до настоящего времени. СПб.: РГГМУ, 2007. 304 с.
16. Тарнавский А. Г. Охрана природы и общественные организации: правовые вопросы. М.: Наука, 1990. 126 с.
17. Тихонова Н. Е. Решение экологических проблем в СССР: история и современность. М.: Знание, 1989. 64 с.

REFERENCES

1. Artemov N. N. *Istoricheskii opyt gosudarstvennoi politiki SSSR v sfere prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchei sredy v 1960–1980-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Historical experience of state policy of the USSR in the sphere of nature management and environmental protection in the period of 1960-1980: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2005. 193 p.
2. Boreiko V. E. *Belye pyatna prirodookhrany* [White spots conservation]. Kiev, Kievskii ekologo-kul'turnyi tsentr Publ., 2003. 289 p.
3. Voeikov E. V. [The struggle of forest protection with the theft of a forest in the Volga region in the years of the New Economic Policy]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2018, no. 8, pp. 140–150.
4. Girusov E. V. [The main historical stages of interaction between society and nature]. In: Kim M., ed. *Obshchestvo i priroda: istoricheskie etapy i formy vzaimodeistviya* [Society and nature: historical stages and forms of interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 48–57.
5. Gololobov E. I. [Environmental protection in the North of Western Siberia in XIX–XX centuries.]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Surgut State Pedagogical University Bulletin], 2015, no. 4 (37), pp. 143–147.
6. Gololobov E. I. [The activities of the environmental commissions of the Executive committees of people]. In: *Pyat' stoletii Yugry: problemy i resheniya, itogi i perspektivy. Vypusk 1 (8)* [Five centuries of Ugra: problems and solutions, results and prospects. Issue 1 (8)]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2018, pp. 217–228.
7. Evlanov V. V. *Ekologiya i politika: istoricheskie aspekty vzaimosvyazi ekologii i politiki (50–80-eg.)* [Ecology and politics: historical aspects of the interrelationship of ecology and politics (50-80-ies.)]. Moscow, Prometei Publ., 1992. 175 p.

8. Kalimullin A. M. [Environmental management, industry, ecology: intersecting stories]. In: *Ekologicheskaya istoriya v Rossii: etapy stanovleniya i perspektivnye napravleniya issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Elabuga, 13–15 noyabrya 2014 g.)* [Environmental history in Russia: stages of development and promising research directions. Materials of international scientific conference (Elabuga, November 13–15, 2014)]. Elabuga, Elabuga Institute of Kazan Federal University Publ., 2014, pp. 69–85.
9. Kanishchev V. V. [Environmental history of the agricultural society of South-Central Russia: some results of studies]. In: *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»* [Newsletter of the Association “History and Computer”], 2017, no. 46, pp. 76–80.
10. Larin V., Mnatsakanyan R., Chestin I., Shvarts E. *Okhrana prirody Rossii: ot Gorbacheva do Putina* [Environment protection in Russia: from Gorbachev to Putin]. Moscow, KMK Publ., 2003. 416 p.
11. Makarevich N. S. *Sotsialisticheskoe gosudarstvo i okhrana okruzhayushchei sredy* [The socialist state and the environmental protection]. Saratov, Saratovskii un-t Publ., 1982. 108 p.
12. Mikhailov G. A. *Gosudarstvennaya prirodookhrannaya politika i ekologicheskoe dvizhenie v SSSR i Rossiiskoi Federatsii v 1953–2003 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [State environmental policy and the environmental movement in the Soviet Union and the Russian Federation in 1953–2003: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2004. 189 p.
13. Palekhova P. V. *Gosudarstvennaya ekologicheskaya politika i ee realizatsiya v Rossiiskoi Federatsii v 1950–1990-e gody: dis. ... dokt. ist. nauk* [State environmental policy and its implementation in the Russian Federation in 1950–1990 years: D. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 480 p.
14. Pidzhakov A. Yu. *Ekologicheskaya politika SSSR, seredina 60-kh – nachalo 90-kh gg.: dis. ... dokt. ist. nauk* [Environmental policy of the USSR, the mid 60s – early 90s: D. thesis in Historical sciences]. Saint Petersburg, 1996. 462 p.
15. Sokolov V. V. *Ocherki istorii gosudarstvennykh struktur prirodoopol'zovaniya i okhrany prirody Rossii s drevnosti i do nastoyashchego vremeni* [Essays on the history of the state bodies of nature management and nature protection of Russia from ancient times to the present]. Saint Petersburg, Russian State Hydrometeorological University Publ., 2007. 304 p.
16. Tarnavskii A. G. *Okhrana prirody i obshchestvennye organizatsii: pravovye voprosy* [Nature protection and public organizations: legal issues]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 126 p.
17. Tikhonova N. E. *Reshenie ekologicheskikh problem v SSSR: istoriya i sovremennost'* [The solution of environmental problems in the USSR: history and modernity]. Moscow, Znanie Publ., 1989. 64 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макеева Екатерина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры физики, математики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: makeeva.ed@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina D. Makeeva – PhD (History), Associate Professor, Department of Mathematics, Physics and Methods of Teaching, Samara State University of Social Sciences and Education;
e-mail: makeeva.ed@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Макеева Е. Д. Документы Российского государственного архива экономики как источник для изучения истории охраны природы в СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 55–64.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-55-64

FOR CITATION

Makeeva E. Documents of the Russian State Archive of the Economy as a source for studying the history of nature protection in the USSR. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 55–64.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-55-64

Всеобщая история

УДК 327 (430) «2013/2017»

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-65-75

НОВАЯ «ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРГ В 2013–2017 ГГ.

Шелудченко Н. П.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрывается сущность новой «восточной политики» (*Ostpolitik*) правительства А. Меркель в 2013–2017 гг. в связи с отношениями с Россией. Указанный период был связан с современным украинским кризисом, через призму которого автор рассматривает все нюансы, трудности, характер и перипетии отношений Германии и России. Показывается на ряде убедительных примеров, какую далеко не позитивную роль играла Федеративная Республика Германия в обострившихся отношениях между Западом и Россией, и чем была обусловлена эта позиция.

Ключевые слова: Германия, канцлер Меркель, новая «восточная политика», «украинский кризис», антироссийские санкции.

NEW “EASTERN POLICY” OF THE GERMAN GOVERNMENT IN 2013–2017

N. Sheludchenko

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the essence of the new “Eastern policy” (*Ostpolitik*) of A. Merkel’s government (2013–2017) concerning its relations with Russia. This period was associated with the Ukrainian crisis, in the context of which all the nuances, difficulties, nature and troubles in the relations between Germany and Russia are considered. A number of convincing examples show that the role of Germany was far from positive and resulted in the aggravated relations between the West and Russia. Reasons behind such a German position are explained.

Keywords: Germany, Chancellor Merkel, new «Eastern policy», «Ukrainian crisis», anti-Russian sanctions.

Как известно, новая «восточная политика» стала проводиться в ФРГ еще в период правления канцлера В. Брандта (1968–1974 гг.) и в последующее время. Характерные ее особенности общеизвестны и не нуждаются в дополнительной трактовке, но что касается ее результатов, то надо сказать, что она принесла большую пользу как самой ФРГ, так и странам Восточной Европы, включая и Россию. С учётом рамок данной статьи мы ограничимся рассмотрением одного из главных векторов восточной политики Германии – её отношениями с Россией. Именно эта страна еще после объединения двух Германий в октябре 1990 г. была определена одним из самых важных направлений внешней политики ФРГ наряду с США и Европой [11, s. 53].

Что же касается отношений между ФРГ и Россией в период долголетнего канцлерства А. Меркель, то они вначале развивались довольно конструктивно, и премьер-министр заявляла о преемственности прежнего курса. Политику ФРГ в отношении России надо рассматривать вкуче с рядом обстоятельств и важных событий. Например, учитывать их историю, долголетние связи этих стран, определяющую роль России в период процесса объединения Германии в 1990 г., да и её значимость как главного поставщика энергоносителей для ФРГ и как большой перспективный рынок. В свою очередь для России Германия являлась основным политическим и экономическим партнером среди стран Запада [2, с. 66]. Более того, из всех членов ЕС ФРГ была единственной страной, которая в условиях постбиполярного мира прикладывала столько усилий если не к интеграции России в систему евро-

атлантических координат, то как минимум ее адаптации к изменившейся международной обстановке [9, с. 610]. Именно таким образом Германия осуществляла одно из важных направлений «восточной политики». Наиболее полезно и плодотворно «восточная политика» осуществлялась в экономической сфере. Экономическое сотрудничество двух стран проводилось в таком ключе и в таком масштабе, что германо-российские отношения называли «стратегическим партнерством».

ФРГ до 2014 г. (до «украинского кризиса») была одним из крупнейших инвесторов России и являлась важнейшим поставщиком в РФ своей высококачественной промышленной продукции. Правда, примерно в это же время уже намечаются некоторые изменения в российско-германских взаимосвязях. Это было связано с политическими и экономическими процессами, происходящими в мире. Указанные процессы начали влиять на «переоценку» ценностей ФРГ в отношениях с Россией. Последняя начинает уступать в ранге внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов ФРГ.

Тем не менее партнёрство двух стран продолжалось и до «украинского кризиса» имело масштабный и разносторонний характер. Это подтверждалось на практике и нашло отражение в исследованиях российских учёных. В частности, один из них, Л. Клепацкий, пишет, что, «пожалуй, не с одной Европейской страной не произошли такие качественные изменения во взаимоотношениях после окончания холодной войны, как с ФРГ» [7]. В области экономики и финансов России вплоть до 2014 г. вклад Германии был довольно весомым: ФРГ по прямым инвестици-

ям в Россию прочно занимала третье место [6, с. 65]. Надо отметить и тот факт, что в 2013 и начале 2014 гг. финансовая и экономическая ситуация в России стала ухудшаться. Серьёзно «просел» курс рубля по отношению к доллару и евро. Подобные обстоятельства не могли не привести к снижению спроса на российском рынке и к финансовым потерям германских компаний.

Более того, не было все так гладко и в политической сфере германо-российских отношений. В частности, это наглядно проявилось осенью 2013 г. Как указывает российский исследователь В. Васильев, ссылаясь на мнения некоторых немецких экспертов, 13 ноября того же года А. Меркель сделала заявление, в котором было обращено внимание на недопустимость оказания внешнего влияния на те государства, с которыми желает сотрудничать Евросоюз, на недопустимость «вето третьего государства» на процесс сближения бывших республик СССР и ЕС. В связи с этим заявлением некоторые эксперты пришли к такому заключению, что канцлер А. Меркель публично позиционировала себя как соперник России [3, с. 19]. Такой характер германо-российские отношения приобрели ещё до известных украинских событий.

С учётом вышеизложенного можно с определённой оговоркой сказать, что государственный переворот в Киеве феврале 2014 г. стал своеобразным катализатором, способствующим изменению «восточной политики» ФРГ. Более того, германский канцлер имела непосредственное отношение к этому драматическому событию. Дело в том, что 17 февраля 2014 г. А. Меркель в Берлине встречалась с представителя-

ми радикальных сил Украины. Кстати, это был публичный прием, организованный германскими властями¹. Сам факт приема явно свидетельствовал о том, что ФРГ активно вмешивалась в этот политический процесс. Это была своего рода явная поддержка радикальных сил Украины, которая, по нашему мнению, не могла не повлиять на ход украинских событий, перешедших в серьёзный кризис. Потом в марте 2014 г. Берлин активно включился в «санкционную войну» против России.

По всей вероятности, помимо «трансатлантической солидарности» ФРГ здесь сыграли роль личные взгляды и позиции самого канцлера. Ещё раньше российскими историками было отмечено, что «А. Меркель не испытывала симпатии к Советскому Союзу, что автоматически проецировалось и на современную Россию, но побеждал прагматизм канцлера» [10, с. 429]. По поводу же событий в Крыму и политики России А. Меркель сделала следующие заявления 13 марта 2014 г. в бундестаге (парламенте), охарактеризовав ситуацию «конфликтом за сферы влияния, а Россию назвала агрессивным государством» [12].

Тем не менее канцлер, сделав такое серьёзное заявление в адрес России, использовала политику «двойных стандартов»: с одной страны, одобрила санкции против РФ, с другой – сохранила каналы консультаций с Москвой [3, с. 20]. Подобная «стратегия» свидетельствовала, с нашей точки зрения, об определённой особенности отношений между Германией и РФ, да и правительство А. Меркель в силу исторически сложившихся обстоятельств не

¹ Лукьянов Ф. Снова противники // Российская газета. 2014. 7 мая.

могло полностью проигнорировать Россию. Всё же недоброжелательность правительства ФРГ к России усиливалась. Например, через некоторое время военное министерство ФРГ (бундесвер) заявило о том, что действия России в отношении Украины в корне меняют архитектуру безопасности в Европе и о разработке в Германии новой военной доктрины¹.

В этом же ключе выступили и подконтрольные правительству СМИ, которые начали мощное информационное давление на Россию. Действительно, Берлин начинает проводить стратегическую информационную операцию по изменению германо-российских отношений с формата «стратегическое партнёрство» на формат «резкой конфронтации»².

В этой связи нельзя не сказать и о позиции Москвы. По всей вероятности, российское руководство не до конца правильно оценило сложившуюся ситуацию в Украине ещё до мая 2014 г., не проводило соответствующую взвешенную, перспективную политику в отношении своих ближайших соседей. Наши российские послы в Украине М. Зурабов и В. Черномырдин, не имеющие соответствующего опыта в дипломатии, не отличались большой активностью и прозорливостью в плане укрепления надёжных связей. Судя по всему, плохо разбирались и во внутренней политике Украины. После киевского майдана и присоединения к России Крыма российское руководство на такую резкую, отрица-

тельную реакцию со страны Запада, в частности ФРГ, кажется, не рассчитывало, вероятно, полагая, что хороший уровень прежних германо-российских отношений будет положительно влиять и на отношения политического характера. Но этого не произошло.

В тоже время нельзя забывать и о том, в каких сложных условиях российскому руководству пришлось принимать такое крайне нелёгкое решение, как присоединение к России Крыма. Нельзя сбрасывать со счетов также геополитическую, стратегическую и оборонную составляющие, связанные с Крымом. Тем не менее руководство России действовало прежде всего в национальных интересах. При решении таких архисложных вопросов простейших действий не бывает. В ответ на действия России Запад ввёл в марте 2014 г. против неё санкции. Что же касается непосредственно немцев, как замечает известный германист Н. В. Павлов, то «они пережили глубочайший шок от неожиданного зигзага внешней политики Москвы» весной 2014 г. [9, с. 613].

Как результат всего этого, по мнению одной популярной немецкой газеты, более 55 % немцев выразили свое отношение к России тем, что они стали её рассматривать как страну, угрожающую миру³. И это привело к тому, что после украинского кризиса в худшую сторону изменились германо-российские отношения, более того, произошла антироссийская консолидация европейских стран, которые в этом плане тесно сблизились с США. Санкционная политика ЕС в большей степени зависела от позиции ФРГ, где канцлер

¹ Гуцина А. Бундесвер воспринимает Россию как источник угрозы // Независимая газета. 2015. 19 фев.

² Николайчук Н. Индекс агрессивности // Литературная газета. 2014. 22–28 окт.

³ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. 16 April.

страны играет очень существенную роль во внешней политике. В силу сказанного и личных позиций А. Меркель Германия стала одним из лоббистов санкций в отношении России.

Например, в марте–апреле 2014 г. ФРГ приостановила экспорт оборонной продукции и продукции двойного назначения в РФ, а также разорвала некоторые контракты с Россией. В этом же году произошло почти трехкратное падение германских инвестиций в РФ. Руководство ФРГ стало одним из инициаторов жесткого давления на Россию [5, с. 34]. Примечательно, что, несмотря на санкции, Запад по-своему своеобразно, высоко и, нам кажется, по достоинству оценил и позицию России в этом сложном событии. Осенью 2014 г. американский журнал *Forbes* во второй раз подряд признал В. В. Путина самым влиятельным человеком года [8, с. 28]. Этот факт в определенной степени можно трактовать так, что значимость России, её авторитет в международных отношениях были довольно значительны. Как некое подтверждение этому стало и коллективное обращение определённой части немецкого истеблишмента в декабре 2014 г. к правительству, парламенту ФРГ. Очень известные политики, в том числе три бывших канцлера Германии, общественные деятели (всего 62 человека – Н. Ш.) предлагали в своем обращении учитывать внешнеполитические интересы России и интересы её граждан¹.

Надо сказать ещё о некоторых особенностях, которые в значительной степени влияют на внешнюю политику Германии. Прежде всего, это влияние

США, которое осуществляется опосредованно. Дело в том, что на территории ФРГ находится с 1945 г. мощная военная группировка США, имеющая ядерное оружие. Этот американский контингент сильнее, чем вооруженные силы ФРГ. Далее, сильные экономические и политические связи крупного немецкого бизнеса с американским истеблишментом. Нельзя забывать и о таком известном факте, что определённая часть золота Германии находится на территории США. Все эти перечисленные факторы не могут не влиять на самостоятельность внешней политики ФРГ. Вот это в определённой степени проявилось в решении вопроса о санкциях, инициируемых США в отношении России. В частности, немецкие бизнесмены проявили здесь дифференцированный подход. Большинство из них, а это составляло 65% от общего числа, практически сразу поддержали позицию германского правительства в отношении санкций².

Несколько иную позицию заняли немецкие компании, работающие на российском рынке. Достаточно назвать химический гигант *BASF*, всемирно известные компании *Volkswagen*, *Siemens*, *Adidas* и другие. Они выступали против санкций и требовали в своих многочисленных петициях к правительству нормализации отношений с Москвой³. К сожалению, сторонников улучшения отношений с Россией было не так много и они не были достаточно влиятельной силой. Подобные обстоятельства не могли не повлиять негативно на «восточную политику» (*Ostpolitik*) Германии

¹ Григорьев Е. Ангела Меркель готова оборонять от Москвы Балтию и Балканы // Независимая газета. 2014. 8 дек.

² Никифоров О. Искусство толкования новогодних речей немецких политиков // Независимая газета. 2015. 12 янв.

³ Там же.

в отношении России. К примеру, германо-российский товароборот в 2014 г. сократился примерно на 1/3 [9, с. 615].

2015 г. не принёс ничего нового в отношениях между двумя странами. Ситуация продолжала ухудшаться, особенно в экономике. Двусторонний товароборот резко сократился, к примеру, в 2012 г. он составлял 80,9 млрд. евро, в 2015 г. – 51,5 млрд. евро [5, с. 33]. Это негативно сказывалось на немецких компаниях, работающих в России. У них падала прибыль, сокращалась выручка. Тем не менее развитие экономических отношений между Россией и Германией продолжалось: осуществлялись различные проекты и работы, которые были ещё начаты до введения санкций. Например, открытие в 2015 г. на территории России первых магазинов немецкой сети розничной торговли *Plus*. В сентябре 2015 г. был пущен в эксплуатацию германо-японский станкостроительный завод *ДМД-MORI* в г. Ульяновске [1].

Июльские опросы, которые провела Российско-германская внешне-торговая палата в 2015 г., показали, что несмотря на трудности, немецкие фирмы, а их присутствовало в России тогда 6000, пока оставались работать здесь. Все же обида со стороны русских в отношении позиции немцев звучала с новой силой. Вот что, например, заявлял известный наш писатель и общественный деятель Н. Стариков. «Сегодня Германия, которой мы в 1990 г. разрешили объединиться, протестуют против России и Крыма. Мы с немцами поменялись местами: получается, что теперь мы у них должны спрашивать разрешения на объединение раздѐнного русского народа»¹.

¹ Цит. по: Цепляев В. Что немцу дорого //

В самой Германии усиливались антироссийские настроения, что не могло не сказываться и на экономических отношениях. Россия в 2015 г. переместилась на 10-е место (была на четвёртом месте в 2014 г.) в списке стран, куда в ФРГ экспортировала свою продукцию машиностроения. 17% немецких фирм уже сократили свой персонал в России². Тем не менее борьба против санкций как с российской, так и немецкой стороны продолжалась. В декабре 2015 г. германо-российской торговой палатой был проведён опрос среди немецких предпринимателей, работающих в России по поводу санкций. Выяснилось, что деловые круги в ФРГ не намерены уходить из России³. В Германии были и определенные политические силы, которые также хотели восстановления хороших отношений с РФ. Подтверждением этому стал визит в Москву премьер-министра Баварии Х. Зеехофера. В феврале 2016 г. А. Меркель поддержала поездку Х. Зеехофера, который встречался с В. Путиным. Данный визит не имел особого успеха, но сам факт его осуществления свидетельствовал об определенной позиции немецких политиков и бизнесменов. Такой же примерно позиции придерживались и некоторые представители немецкой социал-демократии (СДПГ).

Председатель СДПГ З. Габриэль высказался за пошаговую отмену антироссийских санкций. Да и министр иностранных дел ФРГ социал-демократ Ф.-В. Штайнмайер сообщал, что

Аргументы и факты. 2015. 30 сент.

² Ахмадиев Э. Немецкий бизнес ищет деньги в России // Известия. 2016. 11 янв.

³ От редакции. Рецепты против санкций // Независимая газета. 2015. 15 дек.

в Евросоюзе тоже выросло сопротивление продолжению санкций в отношении России. Сама же А. Меркель заявила, что говорить о снятии европейских санкций с России пока ещё рано¹. Когда же речь шла об экономических интересах ее страны, она проявляла здесь бо́льшую гибкость и настойчивость. К примеру, в июне 2016 г. А. Меркель вступилась за «Северный поток-2» – газопровод из России, который очень интересовал Германию². Канцлер твердо выступила за национальные интересы страны. Чуть позже канцлер ведёт себя весьма противоречиво: осторожно высказывается о снятии взаимных санкций, но в то же время опасается, что русские танки могут пересечь украинскую границу³.

Противоположную позицию занимали некоторые ведущие немецкие социал-демократы. Именно в таком ключе стоит рассматривать визит в Москву 21–22 сентября 2016 г. уже упомянутого З. Габриэля [4, с. 125], хотя результаты этого визита для российской экономики были не столь успешны. Примечательно, что об этой экономике писали сами немцы. Они были уверены, что основная причина кризиса России – не в цене на нефть, не в украинском кризисе и не во внешних санкциях. Причины кризиса созданы в самой России, писал один из них в

статье под весьма красноречивым названием: «Доморощенная стагнация России»⁴. Как говорится, взгляд со стороны, но он весьма верный.

Осенью 2016 г. произошло довольно значительное событие, которое не могло не повлиять на международные отношения: выборы нового президента США. Им стал весьма своеобразный и трудно предсказуемый Д. Трамп, начинающий проводить достаточно жёсткий курс. Стала меняться и политика ФРГ. А. Меркель делает акцент на новые отношения с Россией⁵. Нам кажется, что это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, как аналитик мирового масштаба она не могла не чувствовать, что Д. Трамп может представлять определенную сложность в отношениях с ФРГ, а улучшение отношений с Россией станет некой альтернативой в серьезном диалоге с США. Во-вторых, в недалеком будущем в Германии предстояли выборы в парламент и усиливалась борьба со стороны оппозиционных сил, которые отвергали санкционный курс. Вероятно, А. Меркель делала соответствующий реверанс в их сторону. И в-третьих, канцлер, конечно, думала и об экономическом сотрудничестве с Россией, прежде всего в области поставок российского газа и нефти. Как раз накануне страстный призыв к сотрудничеству в этой области постоянно звучал на российско-германской конференции⁶. Да и 2016 г. в плане эко-

¹ Башкатова А. В Берлине хотят начать пошаговую отмену санкций // Независимая газета. 2016. 27 мая.

² Комраков А. Ангела Меркель вступилась за «Северный поток-2» // Независимая газета. 2016. 16 июня.

³ См.: Fortschritte bei Friedensabkommen könnten Sanktionen lockern // Zeit Online. 2016. 30 Aug. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2016-08/angela-merkel-russland-sanktionen-aufhebung> (дата обращения: 17.03.2019).

⁴ Комраков А. Растет количество проблем, беспокоящих граждан // Независимая газета. 2016. 10 окт.

⁵ Григорьев Е. Слова Меркель должны пройти проверку делами // Независимая газета. 2016. 8 дек.

⁶ Николаев Б. Звезды газового бизнеса о планах на будущее // Независимая газета. 2016. 13 дек.

номического сотрудничества 2-х стран был более благоприятным, нежели 2015 г.: прямые немецкие инвестиции в РФ выросли до 33 млрд. долларов¹.

Как некое подтверждение одному из вышесказанных моментов стала позиция Берлина и по украинскому кризису. В мае 2017 г. президент Украины П. Порошенко нанес визит А. Меркель с целью добиться поддержки Германии особенно на Востоке Украины (Донецк, Луганск) и явно потерпел фиаско. Немецкая пресса вынесла вердикт, который можно обозначить так: «отделение Восточной Украины кажется решенным делом»². Здесь, вероятно, сыграли свою роль ряд факторов: твёрдая позиция России, нежелание канцлера накануне выборов в бундестаг втягиваться в сложные международные дела и таким образом обозначить свое особое отношение к России в украинско-российском конфликте. Нельзя не упомянуть ещё и об уже известном факторе: ужесточение антироссийских санкций. Некоторые политические и экономические круги ФРГ с возрастающим беспокойством следили за этими санкциями.

Со временем уже стало очевидно, что эти меры болезненно бьют по интересам Германии. То есть жизненная необходимость заставляла Берлин несколько по-иному, чем другие страны Европы, подходить к упомянутому вопросу и вносить какие-то коррективы в «восточную политику». Тем более, что США предлагали европейцам (немцам) свой сжиженный газ, кото-

¹ Комраков А. Немецкий бизнес прибыл в Сочи к Путину и Назарбаеву // Независимая газета. 2017. 13 окт.

² См. редакционную статью «Немцам стало ясно, что Восток Украины уже не вернуть» в «Аргументах недели» за 25 мая 2017 г.

рый был значительно дороже российского. Данное обстоятельство крайне раздражало немцев. Одним из первых по этому вопросу в июне 2017 г. негативно высказался всё тот же вице-канцлер ФРГ З. Габриэль. Его позицию поддержала А. Меркель. И сам факт поддержки члена её правительства по газовому вопросу свидетельствовал о довольно смелой и продуманной позиции премьер-министра.

Надо сказать, что отношение к России было как бы соответствующей лакмусовой бумажкой для ведущих партий ФРГ, которые имели разные позиции по этому вопросу. Антироссийские санкции были головной болью для немцев. Германия теряла большие деньги за время кризиса и санкций, более 400 компаний с немецким участием ушли с российского рынка. Поставить Россию на колени не получилось, и об этом свидетельствовала неплохая экономическая ситуация в РФ в 2017 г., которая несколько улучшилась после первых кризисных годов. На этом фоне открывались новые возможности и для немецкого бизнеса. Такой возможностью он воспользовался, и по его инициативе была проведена встреча с президентом РФ В. Путиным двух десятков представителей крупнейших немецких компаний, таких как, например, *BASF*, *SAP*, *Metro*, *Siemens* и др. Немцами было отмечено, что Россия вновь заявила о себе как растущий рынок. Немецкий экспорт в Россию вырос в первом полугодии и достиг 12,7 млрд. евро, а немецкий импорт еще сильнее³.

³ Комраков А. Немецкий бизнес прибыл в Сочи к Путину и Назарбаеву // Независимая газета. 2017. 13 окт.

Все эти факты свидетельствовали о том, что Германия в условиях санкций проводила своеобразную «восточную политику» в отношении России. Немцы прекрасно понимали выгоду российского рынка и, несмотря на сложившиеся трудности, старались удержаться на нём. По большому счёту, у них это всё же получалось. Успех германских фирм, компаний строился на долгосрочном стратегическом планировании. Это они делали, как говорится, с немецкой основательностью, постоянно находясь в поиске лучших решений.

Последние месяцы 2017 г. отличались большей активностью в рамках уже упомянутого Германо-российского форума. Возникло впечатление, что немецкие деятели стараются наверстать упущенное в российско-германских отношениях за 2014–2016 гг. Например, в 20-х числах ноября состоялся Петербургский диалог в Берлине, который традиционно являлся главным событием Германо-российского форума, где рассматривались политические вопросы¹. На этом форуме ничего принципиально нового не было принято, но сам факт его проведения свидетельствовал о попытках с обеих

сторон сохранять в сложных условиях определённые контакты.

К обозначенному периоду было подсчитано, что ФРГ из-за санкций потеряла 40% экспорта в Россию, а доходность немецкого экспорта ежемесячно снижалась на 727 млн. долларов². Конечно, это наносило вред немецкому бизнесу, но в данном случае политика германского правительства во многом определяла экономику. В этой связи нельзя не согласиться с мнением известного немецкого политолога А. Раара, что с Россией так и не была пройдена фаза «холодной войны», а канцлер, как известно, придерживалась весьма жёсткой позиции³. Мы уже говорили о тех важных обстоятельствах, которые побуждали канцлера и правительство примкнуть к антироссийским санкциям, и вряд ли в обозримом будущем они будут делать обратное и менять свою «восточную политику» по отношению к России. Тем не менее идея нормализации отношений двух стран, отмена антироссийских санкций остаются в поле зрения определённой части политиков и общества Германии, и этот факт нельзя сбрасывать со счетов.

Статья поступила в редакцию 25.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Басов Ф. А. Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 12. С. 30–40.
2. Белов В. Б., Максимычев И. Ф. *Образ современной России в Германии*. М.: Институт Европы РАН. 2010. 63 с.
3. Васильев В. И. Восточная политика Германии: противоречивая эволюция // *Международная жизнь*. 2015. № 1. С. 14–28.
4. Васильев В. И. Quo vadis Германия? // *Международная жизнь*. 2017. № 2. С. 107–128.
5. Зарицкий Б. Е. Германия на постсоветском пространстве // *Международная жизнь*. 2017. № 3. С. 33–48.

¹ Никифоров О. Германский сэндвич // *Независимая газета*. 2017. 27 ноября.

² Григорьев Е. Германия потеряла 40% экспорта в Россию из-за санкций // *Независимая газета*. 2017. 15 дек.

³ Пар А. Коалиция противоречий // *Известия*. 2018. 6 марта.

6. Зарицкий Б. Е. Германские инвестиции в России // *Международная жизнь*. 2014. № 9. С. 60–79.
7. Клепацкий Л. Н. О потенциале городов-партнеров в российско-германских отношениях // *Международная жизнь*. 2013. № 1. С. 71–92.
8. Лапина Н. Ю. Взгляд на Россию из Европы в свете украинских событий // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 9. С. 24–34.
9. Павлов Н. В. Россия – Германия: исчерпан ли потенциал политического сотрудничества // *Современная Германия. Экономика и политика* / Под общ. ред. В. Б. Белова. М.: Весь мир, 2015. С. 610–615.
10. Патрушев А. И. *Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель*. М.: МГУ, 2009. 432 с.
11. Kaiser K., Maull H. W. (Hrsg.). *Deutschlands neue Aussenpolitik*. Bd. I: Grundlagen. München: Oldenbourg, 1994. 214 s.
12. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel (Redner: Angela Merkel. Datum: Donnerstag, 13. März 2014. Ort: Deutscher Bundestag) // *Die Bundeskanzlerin* [сайт]. – URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/suche/regierungserklaerung-von-bundestkanzlerin-merkel-443682> (дата обращения: 17.03.2019).

REFERENCES

1. Basov F. A. [Germany, the European Parliament and the policy of sanctions against Russia]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 12, pp. 30–40.
2. Belov V. B., Maksimychev I. F. *Obraz sovremennoi Rossii v Germanii* [The image of modern Russia in Germany]. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., 2010. 63 p.
3. Vasil'ev V. I. [The Eastern policy of Germany: the controversial evolution]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2015, no. 1, pp. 14–28.
4. Vasil'ev V. I. [Quo vadis Germany?]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2017, no. 2, pp. 107–128.
5. Zaritskii B. E. [Germany in the post-Soviet space]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2017, no. 3, pp. 33–48.
6. Zaritskii B. E. [German investments in Russia]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2014, no. 9, pp. 60–79.
7. Klepatskii L. N. [About the potential partner cities in Russian-German relations]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2013, no. 1, pp. 71–92.
8. Lapina N. Yu. [The view of Russia from Europe in the light of the Ukrainian events]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 9, pp. 24–34.
9. Pavlov N. V. [Russia–Germany: on the exhaustion of the potential for political cooperation]. In: Belov V. B., ed. *Sovremennaya Germaniya. Ekonomika i politika* [Modern Germany. Economics and politics]. Moscow, Ves' mir Publ., 2015, pp. 610–615.
10. Patrushev A. I. *Germanskie kantslery ot Bismarka do Merkel'* [German chancellors from Bismarck to Merkel]. Moscow, MGU Publ., 2009. 432 p.
11. Kaiser K., Maull H. W. (Eds.). *Deutschlands neue Aussenpolitik*. Bd. I: Grundlagen. Munich, Oldenbourg Publ., 1994. 214 p.
12. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel (Redner: Angela Merkel. Datum: Donnerstag, 13. März 2014. Ort: Deutscher Bundestag). In: *Die Bundeskanzlerin*. Available at: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/suche/regierungserklaerung-von-bundestkanzlerin-merkel-443682> (accessed: 17.03.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелудченко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: np.sheludchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay P. Sheludchenko – PhD (History), Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;

e-mail: np.sheludchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шелудченко Н. П. Новая «восточная политика» правительства ФРГ в 2013–2017 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 65–75.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-65-75

FOR CITATION

Sheludchenko N. New “Eastern policy” of the German Government in 2013–2017. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 65–75.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-65-75

Отечественная история

УДК 94 (47) : 2

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-76-87

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Подпрятков Н. В.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является анализ мер государственной социальной поддержки отдельных групп населения в условиях Первой мировой войны. На основе систематизации правовых документов эпохи и анализа впервые вводимых в научный оборот архивных материалов раскрываются новые категории получателей казенной материальной помощи из числа лиц мусульманского духовенства. Проведенное исследование показывает, что меры социальной помощи были адресными, направленными на поддержку ограниченного круга лиц, имевших наименьшие доходы и реально нуждавшихся в таких пособиях, и что принятые на себя государством обязательства по такой социальной защите не приводили к экстраординарным бюджетным расходам. На основе проведенного анализа установлено, что в годы войны работники мусульманских правлений были впервые приравнены к категориям государственных служащих. Статья адресована историкам, историческим социологам и историкам религий и всем интересующимся историей.

Ключевые слова: Первая мировая война, казенная помощь, ислам, духовенство, духовное управление.

SOCIAL SUPPORT FOR RUSSIAN ISLAMIC CLERGY DURING THE FIRST WORLD WAR

N. Podpriatov

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm 614990, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the measures of state social support for certain population groups during the First World War. Systematization of legal documents from that period and analysis of archival materials for the first time introduced into scientific circulation have allowed new categories of the recipients of state income support among the Muslim clergy to be identified. The study shows that social assistance measures were targeted. These measures were aimed at supporting a limited number of people in need with the lowest incomes. The

state's obligations with respect to such social protection did not lead to extraordinary budget expenditures. It is established that, during the war years, the Muslim clergy were assimilated to the categories of civil servants for the first time. The article is addressed to historians, sociologists and religious scholars, as well as everyone interested in Russian history.

Keywords: World War I, state support, Islam, Clergy, Muslim spiritual institutions.

Социальные практики государственного призрения стали реализовываться только в конце XIX – начале XX вв. Россия не являлась исключением. И к началу мировой войны эти практики еще не стали общепринятой нормой и не выработали устойчивой государственной формы, превратившись в стройные институты. Другими словами, процессы организации социальной помощи были далеки от своего завершения и находились в состоянии активной разработки и внедрения. Как и везде в мире, в России сначала была организована такая государственная поддержка военнослужащим (и бывшим военнослужащим – больным, увечным, раненым), а также членам их семей. И только затем эта практика стала переноситься и на другие категории населения.

Проблема содержания мулл в отечественной исторической науке глубоко и всесторонне не исследовалась. В 1920-е – 1930-е гг. XX в. это, в основном, было связано с агрессивной антирелигиозной пропагандой, которая развернулась в стране и идеологизировала изучение проблемы. Большинство авторов этого периода стремились доказать реакционную сущность религии вообще и ислама в частности, не имеющего перспектив развития в стране [5], вскрыть реальные источники финансирования религиозных институтов [13], а также показать их использование государственным аппаратом управления в своих целях [15, с. 145, 162].

В последующие годы тема мусульманского духовенства и его положения в российском обществе в годы Первой мировой войны редко становилась предметом изучения отечественной исторической науки. Вновь интерес к этой проблематике возник в конце столетия. Однако жесткая идеологическая предопределенность, характерная для советской науки, сменилась в начале XXI в. стремлением рассматривать различные этносы империи как самостоятельные нации, развивавшиеся без какого-либо участия центральных российских властей, а нередко и вопреки действиям последних, что, конечно же, также искажает достоверность исторического знания.

Так, часть авторов утверждает, что российское государство было исключительно русским и православным, негативно, а порой и репрессивно, относящимся ко всем другим конфессиям, в том числе и к исламу. Например, М. Я. Аскеров полагает, что в Российской империи было разрешено существование только одной государственной национальности [6, с. 84]. Схожей точки зрения придерживается Д. М. Усманова, утверждающая, что российское государство слабо влияло на мусульманскую часть населения, так как, по ее мнению, школа, пресса и, в особенности, религиозные институты, были вне зоны его реального воздействия [23, с. 81].

Другие авторы отмечают, что российское правительство не демонстри-

ровало особой национальной или конфессиональной нетерпимости и проведения насильственной русификации народов империи; было, скорее, вызванное обеспокоенностью угрожающими государственной целостности идейными течениями пантюркизма и панисламизма, стремление обеспечить политику большей административно-правовой централизации [7, с. 337; 21, с. 194].

В последнее время появилось большое количество работ, раскрывающих деятельность армейского духовенства в годы Первой мировой войны. В этих исследованиях подвергаются анализу отдельные аспекты деятельности мусульманских военных мулл [2, с. 42–44; 4; 12].

Так, О. В. Осипов исследует, в каких армейских структурах и звеньях создавались должности военных мулл, показывает их обязанности [19], К. Г. Капков приводит штаты мусульманского духовенства [14], Д. И. Арапов раскрывает деятельность специального духовного департамента МВД по обеспечению армейских структур военными муллами [3, с. 421], а Х. М. Абдуллин анализирует нормативно-правовую основу деятельности мусульманского военного духовенства [1].

А. П. Беляков акцентирует внимание на соблюдении веротерпимости на флоте, указывая, что, помимо ведения миссионерской деятельности, никаких других запретов на совершение служб и обрядов не существовало [8]. В тоже время В. П. Кравчук отмечает, что проблема свободы вероисповеданий решалась российским государством исключительно утилитарно, через призму обеспечения победы в войне [16]. И. К. Загидуллин, исследуя со-

держание мулл военным ведомством, справедливо отмечает, что исполнение принятых законов об оплате услуг гражданских мулл упиралось в наличие финансовых средств и на желание руководителей военных округов и командиров [11].

По мнению О. Н. Яницкого, социальные ресурсы (знания, умения, связи) представляют собой динамическую неустойчивую систему, требующую постоянного внимания, вложений и совершенствования [26]. При этом в условиях тяжелой, затягивающейся войны происходило ухудшение экономического положения, истощение ресурсов, приводившие к увеличению социальной напряженности на местах, в том числе и в регионах с мусульманским населением, на что совершенно справедливо указывал Р. Г. Ланда [17, с. 57–72]. А то, что рост межконфессиональных конфликтов может приводить к росту националистических настроений, подметил еще Э. Хобсбаум [24].

Часть современных исследований посвящена изучению деятельности государственных органов по обеспечению социальной защищенности населения страны в годы войны. Например, в работе Ю. В. Щербининой [25, с. 200–204] даны общие положения, характерные для всей страны, а вот мусульманское население, и муллы в частности, не выделяются в отдельную группу исследования. Авторы Н. Л. Пушкарева и П. П. Щербинина, раскрывая положение о призрении нижних чинов и их семей 1912 г., совершенно справедливо отмечают возникновение в стране впервые регулярной системы помощи ближайшим родственникам. Но, как и многие другие, они не выделяют в сво-

ем исследовании мусульманских групп населения [20, с. 149].

Нельзя не согласиться с В. В. Михайловым, что правительство учитывало вступление в войну против России Османской империи, а потому противодействие панисламистской агитации и пропаганде приобрело в это время особое значение [18, с. 263–265].

Меры социальной поддержки отдельных категорий населения стали разрабатываться в России незадолго до начала Первой мировой войны. Наиболее известным нормативным актом этого периода стал закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. Он сыграл важную роль в сохранении стабильности обстановки в тылу действующей армии. Впрочем, при его помощи не удалось преодолеть влияния роста цен, порожденного инфляцией, политической нестабильностью, утверждавшейся в российском обществе в период военных неудач [10].

Для привлечения на свою сторону мусульман использовали и денежную помощь, которую получало духовенство и мусульманские общественные деятели для организации проведения религиозных праздников — Навруза и Уразы-байрама [18, с. 264]. А в 1914 г. было созвано специальное межведомственное совещание «для обсуждения деталей устройства духовного управления, таких как штаты, оклады и тому подобное, были приглашены представители мусульманского духовенства» [18, с. 264].

Съезд представителей мусульманской общественности в конце 1914 г. выработал проект, по которому «нижнее мусульманское духовенство

должно было получать определенное содержание – наполовину от казны, наполовину от приходских обществ. Размер содержания, согласно этому проекту, должен был быть в городах не менее 600 руб. в год для муллы (имам) и 300 руб. для муэззина, и, соответственно, не менее 400 руб. и 200 руб. в селениях [15, с. 152]. Для служащих «средних и высших духовных учреждений» (без обозначения числа служащих в них) этот же проект съезда намечал еще более высокую шкалу «вознаграждения» – от 800 руб. у секретаря до 6 000 руб. в год у Шейх-уль-Ислама.

Претензии, надо признать, у делегатов съезда были завышенные, так как, например, содержание православного духовенства от казны, установленное с 1893 г., было существенно меньше. Так, в 1916 г. на священника выделялось 600 руб. в год, на диакона – 300, а на псаломщика – 200 [22].

И хотя мировая война не дала возможности реализовать этот мусульманский проект [15, с. 153], правительство стремилось принимать все меры к тому, чтобы мусульманское население империи не было увлечено исламистскими лозунгами Турции, а духовенство было заинтересовано в сотрудничестве с властью. Взгляды военного министра на мусульманскую проблему в начале 1915 г. изложил Н. Зинченко: «Последствия настоящей войны неизбежно отразятся на всем мирозерцании мусульман... Поэтому надо направить соответственно мышление наших мусульман, постепенно ввести их в смысл и значение свершающихся событий и надлежало подготовить к восприятию нового представления о мировом смысле ислама» [18, с. 264].

Но по закону обеспечивать деятельность мулл должны были сами верующие. На основании свода законов империи «Содержание приходского мечетского духовенства лежит на обязанности приходского /мечетских/ обществ. Размер сего содержания определяется особыми приговорами»¹. Но, как указывало 21 апреля 1916 г. Закавказское шиитское Духовное правление, статья эта при избрании приходских мулл на должности и составлении о том приговоров не применялась ввиду неправильного ее перевода на татарский язык в изданном в Канцелярии Наместника в 1872 г. Высочайше утвержденном «Положении об управлении Закавказского мусульманского духовенства Шиитского учения», где говорилось, что «содержание мечетских мулл лежит на обязанности приходских обществ и размере сего содержания определяется отдельными распоряжениями».

С назначением Великого Князя Николая Николаевича Наместником на Кавказе муллы со всех концов края стали выходить с просьбами дать такое распоряжение. Так, 23 февраля 1916 г. приходские муллы Шемахинского уезда Бакинской губернии обратились к Наместнику с просьбой назначить им содержание, так как они занимали штатные должности по обслуживанию приходских обществ. С подобной же просьбой обращались в Эриванский Шиитский Губернский Меджлис приходские муллы с разных концов Эриванской губернии².

Шиитское духовное правление, опираясь на эти прошения, вышло с

ходатайством об исправлении перевода Положения и о составлении вновь каждым приходским обществом приговора о назначении своему приходскому мулле ежегодного содержания, не менее 300 руб. в год, которые предлагалось взимать вместе с прочими земскими сборами, вносить в казначейство в особый депозит и ежемесячно, распоряжением уездных начальников, отпускать приходскому духовенству³.

В то же время Совет Министров разработал, а Император утвердил 13 марта 1915 г. «Временные Правила о дополнительных из казны пособиях служащим в учреждениях гражданского ведомства в районах военных действий», которыми предусматривалась выплата суточных денег самим служащим и ежемесячные выплаты денег по найму квартир семьям служащих, проживающих отдельно от глав семей по военным обстоятельствам [9, с. 546].

К районам военных действий 17 ноября 1915 г. были отнесены Кавказ и Таврическая губерния (император утвердил это решение Совета Министров 6 декабря), т.е. зоны, где вели свою деятельность мусульманские духовные правления: Таврическое и Закавказские суннитское и шиитское.

Уже 13 февраля 1916 г. МВД распространило циркулярное письмо по духовным правлениям с просьбой составить списки лиц, которым положены такие пособия. Причем делалось это задним числом и за прошлый год (1915, с 1 ноября), и на полгода вперед за 1916 г.⁴

При этом департамент общих дел МВД разъяснял, что «канцелярские чиновники, канцелярские служители

¹ См.: Т. XI, Ч. 1, ст. 1468 (изд. 1896 г.)

² Государственный исторический архив Азербайджана (ГИААз). Ф. 290. Оп. 2. Д. 3278. Л. 21.

³ Там же, Л. 21 об.

⁴ ГИААз. Ф. 290. Оп. 2. Д. 3470. Л. 1 с об.

и вольнонаемные служащие, исполняющие общие канцелярские обязанности по письменной части, ...получают суточные деньги в размере Восемьдесят коп. в день, независимо от оклада получаемого ими содержания; ...все же прочие – соответственно пятой, шестой, седьмой и восьмой категориях вольнонаемных служащих по означенному расписанию, в зависимости от оклада получаемого ими содержания»¹.

Насколько эта мера была насущной и ожидалась с нетерпением, говорит тот факт, что Закавказское шиитское Духовное правление представило списки своих представителей в Тифлисское Губернское правление уже через два дня.

Правление рассчитало размер пособия Председателю и членам Правления, самостоятельно определив класс чиновников, исходя из так называемых прогонных денег, выделяемых государством на командировки или переезды служащим мусульманского духовного Правления. Шейх-уль-Исламу при командировках выделялись прогонные на шесть лошадей, а членам Правления – на четыре лошади, что соответствовало для Председателя – V классу российских чиновников, а для вторых – VI классу. Хотя по Положению об управлении Закавказского Мусульманского Духовенства у этих должностей не было определено никаких классов².

Более того, члены Правления решили, что ежесуточные суммы, рассчитанные исходя из класса должности, у членов Правления будут такие же, как и у секретаря: по 1 руб. 75 коп. По их мнению, это было неправильным, т.к. должности членов Правления были

выше, и решили увеличить размер суточных до 2 руб. каждому члену (как это было предусмотрено Временными Правилами для чиновников VI класса) [9, с. 550–551], а самому Шейх-уль-Исламу подняли суточные с 2 руб. 50 коп. до 4 руб. (как чиновнику IV класса).

Но во Временных Правилах было четко указано, что все вольнонаемные служащие, получающие содержание свыше 600 руб. и до 1000 руб. в год, имеют право на суточные в размере 1 руб. 25 коп. А у членов Правления и был оклад годового содержания в размере 600 руб., у секретаря 800 руб., а у Шейх-уль-Ислама – 1600 руб. в год. То есть ни о каких двух рублях суточных денег, или даже о 1 руб. 75 коп., для членов Правления нельзя было и говорить³.

По представленной Закавказским шиитским духовным Правлением ведомости на семь человек служащих (председатель, два члена Правления, секретарь, два его помощника и канцелярский служащий) за ноябрь-декабрь 1915 г. было необходимо затребовать от казначейства 1386 руб. На первую треть (январь – апрель) 1916 г. Правление также запрашивало 1386 руб., в то время как эта треть насчитывала в два раза большее количество дней – не 60, а 120. И опять такую же сумму – 1386 руб. Правление предполагало получить и во вторую треть года (май – август), хотя продолжительность ее была еще больше – 123 дня⁴. Другими словами, шиитское духовное Правление вело расчет приблизительно, не точно, стремясь не обделить всех своих служащих и, по возможности, выбить от государства побольше денежных средств.

¹ Там же, Л. 2.

² Там же, Л. 3 с об.

³ Там же, Л. 4 с об.

⁴ Там же, Л. 12, 14.

Однако в марте 1916 г. МВД разъяснило, что из списков получателей исключены сторожа, в том числе и сторож управления мусульманского духовенства, т.к. они в категорию получателей суточных денег не входили. А всем, кто временно исполнял обязанности, надлежало платить по прежней должности (которую фактически занимало данное лицо), т.е. в гораздо меньших размерах¹.

Получив новые указания, шиитское духовное правление подготовило новые ведомости, где Председателю полагалось по 2 руб. 50 коп. в сутки, членам Правления по 2 руб., а секретарю – 1 руб. 25 коп., всем же остальным по 80 коп. в сутки, как это и было предусмотрено Временными правилами. При этом Правление уже стало строже подходить к расчету потребных сумм, учитывая точно и количество дней, и положенные суммы денег. По их расчету получалось, что за период с 1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 г. служащим шиитского духовного Правления требуется выплатить суммы в размере 1847 руб. 30 коп.²

Но 10 июля 1916 г. Канцелярия Наместника уведомила Тифлисского губернатора, что имеют право на получение суточных денег только служащие в мусульманских суннитском и шиитском духовных Правлениях, в то время как согласно примечанию 1 к статье 1 приложения к пункту 1 отдела I Временных Правил «настоящие Правила не распространяются... на священно- и церковнослужителей», и, следовательно, духовные лица удовлетворению суточными деньгами не подлежат³ [9, с. 546, 547].

¹ Там же, Л. 15.

² Там же, Л. 18, 19.

³ Там же, Л. 32.

Следовательно, и Председатели, и члены духовных Правлений оказались исключенными из числа получателей денежной помощи от казны. В Закавказском шиитском духовном Правлении, в результате, осталось только четверо получателей: секретарь, его помощник, канцелярский чиновник и канцелярский служащий. Это были самые низкооплачиваемые категории служащих Правления. Из них только секретарь, имевший классный чин (IX), получал 1 руб. 25 коп. в сутки. Все остальные получали по 80 коп. в сутки, что надо признать существенным увеличением получаемого ими дохода. К примеру, помощник секретаря Правления имел годовой оклад в размере 420 руб., а канцелярский служащий и того меньше: 240 руб. И получение каждым из них суточных денег в размере 292 руб./в год практически уравнивало их в уровне доходов с членами Правления, получавшими от прихожан по 600 руб./в год.

Наконец, были составлены новые сметы, которые установили, что служащие шиитского духовного Правления получили за 1915 г. 222 руб. 65 коп., за январь-апрель 1916 г. еще 438 руб., за май-июнь 1916 г. получено 222 руб. 65 коп. и за период с 1 января по 1 мая 1917 г. – еще 438 руб.⁴

Несмотря на то, что требовательных ведомостей за июль-декабрь 1916 г. не сохранилось, но так как таковые выплаты и по той же схеме производились и в 1917 г., можно смело утверждать, что аналогичным образом выплата суточных осуществлялась и во второй половине 1916 г., т.е. было выплачено еще 671 руб. 60 коп. Таким образом, служащие шиитского духовного Правления

⁴ Там же, Л. 20, 21, 24, 25, 27, 28.

за полтора года получили из казны всего 1992 руб. 90 коп. (подсчет автора).

За шесть месяцев с ноября 1915 г. по апрель 1916 г. Тифлисскому губернатору отпускалось для этих нужд всего 125 685 руб. 35 коп.¹ Если считать, что на поддержку служащих шиитского и суннитского духовных Правлений было выделено каждому по 664 руб. 30 коп. (подсчет автора), то это составит всего 1% от общей суммы затрат казны на эти цели.

Таким образом, рост социальной напряженности в обществе, вызванный ухудшением материального положения населения, заставлял органы государственного управления искать и применять те меры, которые бы не позволяли этому недовольству перейти опасную черту неповиновения. Одной из таких мер и была адресная помощь отдельным социальным группам, в том числе и мусульманскому духовенству.

Реализация этих решений во многом зависела от централизованного выделения бюджетных средств, возможности которых были ограничены, и поэтому денежная поддержка оказывалась только тому мусульманскому

духовенству, которое находилось на театре военных действий (в прифронтовой зоне). Оренбургское духовное Собрание, как орган управления мусульманами внутренней части России, не находился на территории военных действий и также эту помощь не получал. Единых органов управления мусульманами Северного Кавказа создано не было, а значит, и выплачивать ничего не требовалось.

Следовательно, расходы казны на эти цели не являлись ни значительными, ни обременительными. В то время как для конкретных людей они составляли существенное увеличение их доходов, тем более важное в условиях вызванной войной высокой инфляции.

Переход части служащих мусульманских духовных правлений на снабжение через государственное казначейство, фактически означал, что правительство брало на себя ответственность и обязанность по его содержанию, т.е. происходило, в определенной степени, огосударствление ислама.

Статья поступила в редакцию 04.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин Х. М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 23 с.
2. Арапов Д. Ю. «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 42–44.
3. Арапов Д. Ю. Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире: сборник статей международной конференции (13–17 ноября 2013 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2014. С. 418–425.
4. Арапов Д. Ю. Учредить штатные должности магометанских мулл // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 72–75.
5. Аршаруни А., Табидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931. 140 с.
6. Аскеров М. Я. Изменения в национальной политике Российской империи на Северном Кавказе в годы Первой мировой войны // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. Том 10. № 3. С. 83–85.

¹ Там же, Л. 15.

7. Бахтурина А. Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
8. Беляков А. П. История флотского духовенства и его роль в воспитании военных моряков дореволюционной России. 2008. 614 с. [Электронный ресурс] // ДелоРус [сайт]. – URL: <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292> (Дата обращения: 26.12.2018).
9. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. I: июль 1914 г. – апрель 1915 г. Пг.: Юридический книжный магазин Н. К. Мартынова, 1915. 728 с.
10. Грудина А. Д. Законодательные основы социальной поддержки семей нижних чинов Русской Армии в годы Первой мировой войны: проблемы и решения // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып. III. Брянск: Курсив, 2017. С. 63–69.
11. Загидуллин И. К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 гг. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies [Online]. 2009. Issue 10. – URL : <http://journals.openedition.org/ripss/3745> (дата обращения: 26.12.2018).
12. Исхаков С. М. Вместе или порознь. Тюрки–мусульмане в российской армии в 1914–1918 гг. // Татарский мир. 2004. № 15–16. С. 3–6.
13. Кандидов Б. П. Церковный фронт в годы мировой войны. М.: Атеист, 1929. 158 с.
14. Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства. М.: Информационный центр «Летопись», 2008. 752 с.
15. Климович Л. И. Ислам в царской России. Очерки. М.: ГАИЗ, 1936. 225 с.
16. Кравчук В. П. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005. 24 с.
17. Ланда Р. Г. Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток. 2004. № 1. С. 57–72.
18. Михайлов В. В. Опыт диалога культур и партнерства в политике российского государства в отношении тюркских мусульман в период Первой мировой войны // Диалог культур и партнерство цивилизаций. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2009. С. 263–265.
19. Осипов О. В. Священник в армии // Вопросы управления. 2011. Вып. 3 (16). С. 40–48.
20. Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
21. Соболев В. Г. «Мусульманский вопрос» в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.) (по материалам Российского государственного исторического архива) // Клио. 2015. № 3. С. 188–197.
22. Украинцев П. Реформы и сельское духовенство в конце XIX – начале XX века, 13.03.2018 [Электронный ресурс] // Московская Сретенская духовная семинария. – URL: <http://www.sdsmp.ru/news/n7347/> (Дата обращения: 26.12.2018).
23. Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.) // Acta Slavica Japonica University. 2016. Tomus 37. P. 73–101.
24. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
25. Щербинина Ю. В. Социальные практики и призрение военных инвалидов в Российской империи в XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8. С. 200–204.
26. Яницкий О. Н. Мобилизационный потенциал гражданского общества // Мир России. 2011. Т. XX. № 2. С. 113–124.

REFERENCES

1. Abdullin Kh. M. *Musul'manskoe dukhovenstvo i voennoe vedomstvo Rossiiskoi imperii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Muslim clergy and the military of the Russian Empire: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Kazan, 2007. 23 p.
2. Arapov D. Yu. [It is possible to note a number of high feats of valor displayed by the Muslims]. In: *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2004, no. 11, pp. 42–44.
3. Arapov D. Yu. [The Muslims of Russia during the First world war]. In: *Islam v mul'tikul'turnom mire: sbornik statey mezhdunarodnoy konferentsii (13–17 noyabrya 2013 g.)* [Islam in a multicultural world: collection of articles of the international conference (13–17 November 2013)]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2014, pp. 418–425.
4. Arapov D. Yu. [To establish posts Mohammedan mullahs]. In: *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2003, no. 4, pp. 72–75.
5. Arsharuni A., Gabidullin Kh. *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii* [Sketches of pan-Islamism and pan-Turkism in Russia]. Moscow, Bezbozhnik Publ., 1931. 140 p.
6. Askerov M. Ya. [Changes in the national policy of the Russian Empire in the North Caucasus during the First world war]. In: *Vestnik Instituta istorii, arheologii i ètnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 2014, vol. 10, no. 3, pp. 83–85.
7. Bakhturina A. Yu. *Okrainy rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: administration of the state and national politics during the First world war (1914–1917)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 392 p.
8. Belyakov A. P. [The history of naval clergy and its role in the education of sailors pre-revolutionary Russia, 2008]. In: *DeloRus*. Available at: <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292> (accessed: 26.12.2018).
9. *Vazhneishie zakony, ukazy i rasporyazheniya voennogo vremeni. T. I: iyul' 1914 – april' 1915 gg.* [Key laws, decrees and orders of wartime. Vol. I: July 1914 – April 1915]. Petrograd, Yuridicheskii knizhnyi magazin N. K. Martynova Publ., 1915. 728 p.
10. Grudina A. D. [The legislative framework of social support for families of the lower ranks of the Russian Army during the First world war: problems and solutions]. In: *Rossiya v epokhu politicheskikh i kul'turnykh transformatsii. Vyp. III* [Russia in the era of political and cultural transformations. Iss. III]. Bryansk, Kursiv Publ., 2017, pp. 63–69.
11. Zagidullin I. K. [Features of the observance of the religious rights of Muslims in the land of Russian regular army in 1874–1914]. In: *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies (online journal)*, 2009, no. 10. Available at: <http://journals.openedition.org/pipss/3745> (accessed: 26.12.2018).
12. Iskhakov S. M. [Together or apart. Turkic Muslims in the Russian army in 1914–1918]. In: *Tatarskii mir* [Tatar world], 2004, no. 15–16, pp. 3–6.
13. Kandidov B. P. *Tserkovnyi front v gody mirovoi voiny* [Church front in the world war]. Moscow, Ateist Publ., 1929. 158 p.
14. Kapkov K. G. *Pamyatnaya kniga rossiiskogo voennogo i morskogo dukhovenstva* [Commemorative book of the Russian military and sea clergy]. Moscow, Informatsionnyi tsentr «Letopis'» Publ., 2008. 752 p.
15. Klimovich L. I. *Islam v tsarskoi Rossii. Ocherki* [Islam in tsarist Russia. Essays]. Moscow, GAIZ Publ., 1936. 225 p.
16. Kravchuk V. P. *Problema svobody veroispovedanii v russkoi armii vo vtoroi polovine XIX – v nachale XX vekov: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The problem of freedom of creeds in Russian army in second half XIX – the beginning of the XX centuries: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Saint Petersburg, 2005. 24 p.

17. Landa R. G. [The Muslim world and the First world war]. In: *Vostok* [East], 2004, no. 1, pp. 57–72.
18. Mikhailov V. V. [The experience of the dialogue of cultures and partnership policy of the Russian state against the Turkic Muslims during the First world war]. In: *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations]. Saint Petersburg, Saint-Petersburg University of The Humanities and Social Sciences Publ., 2009, pp. 263–265.
19. Osipov O. V. [A priest in the army]. In: *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2011, no. 3 (16), pp. 40–48.
20. Pushkareva N. L., Shcherbinin P. P. [Organization of charity families of the lower ranks during the First world war]. In: *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2005, vol. 3, no. 2, pp. 147–162.
21. Sobolev V. G. [The “Muslim question” in the Russian Empire during the First world war (1914–1916) (on materials of Russian state historical archive)]. In: *Klio* [Klio], 2015, no. 3, pp. 188–197.
22. Ukrainsev P. [Reform and rural clergy in the late XIX – early XX century, 13.03.2018]. In: *Moskovskaya Sretenskaya dukhovnaya seminariya* [Moscow Sretensky theological Seminary]. Available at: <http://www.sdsmp.ru/news/n7347/> (accessed: 26.12.2018).
23. Usmanova D. [Russian Muslims and propaganda during the First world war (1914–1918)]. In: *Acta Slavica Iaponica University*, 2016, vol. 37, pp. 73–101.
24. Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nation and nationalism since 1780]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 119 p.
25. Shcherbinina Yu. V. [Social practices and the charity war invalids in the Russian Empire in the XIX century.]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], 2012, no. 7–8, pp. 200–204.
26. Yanitskii O. N. [The mobilization potential of civil society]. In: *Mir Rossii* [World of Russia], 2011, vol. 20, no. 2, pp. 113–124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подпрятков Николай Вячеславович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
e-mail: podpryatov1961@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Podpryatov – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian Modern History, Perm State National Research University;
e-mail: podpryatov1961@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Подпрятков Н. В. Организация социальной поддержки мусульманского духовенства России в годы Первой мировой войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 76–87.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-76-87

FOR CITATION

Podpriatov N. Social Support for Russian Islamic Clergy During the First World War. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 76–87.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-76-87

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-88-94

БРОНЕПОЕЗД № 746. ИСТОРИЯ БРОНЕПОЕЗДА, ПОСТРОЕННОГО НА СРЕДСТВА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА

Объедков С. И.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является воссоздание истории строительства и боевого применения бронепоезда № 746. Исследование основано на анализе архивных материалов, периодических изданий, мемуаров и историографии, в ходе которого обобщена разрозненная информация о бронепоезде. Автор приходит к заключению, что, несмотря на непродолжительные боевые действия, экипаж бронепоезда уничтожил и оттянул на себя значительные силы противника, став одним из факторов успеха в оборонительной операции на южном фланге Курской дуги.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская битва, 60-й отдельный дивизион бронепоездов, бронепоезд.

ARMORED TRAIN NO. 746. THE HISTORY OF THE ARMORED TRAIN BUILT AT THE EXPENSE OF WORKERS AND EMPLOYEES OF THE MOSCOW METRO

S. Obedkov

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to reconstruct the history of construction and combat application of the armored train No. 746. The study is based on the analysis of archival materials, periodicals, memoirs and historiography. This analysis summarizes scattered information about the armored train. A conclusion is made that, despite a short period of fighting, the crew of the armored train destroyed and misled significant enemy forces. The armored train became one of the success factors in the defensive operation on the southern face of the Kursk Bulge.

Keywords: Great Patriotic War, Kursk battle, 60-th separate division of armored trains, Moscow metro, armored train.

В годы Великой Отечественной войны огромный размах приняло патриотическое движение в помощь фронту. С первых дней войны многие труженики тыла перевыполняли нормы, проявляли инициативу, вносили рационализаторские предложения. На предприятиях появлялись «двухсотники», «трехсотники» и «ты-

© СС ВУ Объедков С. И., 2019.

сячники», которые стремились компенсировать ушедших на фронт рабочих.

Сбор средств на строительство боевой техники для Красной Армии был одним из многочисленных патриотических движений в помощь фронту. По примеру Ферапонта Головатого, колхозники, коллективы рабочих и служащих предприятий страны вносили свои личные средства на постройку танковых колонн, бронепоездов, самолетов и артиллерийских батарей. Следуя примеру коллективов передовых предприятий, работники Московского метрополитена поддержали данное движение.

С 7 января 1943 г. на предприятиях и в службах Московского метрополитена начался сбор средств на постройку бронепоездов «Москва»¹. Однако уже к 12 января было принято решение собирать деньги на постройку одного бронепоезда, который будет носить имя «Московский метрополитен»². К 15 января 1943 г. работниками метрополитена было собрано уже 705 561 рубль³.

21 марта 1943 г. на территории депо «Северное» состоялся торжественный митинг посвященный передаче бронепоезда «Московский метрополитен» Красной Армии⁴, на котором была зачитана приветственная телеграмма И. В. Сталина коллективу работников метрополитена: «Прошу передать работникам московского метрополитена

имени Л. М. Кагановича, собравшим 706 тысяч рублей на строительство бронепоезда «Московский метрополитен», – мой братский привет и благодарность Красной Армии...»⁵. Начальник метрополитена И. С. Новиков, передавая бронепоезд Красной Армии, рассказал о подъеме, с которым происходил сбор средств на его строительство⁶.

Далее командир бронепоезда капитан Б. П. Есин скомандовал: «По местам». Экипаж занял свои места и начал демонстрировать различные приемы ведения огня по наземным и воздушным целям условного противника [7, с. 69]. Затем по сигналу командира бронепоезда состав, сопровождаемый звуками оркестра, аплодисментами и криками «ура», двинулся к месту своей дислокации⁷.

Бронепоезд (далее – бепо) «Московский метрополитен» относился к бронепоездам нового типа [6, с. 133; 3, с. 303], разработкой которого занимались специалисты Управления Военных Сообщений Красной Армии (далее – УПВОСО КА), так, в марте 1942 г. был представлен эскизный проект бронеплощадки, получивший позднее индекс ПЛ-43. Разработкой бронепаровоза занималась Рембаза № 6 совместно с сотрудниками УПВОСО КА. Всему бронепоезду был присвоен индекс БП-43 [1, с. 131–132].

Постановлением Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО) № 2095сс от 25 июля 1942 г. на заво-

¹ Пятин Д. Каждый вносит средства // Советский метрополитен. 1943. 9 янв. С. 1.

² Лебедев М. Построим свой бронепоезд // Советский метрополитен. 1943. 12 янв. С. 1.

³ На разгром врага // Советский метрополитен. 1943. 16 янв. С. 1.

⁴ Бронепоезд «Московский метрополитен» передан действующей армии // Вечерняя Москва. 1943. 22 марта. С. 1.

⁵ Бронепоезд «Московский метрополитен» передан Красной Армии // Советский метрополитен. 1943. 23 марта. С. 1.

⁶ Бронепоезд «Московский метрополитен» передан Красной Армии // Гудок. 1943. 24 марта. С. 4.

⁷ См. сноски 4 и 6.

дах Наркомата Путей Сообщения (*далее* – НКПС) и Наркомата Тяжелого Машиностроения планировалось построить 20 бронепоездов типа БП-43. Во исполнение постановления для изготовления бронепоездов НКПС разрешалось использовать подвижной состав из собственного парка. Необходимое для производства бронепоездов вооружение, приборы, оборудование и электроматериалы поставлялись за счет фондов Наркомата Обороны¹.

Однако в рамках данного постановления ГКО в течение 1942 г. удалось построить только два бронепоезда: на Коломенском заводе им. Куйбышева и будущий бепо «Московский метрополитен» на Чкаловском паровозоремонтном заводе [1, с. 134], который был сдан приемщикам в ноябре, а уже 28 декабря 1942 г. был принят 60-м отдельным дивизионом бронепоездов (*далее* – 60-м ОДБП) как бепо № 746 [6, с. 133].

Состоял бепо № 746 из бронепаровоза ПР-43 на базе паровоза Ов № 5490, четырех бронеплощадок ПЛ-43, одной площадки ПВО-4 и четырех контрольных платформ. Его длина без контрольных платформ составляла 70 м, полная длина 112 м. Запас хода: «по воде» – 60–100 км, «по топливу» – 250–300 км. Максимальная скорость 35 км/час².

По прибытии бронепоезда на ст. Москва-Бутырская, место дислокации 60-го ОДБП, началось активное освоение материальной части членами эки-

пажа. Под руководством командиров изучали смежные профессии, чтобы в любой момент можно было заменить выбывшего из строя бойца [7, с. 68].

29 апреля командир дивизиона майор В. Б. Панич получает приказ заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии (*далее* – БТиМВ) генерал-лейтенанта Б. М. Коробкова убыть в распоряжение командующего войсками Воронежского фронта [2, с. 110–111]. 30 апреля с 18:00 полностью укомплектованный дивизион, состоящий из двух бронепоездов, № 737 и № 746, находился на ст. Москва-Бутырская в ожидании команды об убытии³, которую получает 3 мая [6, с. 133].

За 22 дня 60-й ОДБП совершил марш по маршруту: Москва-Бутырская – Бескудниково – Коломенская – Жилево – Ожерелье – Михайлов – Павелец – Троекурово – Раненбург – Богоявленск – Кочетовка – Мичуринск – Грязи – Графская – Отрожка – Касторная – Мармыжи – Охочевка – Курск – Ржава – Прохоровка. Во время марша бепо «Московский метрополитен» двигался в составе первого эшелона, который состоял из паровоза НКПС, собственно бепо № 746 и 28 осей базы. В связи с недостатком паровозов у НКПС, на станциях их смены возникали длительные стоянки первого эшелона дивизиона, что грозило значительным отставанием первого эшелона от второго. Поэтому на ст. Михайлов было принято решение сдать 10 осей базы бронепоезда и паровоз НКПС, как ненужные, а 4 оси полевой базы дивизиона передать второму эшелону. От ст. Михайлов первый эшелон двинулся в

¹ Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 83. Л. 35–38 (О производстве бронепоездов во 2 полугодии 1942 г.).

² Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). Ф. 335. Оп. 5124. Д. 52. Л. 166 (Отчет 60 одн брп).

³ ЦАМО. Ф. 335. Оп. 5124. Д. 52. Л. 162 (Отчет 60 одн брп).

составе бронепоезда № 746 и 14 осей базы.

23 мая дивизион получил приказ убыть в распоряжение командующего войсками 6-й Гвардейской армии (далее – 6 Гв.А.). А на следующий день получил приказ командующего БТиМВ 6 Гв.А. – не допустить прорыва противника вдоль железной дороги на север и поддержать огнем 375 стрелковую дивизию (далее – 375 сд) и 51 гвардейскую стрелковую дивизию, имея основными направлениями Белгородское шоссе, железную дорогу Белгород – Курск и дорогу Белгород – Шляхово.

С 25 мая дивизион находился на боевом участке Прохоровка – Беломестная в системе обороны 6 Гв.А. Бепо «Московский метрополитен» располагался на ст. Сажное. В течение мая-июня экипаж занимался боевой подготовкой, в целях сохранения секретности бронепоезду запретили выходить на ст. Ржава для заправки водой и углем, а также вступать в боевой контакт с неприятелем [7, с. 38].

В соответствии со штатным расписанием на 1 июля 1943 г., экипаж бепо «Московский метрополитен» состоял из 75 человек, на вооружении имел: 76-мм пушки Ф-34 обр. 1940 г. – 4 шт., 37-мм пушки обр. 1939 г. – 2 шт., 20-мм пушки ШВАК – 2 шт., пулеметы Максим – 2 шт., винтовки СВТ обр. 1940 г. – 18 шт., автоматы ПППШ – 12 шт., пистолеты ТТ – 2 шт., револьверы Наган – 6 шт., гранаты Ф-1 – 470 шт., гранаты РПГ – 210 шт.¹

В ночь на 5 июля командир бронепоезда получил приказ вести огонь по району Ближне-Ивановский недалеко от ст. Белгород, участвуя в систе-

ме заградительного огня 375 сд². По данным разведки, в этом районе враг сосредоточил крупные силы танков, мотопехоты, позиции артиллерийских и минометных батарей, склады горючего и боеприпасов. Во время артиллерийского налета огнем бронепоезда врагу был нанесен большой урон, было уничтожено несколько минометных и артиллерийских батарей, много живой силы противника.

С началом немецкого наступления на южном фланге Курской дуги 5 июля 1943 г. связь дивизиона со штабом армии нарушилась, и он, не получая конкретных задач, действовал по своей инициативе, так, бепо «Московский метрополитен», находясь на запасных позициях, отражал налеты немецкой авиации [7, с. 69–70]. 6 июля экипаж бепо «Московский метрополитен» решил пробиваться на ст. Беленихино, где находилась полевая база дивизиона. В пути бронепоезд атаковали более двух десятков вражеских самолетов, а у села Тетеревино по составу открыли огонь немецкие танки и штурмовые орудия [7, с. 39–40].

В 17:00, в связи с угрозой прорыва противника к ст. Беленихино, где находилась база 60-го ОДБП, командир дивизиона капитан В. Б. Панич отправился на броневике в Прохоровку для согласования с УПВОСО вопроса о передислокации базы. По дороге бронемашину атаковали немецкие самолеты, и командир дивизиона был тяжело ранен (30 июля 1943 г. скончался в госпитале). Из-за того, что вопрос об эвакуации базы решить не удалось, в 18:00 ее разбомбила немецкая авиация, а бепо № 746 не смог пробиться к ст.

¹ ЦАМО. Ф. 335. Оп. 5124. Д. 52. Л. 166 (Отчет 60 одн брп).

² ЦАМО. Ф. 5720. Оп. 0036968с. Д. 002. Л. 29 (Боевое донесение штаба 60 одн брп).

Беленихино, так как немецкие танки уже вплотную подобралась к железной дороге южнее станции.

К утру 7 июля немецкие части заняли Смородино, Калинин и Ясную Поляну, создав непосредственную угрозу выхода в тыл 60-му ОДБП. Учитывая сложившуюся ситуацию, замполит дивизиона капитан А. И. Шиманский приказал бронепоездам прорываться к Прохоровке. Составы вышли со ст. Сажное в 7:00 7 июля – впереди бепо № 737, за ним № 746. Отойдя от Сажного на 1,5–2 км, бронепоезда попали под обстрел противника, одновременно их атаковало 10 немецких самолетов. Отстреливаясь, составы отбили атаку и двинулись вперед. Не доходя до ст. Беленихино, бронепоезда вновь подверглись воздушной атаке. Одновременно по ним открыли огонь немецкие танки и артиллерия. Полотно железной дороги впереди оказалось разрушено, и командиры бронепоездов выслали ремонтные бригады, одновременно начав отход к Сажному [6, с. 134]. Не доходя до станции 2,5 – 3 км дивизион вновь подвергся атаке самолетов противника. Бепо № 746 получил прямое попадание снаряда в бронепаровоз¹.

К 9:00 7 июля 1943 г., после трехкратного авианалета и боя с танками и артиллерией, у бепо «Московский метрополитен» были разбиты тендер, и левая сторона будки машиниста бронепаровоза, 5 пушек из 6 выведены из строя, в том числе 2 зенитных, были разбиты три бронеплощадки. Бепо № 737 также потерял способность к

передвижению и ведению огня. Исходя из этого, командование дивизиона отдало приказ оставить составы, остатки которых были подорваны. Оставшийся личный состав дивизиона вывели сначала на ст. Латная, затем Графская, откуда 28 августа 1943 г. его отправили в распоряжение 1-го запасного полка бронепоездов. Здесь 24 сентября 1943 г. 60-й ОДБП получил новую задачу.

В результате боя 7 июля 1943 г. огнем 60-го ОДБП было подбито 7 немецких танков, 7 самолетов, подавлен огонь 3 минометных батарей. Свои потери составили 4 человека убитыми и 12 ранеными и контуженными [6, с. 135].

В канун 40-летия Курской битвы на вокзале ст. Сажное состоялся торжественный митинг в честь подвига бепо «Московский метрополитен». На митинг были приглашены оставшиеся в живых артиллеристы, пулеметчики, связисты, медики и другие члены экипажа бронепоезда. После короткого митинга была открыта мемориальная доска с описанием подвига бепо «Московский метрополитен» [4, с. 230; 5, с. 342; 7, с. 46].

В наши дни, 8 мая 2003 г., на Сокольнической линии Московского метрополитена в память об участии бепо «Московский метрополитен» в боях на Курской дуге был запущен именной поезд «Курская битва»².

Подводя итог, можно сказать, что экипаж бепо № 746, несмотря на непродолжительные боевые действия,

¹ См.: Окорочков Г. Полыхающий июль. Московский метрополитен внес вклад в победу Красной Армии на Курской дуге // Вечерняя Москва. 2018. 12 июля. С. 7.

² См. сообщение «В электродепо “Северное” прошел митинг в честь Дня Победы» на сайте «Московский метрополитен». URL: http://www.mosmetro.ru/press/news/2729/?sphrase_id=113420 (дата обращения: 23.12.2018).

уничтожил и оттянул на себя значительные силы противника, став одним из факторов успеха в оборонительной операции на южном фланге Курской дуги. Бронепоезд столкнулся с танковой и авиационной мощью противника, оказавшись на пути его ударных групп. За три дня боев бронепоездом

были подбиты 6 танков и самоходных установок, 4 самолета, подавлено около 10 минометных батарей, уничтожено большое количество живой силы и техники противника, при минимальных потерях со стороны членов экипажа.

Статья поступила в редакцию 30.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханов Л. И. Броненосцы железных дорог. СПб.: Остров, 2005. 212 с.
2. Глазунов Ю. А. 60 ОДБП в Курской битве // Материалы международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война: трагедия и подвиг народа», Прохоровка, 15–16 июня 2016 г. Белгород: Белгородская обл. тип., 2016. С. 110–119.
3. Дроговоз И. Г. Крепости на колесах: история бронепоездов. Минск: Харвест, 2002. 352 с.
4. Ефимьев А. В., Манжосов А. Н., Сидоров П. Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М.: Транспорт, 1992. 246 с.
5. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / Под ред. Н. С. Конарева. М.: Транспорт, 1987. 575 с.
6. Коломиец М. В. Бронепоезда в бою, 1941–1945: «Стальные крепости» Красной Армии. М.: Стратегия КМ, 2010. 160 с.
7. На рельсах огненной дуги: воспоминания железнодорожников / Сост. Н. В. Рыльцов. Харьков: Прапор, 1988. 231 с.

REFERENCES

1. Amirhanov L. I. *Bronenoscy zheleznykh dorog* [Armados of railways]. Saint Petersburg, Ostron Publ., 2005. 212 p.
2. Glazunov Y. A. [60 SDAT in the battle of Kursk]. In: *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Velikaya Otechestvennaya voyna: tragediya i podvig», Prokhorovka, 15–16 iyunya 2016 g.* [Proceedings of the international scientific-practical conference “The Great Patriotic War: the tragedy and feat of the people”, Prokhorovka, June 15–16, 2016]. Belgorod: Belgorodskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2016, pp. 110–119.
3. Dorogovoz I. G. *Kreposti na kolesah: Istoriya bronepoezdov* [Fortress on wheels: the History of armored trains.]. Minsk, Harvest Publ., 2002. 352 p.
4. Efimev A. V., Manzhosov A. N., Sidorov P. V. *Bronepoezda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945* [Armored trains in the great Patriotic war 1941–1945]. Moscow, Transport Publ., 1992. 246 p.
5. Konarev N. S., ed. *Zheleznodorozhniki v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [Railway workers in the great Patriotic war 1941–1945]. Moscow, Transport Publ., 1987. 575 p.
6. Kolomiec M. V. *Bronepoezda v boyu 1941–1945. «Stalnye kreposti» Krasnoy Armii* [Armored trains in battle 1941–1945. “Steel fortress” of the Red Army]. Moscow, Strategia KM Publ., 2010. 160 p.
7. Rylcov N. V., comp. *Na relsah ognenoy dugi: vospominaniya zheleznodorozhnikov* [On the rails of a fiery arc: Memories of railway workers]. Kharkov, Prapor Publ., 1988. 231 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Объедков Сергей Игоревич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;

e-mail: gustav86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey I. Obedkov – Postgraduate Student, Department of Contemporary History of Russia, Moscow Region State University;

e-mail: gustav86@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Объедков С. И. Бронепоезд № 746. История бронепоезда построенного на средства рабочих и служащих Московского метрополитена // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 88–94.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-88-94

FOR CITATION

Obedkov S. Armored train no. 746. The history of the armored train built at the expense of workers and employees of the Moscow metro. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 88–94.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-88-94

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-95-102

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В МОСКВЕ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Маркова Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В условиях осадного положения столицы, введенного 19 октября 1941 г., карточная система сыграла важную роль в системе снабжения страны. Нормированное снабжение соответствовало условиям военного времени и гарантировало гражданскому населению получение минимума продовольствия и предметов первой необходимости по твердым государственным ценам в условиях войны. В начале войны, ввиду отсутствия точной установки о порядке учета продовольственных и промышленных карточек и порядка их погашения, образовалась почва для преступлений, связанных с ними: хищение карточек в типографиях, при их транспортировке, хранении, распределении; изготовление безучетных карточек в типографиях, повторное использование карточек, их подделка. В статье проводится анализ проблем карточной системы в Москве в начале Великой Отечественной войны. В исследовании использовались принципы историзма и системности, также общенаучные методы, такие, как исторический и логический. Теоретическая значимость статьи заключается в анализе архивных документов и монографий по проблемам снабжения в эпоху Великой Отечественной войны. Статья адресована историкам, исследователям, занимающимся историей Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, продовольственные карточки, незаконная торговля, снабжение, спекуляции, экономические преступления.

PROBLEMS CONCERNING THE RATIONING SYSTEM IN MOSCOW AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. Markova

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The rationing system played an important role in Russia's supply system during the period of siege in the Russian capital, which officially started on 19 October, 1941. The controlled distribution of scarce resources corresponded to the conditions of wartime and guaranteed the civilian population a minimum of food and basic necessities at fixed state prices. At the beginning of the war, the lack of clear prescription of the procedure of registration for ration cards and industrial cards, as well as that for their redemption, resulted in relevant crimes: theft of cards in printing houses and during their transportation, storage, distribution; production of

unregistered cards in printing houses, reuse of cards, their falsification. In this paper, I analyse infringements in the rationing system in Moscow at the beginning of the Great Patriotic War. The research is based on the principles of historicism and consistency, as well as on general historical and logical research methods. The theoretical contribution of the article consists in the analysis of archival documents and monographs on the problems of controlled distribution of resources during the Great Patriotic War. The article is addressed to historians and researchers interested in the history of the Great Patriotic War.

Keywords: the Great Patriotic War, ration card, illegal trade, supply, speculation, economic crime.

В военные годы карточная система решала важнейшие задачи: сохранение стабильности розничных цен на товары первой необходимости, борьба с обесцениванием денег. Постановление СНК СССР от 18 июля 1941 г. о введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в г. Москве, Ленинграде и в отдельных городах, пригородных районах Московской и Ленинградской областей устанавливало уголовную ответственность за спекуляцию продовольственными и промышленными карточками [6, с. 59]. Введение новой системы распределения способствовало появлению новых видов преступлений, связанных с ними, – хищение карточек в типографиях, повторное использование карточек, их подделка.

Во время Великой Отечественной войны Москва подвергалась налетам немецкой авиации, целями бомбардировок были жилые кварталы города. Это приводило к тому, что значительная часть населения покидало свое жилье и долгое время находилось в укрытиях [3, с. 258]. Имущество же оставалось без присмотра. Много жителей эвакуировалось из Москвы. Согласно архивным данным, в Москве до войны насчитывалось около 4,5 млн. чел.; в ноябре насчитывалось населения 2,5 млн. чел. Таким образом,

эвакуировано из Москвы было около 45% населения. В городе проживало на ноябрь 1941 г. 2500 тыс. чел. [4, с. 145; 2, с. 138]. Самыми распространенными преступлениями были кражи продовольственных карточек. Главными причинами, способствовавшими злоупотреблению продовольственными и промышленными карточками, являлись: во-первых, экономические трудности, обусловленные войной; во-вторых, отсутствие надлежащего контроля со стороны руководителей предприятий; в-третьих, неправильный подход к подбору кадров [1, с. 28].

Прокуратурой г. Москвы путем проверок было установлено, что на предприятиях, в учреждениях, домоуправлениях, магазинах и карточных бюро допускались грубые нарушения постановления СНК СССР от 18.07.1941 г. «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в г. Москве, Ленинграде и в отдельных городах, пригородных районах Московской и Ленинградской областей». Согласно докладной записке прокурора г. Москвы П. Н. Самарина секретарю МГК ВКП(б) В. К. Павлюкову о нарушениях¹ при оформлении выдачи продовольственных карточек

¹ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 3. Оп. 52. Д. 101. Л. 42.

населению города от 14 августа 1941 г., особенно бесконтрольно работали продовольственные магазины, где учет талонов со дня введения карточек не ввелся. За отработанный день талоны по проданным товарам закладывались в пакет без учета, изредка пломбировались. Например, в магазине № 24 Фрунзенского РПТ с 1 по 5 августа талоны были не наклеены и не подсчитаны. Такое же положение наблюдалось в магазине № 204 Ленинского района и в ряде других магазинах. Сложность подсчета объяснялась разной купюрностью и чрезвычайно большим количеством талонов.

Для спекуляции была создана плодотворная почва ввиду отсутствия точной установки о порядке учета неиспользованных сданных карточек и порядка их погашения. Также карточки были вне учета после увольнения сотрудника с предприятия, и был факт несдачи продовольственных карточек на предприятия при эвакуации. Без учета оставались карточки, выдаваемые иждивенцам. Так, при проверке фактического наличия иждивенцев, на которых были получены справки для получения карточек и сами карточки, было установлено, что большинство лиц получали карточки на иждивенцев, не проживающих в Москве, а эвакуированных. Все это свидетельствовало об отсутствии контроля со стороны торгующих организаций и карточных бюро за работой предприятий, учреждений, магазинов и домоуправлений [6, с. 63; 10, с. 94].

В августе 1941 г. в Москве были раскрыты преступления по расхищению продовольственных карточек и продуктов¹.

¹ ГАМО. Ф. 3. Оп. 52. Д. 101. Л. 43.

1) Зам. директора кинотеатра Счастьева произвела выдачу продовольственных и промтоварных карточек работникам театра, выдав 16 рабочих карточек, в том числе сама получила рабочую карточку. Дело судом было рассмотрено, Счастьева осуждена по ст. 109 УК к 6 месяцам исправительно-трудовых работ по месту работы.

2) Зав. палаткой Октябрьского РПТ Сидоров в день снятия остатков нормированных продуктов питания скрыл от приемочной комиссии масла животного – 25,4 кг, сахарного песка – 30 кг, мыла хозяйственного – 43 куска, конфет – 22 кг, риса – 4,5 кг, печенья – 5 кг и лапши – 12 кг. Сидоров привлечен к уголовной ответственности по ст. 109 УК. Дело было передано в нарсуд 4-го участка Октябрьского района для рассмотрения.

3) Зав. палаткой Октябрьского РПТ Ярославов в день снятия остатков нормированных продуктов питания скрыл от комиссии растительного масла – 10 кг, конфет – 40 кг, мыла – 15 кусков. Ярославов был привлечен к уголовной ответственности по ст. 109 УК. Дело было передано в нарсуд 13-го участка Октябрьского района.

В ноябре 1941 г. ситуация не изменилась. Из распоряжения отдела торговли Мосгорисполкома в связи с нарушениями директорами магазинов правил отпуска хлеба по талонам² от 16 ноября 1941 г.: «проверкой 11–12 ноября пяти магазинов Управления продторгами было установлено, что директора магазинов разбазаривают хлеб и некоторые безответственно относятся к отчету за реализуемый хлеб. Так в магазине Октябрьской конторы Мосхлебторга имеется недостача хлебных

² ЦГАМО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 332. Л. 20.

талонов на 105,2 кг, в магазине Сталинской конторы Мосхлебторга имеется недостача талонов на 45 кг. Магазин Сокольнической конторы Мосхлебторга за 11.11.41 г по просроченным и загородным талонам отпустил хлеба 86,2 кг, магазин Бауманской конторы Мосхлебторга продал по загородным и просроченным талонам 71,9 кг».

6 декабря 1941 г. был проведен Пленум МГК ВКП(б). Из Доклада Первого секретаря МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова на Пленуме МГК ВКП(б) «Об обеспечении населения города продуктами питания, электроэнергией, авто- и железнодорожным транспортом» от 6 декабря 1941 г.¹: «С особой остротой стоит вопрос о бережном расходовании продуктов и самой беспощадной борьбе с мародерами и жуликами, со всеми теми, кто продукты расхищает и разбазаривает. В торговой сети и раньше были, а сейчас особенно лезут жулики, воры, спекулянты. В отношении мародеров, жуликов и воров мы должны навести прямо-таки террор. Нам надо добиться того, чтобы каждый, кто намерен погреть руки у нашего котла, знал, что в случае, если он попадется, пощады ему не будет, и что с такими людьми будут расправляться со всей жестокостью военного времени. Надо сказать, что особенно в октябре месяце у нас крайне ослаб контроль за торговлей и расходованием продуктов со стороны партийных и советских органов. Были у нас райкомы и районные советы такие, как Ростокинский, которые совершенно перестали заниматься вопросами торговли. В октябре месяце со стороны Московского совета и со стороны Московского городского коми-

¹ ЦГАМО. Ф.3. Оп. 52, Д. 101. Л. 43.

тета партии руководство и контроль торговой сети также были ослаблены. Что же в связи с этим получается? В ноябре месяце мы столкнулись с рядом фактов, которые свидетельствуют, что у нас в Москве происходит разбазаривание продовольствия, и прежде всего хлеба. Торгующие организации продавали хлеб без карточек, по запискам, по спискам и т.п., и это в то время, когда надо экономить каждый килограмм хлеба. Сотни тонн хлеба разбазаривались при прямом попустительстве Горторготдела. Если к этому прибавить отсутствие сколько-нибудь серьезного учета талонов продовольственных карточек или хотя бы какой-либо элементарной отчетности, то станет понятным, почему происходило прямое разбазаривание хлеба. При карточной системе на продукты особенно повысилась роль Городского отдела торговли. Надо сказать, что в работе этого отдела и его руководителя т. Фадиной имели и еще имеют место крупнейшие, а иногда прямо-таки возмутительные промахи и недочеты. Горторготдел систематически допускает путаницу при объявлении талонов на выдачу тех или иных продуктов. Нередко вслед за распоряжением об этих выдачах издаются всякие поправки и дополнения, иногда в тот же, а иногда на другой день, которые сводят на нет ранее изданные распоряжения. Вот это путает и сбивает с толку население, а часто также и работников магазинов и торгов».

В военное время в Москве создавались значительные очереди [5, с. 25; 9, с. 55]. Наличие очередей объяснялось перебоями в доставке продуктов. Основная же причина – плохая и неорганизованная работа торговой сети и

отсутствие надлежащего руководства торговлей со стороны московских и районных организаций [5, с. 26]. Очередь в магазинах и столовых была результатом отсутствия должного контроля за работой торговых организаций.

Из выступления начальника управления торговли г. Москвы И. А. Фадина на Пленуме МГК ВКП(б) «О снабжении москвичей продуктами питания» от 6 декабря 1941 г.: «Продовольственный вопрос является самым острым вопросом, поэтому перед торговыми работниками поставлена серьезная задача, с которой, надо сказать, торговые работники справились неудовлетворительно. В нашей работе, в работе торговых организаций, в работе отдела торговли был допущен ряд ошибок. Ошибки состоят в том, что мы несвоевременно перестроили свою работу, не переключились на военный лад. Наши торговые работники привыкли годами работать и драться за выколачивание фондов, торгашески подходили к этому вопросу и продолжали это до последнего дня, когда Московский комитет партии указал на это дело. Старый вопрос, который неоднократно поднимался, – это гнилое планирование. Иногда приходится удивляться, как можно допустить до такого состояния, что магазины, некоторые торги совершенно не отдают отчета о существующем положении. На днях мы провели целый ряд организаций и установили, что, несмотря на строжайшие указания, в Октябрьской конторе магазин № 29 – директор Горохов, на 105 кг хлеба не имел талончиков. Сокольнический магазин № 501 не имел талончиков на 86 кг хлеба. В Бауманском райпищеторге на 71 кг

хлеба не было талончиков. Когда стали привлекать людей к ответственности, то они начинают приводить всякие доводы, что тут усушка, утруска и т.д. Но факт остается фактом, что контроль за расходом продовольствия, и это я должен сказать в порядке самокритики, поставлен очень плохо. Причем если этот контроль плохо поставлен со стороны отдела торговли г. Москвы, то со стороны районных исполкомов его почти не чувствуется. Мы проверили фабрику-кухню № 7 Киевского треста столовых. Ежедневный расход хлеба не составляется, талоны не подсчитываются. Оказалось, что при проверке недостает 780 кг хлеба. В результате этих указаний отдел торговли г. Москвы провел ряд мероприятий. Мы проделали большую работу по хлебу. Мы в ноябре расходовали 1458 т хлеба, в декабре – 1296 т. Если сравнить с октябрем месяцем, то в два раза снизили расход хлеба. Я должен сказать, что это далеко не за счет эвакуированного населения, а действительно было бесконтрольное разбазаривание хлеба» [8, с. 521–523].

На основании распоряжения СНК СССР от 26 июня 1942 г. по всей стране начали создаваться контрольно-учетные бюро [7, с. 30] продовольственных и промтоварных карточек. В их задачи входила проверка правильности выдачи карточек населению и контроль над расходом нормированных продуктов общественного питания. Работники бюро регулярно уточняли списки населения, штатную численность и списочный состав рабочих и служащих предприятий и учреждений, проверяли обоснованность распределения по группам снабжения. Отчеты контрольно-учетных бюро заслушивались на заседаниях исполкомов.

Во время войны спекулянты, пользуясь трудностями военного времени в снабжении населения, наживались на промтоварах, продовольствии и предметах первой необходимости. Хищение происходило за счет «отоваживания» близких и знакомых работниками магазинов, столовых, баз, пищевых предприятий [6, с. 70]. Борьбой со спекуляцией занималась служба БХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) [3, с. 260]. БХСС проводили внезапные проверки продовольственных товаров на складах, базах, продовольственных карточек в бюро, состояния их хранения. Чтобы исключить злоупотребления с карточками, повторное использование хлебных талонов, на каждый месяц вводилась новая цветовая сетка карточек. Работниками БХСС было выявлено несколько подпольных типографий, изготавливающих фальшивые карточки на хлеб и другие продукты, арестовано несколько групп спекулянтов-валютчиков в Москве и Ленинграде [6, с. 75].

3 марта 1942 г. для обеспечения правопорядка в Москве Государственный Комитет Обороны принял постановление, согласно которому устанавливалась высшая мера наказания – расстрел с конфискацией имущества за хищение (воровство) в военное время оружия, боеприпасов, продоволь-

ствия, обмундирования и снаряжения [1, с. 58]. Органы БХСС были обязаны проводить оперативно-розыскные мероприятия по изобличению виновных в течение десяти суток после получения соответствующей информации.

Причинами, способствовавшими злоупотреблению продовольственными и промышленными карточками являлись: экономические трудности населения, обусловленные войной, несвоевременная перестройка снабжения на военное время, плохой контроль за расходованием продовольствия Городским отделом торговли. Борьба с преступлениями, связанными со злоупотреблениями продовольственными и промышленными карточками, занимала важное место в деятельности органов милиции в период Великой Отечественной войны. Именно органами милиции и БХСС в Москве и Московской области пресекалась деятельность спекулянтов. БХСС проверяли продовольственные товары на складах, базах, продовольственные карточки в бюро, состояния их хранения. Для борьбы с воровством продовольствия в условиях военного времени была введена высшая мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12-ти т. Т. 10: Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
2. Великая Отечественная война: юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2015. 190 с.
3. Дегтев Д., Зубов Д. Будни советского тыла: жизнь и труд советских людей в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Цетрполиграф, 2016. 591 с.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг.: в 6-ти томах. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 682 с.

5. Комаров Н. Я., Куманев Г. А. Битва под Москвой. Пролог к Великой Победе: Исторический дневник. Комментарии. М.: Молодая гвардия, 2005. 277 с.
6. Костин В. И. Борьба с хищениями социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1982. 87 с.
7. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.
8. Москва военная, 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. 744 с.
9. Подвиг народа и слава Отечества: вехи истории (материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (23–24 апреля 2015 г., Волгоград). М.: Планета, 2015. 359 с.
10. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности / Под общей редакцией И. В. Караваевой. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2015. 344 с.

REFERENCES

1. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: v 12 tomah. T. 10: Gosudarstvo, obshchestvo i voyna* [The Great Patriotic War of 1941–1945 in 12 volumes. Vol. 10: State, Society and War]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ, 2014. 864 p.
2. *Velikaya Otechestvennaya voyna: yubileyyny statisticheskiy sbornik* [The Great Patriotic War: anniversary statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 190 p.
3. Degtev D., Zubov D. *Budni sovetskogo tyla: zhizn i trud sovetskikh lyudey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1945* [The everyday life of the Soviet rear: the life and work of the Soviet people in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 591 p.
4. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.: v 6 t. T. 2* [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union of 1941–1945 in 6 volumes. Vol. 2]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 682 p.
5. Komarov N. L., Kumaniv G. A. *Bitva pod Moskvoy. Prolog k Velikoy Pobede: Istoricheskiy dnevnik. Kommentarii* [Battle of Moscow. Prologue to the Great Victory: Historical diary. Comments]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005. 277 p.
6. Kostin V. I. *Borba s khishcheniem sotsialisticheskogo imushchestva i spekulyatsiy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Combating the theft of socialist property and speculation during the Great Patriotic War]. Gorkiy, Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR Publ., 1982. 87 p.
7. Lyubimov A. V. *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Trade and supply during the Great Patriotic War]. Moscow, Ekonomika Publ., 1968. 231 p.
8. *Moskva voennaya, 1941–1945. Memuary i arkhivnye dokumenty* [Moscow military, 1941–1945. Memoirs and archival documents]. Moscow, Mosgorarkhiv Publ., 1995. 744 p.
9. *Podvig naroda i slava Otechestva: vekhi istorii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne (23–24 aprelya 2015 g., Volgograd)* [The feat of the people and the glory of the Fatherland: historical milestones: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War (Apr. 23–24, 2015, Volgograd)]. Moscow, Planeta Publ. 359 p.
10. Karavaeva I. V., ed. *Ekonomicheskiy fundament Pobedy: paralleli istorii i sovremennosti* [The economic foundation of Victory: parallels of history and modernity]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2015. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Екатерина Александровна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: Vels63@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ekaterina A. Markova – Postgraduate Student, Department of Russian Modern History, Moscow Region State University;
e-mail: Vels63@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова Е. А. Проблемы функционирования карточной системы в Москве в начале Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 95–102.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-95-102

FOR CITATION

Markova E. Problems Concerning the Rationing System in Moscow at the Beginning of the Great Patriotic War. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 95–102.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-95-102

УДК 94(470. 5) 084.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-103-106

ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КОЛХОЗАХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Горлов В. Н.

*Московский институт государственного управления и права
115487, г. Москва, ул. Садовники, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы жилищного строительства в Московской области в послевоенное время. Автор анализирует причины неудовлетворительной работы строительных организаций Подмосковья. В статье рассматриваются проблемы с кадрами в строительстве, неудовлетворительной организации сельского жилищного строительства в Московской области, неэффективности ведомственного строительства на селе, несовершенство форм оплаты труда, отсутствие индустриальных методов строительства и типовых проектов.

Ключевые слова: жилищное строительство, Московская область, колхоз, послевоенный период, строительная организация.

PROBLEMS OF HOUSING CONSTRUCTION IN THE COLLECTIVE FARMS OF THE MOSCOW REGION IN THE POSTWAR PERIOD

V. Gorlov

*Moscow Institute of State Management and Law
2, Sadovniki St., Moscow 115487, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problems of housing construction in the Moscow region in the post-war period. Reasons for poor working practices of construction organizations in the Moscow region are analyzed. The article discusses problems connected with the lack of qualified construction staff, poor organization of rural housing construction in the Moscow region, inefficient government construction in rural areas, imperfect forms of remuneration, the lack of industrial construction methods and standard projects.

Keywords: housing construction, Moscow region, collective farms, post-war period, construction organization.

В послевоенный период жилищная проблема в колхозах Подмосковья была одной из самых острых. Причиной были рост населения, опережающее развитие промышленности. В сельской местности жилищное строительство отставало от потребностей. Это являлось следствием неудовлетворительной организации сельского жилищного строительства и его слабой производственно-технической базы. Многие колхозы не имели строительных бригад, слабо осуществлялась межколхозная кооперация в деле изготовления строительных материалов.

Медленно внедрялись прогрессивные сборные конструкции заводского изготовления, недостаточно применялись крупноблочные и крупнопанельные конструкции стен, типовые детали использовались строителями слабо. Жилищное строительство в колхозах происходило в большинстве случаев почти без механизации, вручную, что приводило к его удорожанию. Сельское строительство велось без учета перспективы развития хозяйства и улучшения быта, сёла строились некомпактно, без надлежащих бытовых удобств, хотя в строительство вкладывались большие средства. Индустриальные методы в строительстве использовались слабо, применения на практике не находили.

В одном из хозяйств Можайского района даже к декабрю 1950 г. 25% колхозников, по выражению председателя колхоза, «пока живут во временно не приспособленных постройках»¹. В колхозе им. Димитрова Коломенского района из 109 домов 38 требовали серьезного ремонта, а 28 домов вообще были ветхими. Более 16% подмосковных деревень на декабрь 1950 г. ещё не были электрифицированы². На территории Московской области на селе в 1950 г. лишь 33,1% домов были покрыты железом. Соломой было покрыто 21,4% изб³.

Жилищное строительство в сельской местности колхозы, совхозы, МТС вели самостоятельно. В государственных предприятиях помогали специализированные организации Министерства сельского хозяйства СССР

и Министерства совхозов СССР. Но большую долю в строительстве на селе осуществляли в индивидуальном порядке сами сельские жители.

Численность строительных работников в колхозах Уваровского района Московской области составляла не более 10 человек в каждом. Заведующий отделом колхозного строительства Уваровского района свидетельствовал: «По району у нас колхозники взяли кредит около 11 млн. руб., денег на строительство явно не было. В этом же районе не было ни одного колхоза, который не имел бы просроченных ссуд, взятых у государства. Все ссуды накапливались во всех хозяйствах и образовывали большие суммы денег, примерно в 30 тыс. руб. в каждом. При таких обстоятельствах, по словам колхозников, «трудно даже подумать» о строительстве нового жилья»⁴.

На рубеже 50-х гг. в Московской области имелось 60 разрозненных проектных организаций. Все они были мелкими, со слабой производственной базой, не могли разрабатывать комплексные проекты, генеральные планы застройки и т.д.⁵ Стройки страдали от плохой организации работ, а порой вообще планирование как таковое отсутствовало. Распыление сил было повсеместным. Существовала порочная практика начинать небольшими силами сразу несколько строек, а под конец строительства или перед самым завершением «сгонять» со всех строек рабочую силу и механизмы. Жилищное строительство постоянно висело под «дамочловым мечом» штурмовщины. Многие работы выполнялись по нескольку раз из-за неорганизованности,

¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф.П-3. Оп.124. Д.214. Л.49.

² ЦГА г. Москвы. Ф.П-3. Оп.124. Д.211. Л.47.

³ ЦГА г. Москвы. Ф.П-3. Оп.124. Д.212. Л.57.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф.П-3. Оп. 138. Д. 215. Л. 53.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. П-3. Оп. 140. Д. 79. Л. 117.

некомплексного снабжения. Не хватало специальных машин для транспортировки стройматериалов и деталей.

Дефицит стройматериалов, низкие заработки рождали целые армии «несунов». Стройматериалы постоянно расхищались. В хищениях участвовали и материально-ответственные лица, и руководители. Контроль за проведением работ со стороны заказчиков был малоэффективным. Органы госархстройконтроля были немногочисленны и не влиятельны. Исполкомы местных Советов не могли со своей стороны установить полный контроль за ходом и качеством строительных работ. На стабильность выполнения плана жилищного строительства влияло снабжение строек материалами. Материально-техническое снабжение было большим местом строительства. Очевидной была несогласованность работ промышленности стройматериалов и стройиндустрии. Графики строительства были слабо увязаны с работой кирпичных, цементных заводов, предприятий по выпуску железобетона и др.

Не стимулировали строителей на хорошую и качественную работу и невысокие заработки в этой отрасли. Формы оплаты труда были несовершенными. Там, где применялись аккордно-премиальная и сдельные формы, трудно было реализовать свою эффективность из-за общего неудовлетворительного состояния дел на строительных площадках. Очень частыми, по различным причинам, не зависящим от простых работников, были простои. Бригада Твердого из Подольского УНР-174 в месяц зарабатывала 180–200 руб. За 12 апреля 1950 г. их заработок составил по 2 руб. 78 коп. на каждого. По выражению ма-

стера участка над ними необходимо «стоять с палкой», чтобы они хоть что-то делали¹. Все это приводило к большой текучести кадров на стройках. Рабочие не приобретали на рабочих местах специальностей. Видя такое отношение, низкие заработки, рабочие и специалисты легко оставляли рабочие места и переходили на другую работу. Нехватка рабочих рук в жилищном строительстве была одной из основных причин невыполнения планов в Московской области. Высокими были показатели нарушений трудовой дисциплины. На армопенобетонном заводе в Ухтомском районе из 112 рабочих в 1950 г. за нарушения дисциплины (прогулы, выход на работу в нетрезвом состоянии, самовольное оставление рабочего места и т.п.) было уволено 44 человека². Рекрутируемые на стройку рабочие являлись временными рабочими, не обладали должной квалификацией. Ремесленные училища не могли в полной мере обеспечить стройки молодыми специалистами, а если они имелись, то их труд использовался нерационально, как правило, на подсобных работах.

В большинстве городов и районов Подмосковья строительство осуществлялось по ведомственному признаку. Многочисленность строительных организаций, занимающихся возведением жилья, приводила неизбежно к распылению и без того небольших средств и сил. В 1950 г. в Московской области строительством жилых домов занималось 300 подрядных организаций. Из них 90 организаций имели объем, не превышающий двух миллионов рублей. На предприятиях имелось

¹ ЦГА г. Москвы. Ф.П-142. Оп.20. Д.6. Л.105.

² ЦГА г. Москвы. Ф.П-152. Оп.11. Д.111. Л.49.

400 мелких отделов и управлений капитального строительства¹.

В Серпухове строительством жилья занимались 20 строительных организаций, в каждой из которых работало в среднем по 18–20 человек рабочих². В Орехово-Зуеве годовой план строительных работ едва достигал 15 млн. руб., строительством домов занималось 18 организаций. На каждого застройщика приходилось в год примерно по 530 кв. м жилой площади. Это был один этаж среднего по величине дома. Различные организации, управления, тресты являлись по существу карликовыми строительными организациями. Им часто недоставало средств, материалов, рабочей силы, механизмов. Даже наиболее сильное предприятие

в городе, СМУ Ореховского хлопчатобумажного комбината, приостановило строительство 60-квартирного дома – общежития для рабочих. А деревообрабатывающий завод смог заложить лишь один фундамент жилого дома, не получив новых средств от вышестоящей организации³.

Жизнь заставляла создать новую территориальную, специализирующуюся на жилищном строительстве, организацию. Необходимо было строить новые заводы по производству кирпича, кровельных материалов, железобетона. Строительство домов в колхозах Московской области нуждалось в коренном улучшении.

Статья поступила в редакцию 14.11.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – D. in Historical sciences, professor at the Department of humanities and natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Проблемы жилищного строительства в колхозах Московской области в послевоенное время // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 103–106.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-103-106

FOR CITATION

Gorlov V. Problems of housing construction in the collective farms of the Moscow region in the postwar period. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 103–106.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-103-106

¹ ЦГА г. Москвы. Ф.П-3. Оп.124. Д.177. Л.19.

² ЦГА г. Москвы. Ф.П-149. Оп.18. Д.4. Л.15.

³ ЦГА г. Москвы. Ф.П-135. Оп.11. Д.5. Л.17-18.

УДК 94(470+571)''1996''; 94(470.661)''1996''

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-107-114

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПЕРЕД ПОДПИСАНИЕМ «ХАСАВЮРТОВСКИХ СОГЛАШЕНИЙ»

Шайхаев Т. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является краткая реконструкция военной ситуации в Чечне, а также политической обстановки внутри России, которая оказала серьезное влияние на исход военной кампании в Чеченской Республике после выборов президента в 1996 г. Автором проанализированы корпус текстов и публикаций на базе воспоминаний генералов А. Куликова, Г. Трошева, К. Пуликовского, В. Шаманова, а также репортажей российской прессы июля-августа 1996 г. По итогам исследования автором сделан вывод о том, что заключение мирных соглашений и последующий вывод федеральных войск был вызван политической необходимостью после переизбрания на пост президента Б. Н. Ельцина. Подписание соглашений также внесло раскол в российском обществе и активную критику со стороны военного руководства России, которое настаивало на проведении широкомасштабной операции по уничтожению сил боевиков. Статья адресована для преподавания курса современной истории России.

Ключевые слова: Чеченская Республика, федеральные войска, эскалация, сепаратизм, город Грозный.

MILITARY-POLITICAL DEVELOPMENTS ON THE TERRITORY OF THE CHECHEN REPUBLIC PRIOR TO THE SIGNING OF THE “KHASAVYURT AGREEMENTS”

T. Shaykhaev

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to briefly reconstruct the military situation in Chechnya, as well as the political situation in Russia, which had an important impact on the outcome of the military campaign in the Chechen Republic after the presidential elections in 1996. I analyzed texts and publications based on the memoirs of generals A. Kulikov, G. Troshev, K. Pulikovsky, V. Shamanov, as well as on the reports of the Russian mass media from July-August 1996. The results show that the conclusion of peace agreements and the subsequent withdrawal of federal troops were politically determined by the re-election of the President Boris N. Yeltsin. Moreover, the signing of the agreements divided Russian society and led to sharp criticism on the part of the Russian

military leaders. The defence authorities insisted on a large-scale operation to destroy militant forces. The article is intended for specialists teaching the course "Modern History of Russia".

Keywords: Chechen Republic, Federal troops, escalation, separatism, city Grozny.

К августу 1996 г. стало очевидным, что «операция по наведению конституционного порядка на территории Чеченской Республики» обрела черты затяжного характера и военно-политического тупика. Если оценивать военную обстановку в республике, то сложилась она следующим образом: федеральные войска занимали всю равнинную часть Чечни, а также укрепились во многих горных районах и населенных пунктах. Однако это не гарантировало, что территория полностью контролировалась федеральными силами. Лидеры сепаратистов перешли к тактике партизанской войны и осуществляли нападения на военные колонны, комендатуры и посты.

С начала боевых действий (декабря 1994 г.) войска с боями продвинулись в глубь Чечни с применением авиации и тяжелой артиллерии, что влекло за собой огромные разрушения и жертвы среди мирного населения. Полный «контроль» над городом Грозный удалось установить лишь в начале марта 1995 г. Масштаб разрушений города был катастрофическим, что доказывало ожесточенный характер боев. В российском обществе война не пользовалась широкой поддержкой населения, но не было и массовых протестов против ее продолжения. Быстрой и победоносной войны не получалось, к тому же шло стремительное ухудшение экономической ситуации в России. Все это нанесло урон и без того низкому на тот момент рейтингу Б. Н. Ельцина. Накануне предстоящих выборов президента страны будущее

политической карьеры действующего президента вызывало тревожные опасения у его окружения. Понимание всей сложности ситуации внутри страны и большие потери в Чеченском конфликте, а также предстоящие выборы, подталкивают руководство страны к решению чеченского вопроса.

После завершения активной фазы боевых действий на равнинной части было принято решение сформировать органы местной власти в Чечне из лояльных Москве представителей. Были проведены местные выборы главы администрации, на которых победу, как и предполагалось, одерживает Дока Завгаев, который руководил республикой до прихода к власти Джохара Дудаева. Но никакой реальной властью и влиянием в республике Дока Гапурович Завгаев уже не обладал. В апреле 1996 г. ракетным ударом с воздуха во время разговора через спутниковый телефон был ликвидирован лидер сепаратистов Джохар Дудаев, но коренного перелома в характере боевых действий не наступило.

После ликвидации Дудаева в стане сепаратистов его место занял Зелимхан Яндарбиев, который был одним из главных идеологов (после Мовлади Удугова) независимой Чечни. Это была не самая удобная фигура в качестве переговоров с Москвой. Активное сопротивление российским войскам оказывали другие многочисленные полковые командиры, которые действовали преимущественно в лесисто-горной местности или в своих родовых селлах. В республике были сосредоточены

большие силы российских военных, крупная база располагалась в пригороде Грозного Ханкале и возле аэропорта «Северный». Различные рода войск были дислоцированы в крупных населенных пунктах и на стратегических направлениях. Основные подразделения пехоты и тяжелой артиллерии были сосредоточены в горной части республики. Непопулярной стала война также и среди некоторой части солдат и офицеров. Прежде все это было связано с бездумными, а порой и преступными, приказами вышестоящего командования, результатом которых были большие потери среди личного состава и мирных граждан¹.

Сам Б. Н. Ельцин не раз подвергался критике за военные действия в Чечне, в том числе со стороны некоторых западных стран, прежде всего из-за многочисленных жертв среди населения. В период предвыборных поездок по стране Президент публично обещал прекращение военного конфликта на территории Чеченской Республики, но механизма прекращения войны в тот момент разработано не было.

Эскалация конфликта на территории Чечни (а именно в ее южных районах) началась почти сразу после переизбрания на пост президента Бориса Ельцина. Так, в июле 1996 г. в селе Гехи на юго-западе Чечни начались широкомасштабные боевые действия². Село подверглось мощному авиационному удару. В «черный список» федеральных сил попало и соседнее село Мехкеты, где было убито несколько десятков мирных жителей. Причиной удара

стало то, что в селе часто появлялись боевики и люди с оружием³.

Во время боевых действий в Чечне, когда федеральные силы блокировали или окружали населенный пункт, с ними на контакт выходили старейшины села или глава сельской администрации. Целью таких переговоров было предложить командованию федеральных сил без применения оружия, совместно проверить каждый дом, чтобы последние убедились, что боевиков в селе нет. Как правило, такие контакты были выгодны обеим сторонам, но, к сожалению, эта практика применялась не везде.

Массовые жертвы среди мирного населения в результате боевых действий только пополняли ряды боевиков. Лидеры сепаратистов выходили в эфир местного телевидения и призывали молодых людей, а также всех, кто в состоянии держать в руках оружие, вступать в их ряды. Сторонники продолжения войны были как с одной, так и с другой стороны конфликта, но жертвами происходящего хаоса становились мирные граждане, молодые, плохо обученные солдаты срочной службы, которые по приказу командования были направлены в самый эпицентр боевых действий. Немало было приложено усилий в некоторых средствах массовой информации и по созданию образа «врага России», в лице «злых чеченцев». Возникало ощущение, что гражданам России упорно навязывали мысль о том, что Чечня – это далекая, «чужая» республика.

В соответствии с Указом президента от 11 декабря 1994 г. № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопо-

¹ Гритчин Н. Разутая, раздетая, обманутая // Известия. 1996. 17 авг.

² Литовкин В. Президента избрали. И снова война в Чечне // Известия. 1996. 10 июля

³ Бальбуров Д. Это вам за Будённовск // Московские новости. 1996. 21 июль

рядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики» войска как раз и были направлены на защиту граждан от бандитского произвола. Но боевые действия показали совсем иной подход, который напоминал тактику Павла Грачева – «отвечать на один выстрел тысячью своих». Подобная практика «ястребов войны» играли на руку тем силам, которые были заинтересованы в продолжения конфликта, не считаясь ни с какими потерями.

Тем временем в штабе сепаратистов под руководством бывшего советского полковника Аслана Масхадова был разработан план военной операции под кодовым названием «Джихад». Целью операции было внезапное нападение на города Грозный, Аргун, Гудермес и блокирование стратегически важных объектов. По замыслу командования лидеров сепаратистов, одновременное нападение на крупные города должно было продемонстрировать прежде всего политическому руководству России, что война не окончена и у боевиков есть силы для ее продолжения. С середины июля оперативные службы военной разведки, ФСБ стали докладывать о готовящейся акции боевиков в Грозном, а также сами боевики распространяли информацию об этом и даже указывали точную дату. Они выходили на связь по рации с российскими военнослужащими и с отрядами чеченской милиции с предложением не оказывать им сопротивление. В марте 1996 г. отряды боевиков уже предпринимали попытку захвата города, но после двух дней боевых действий покинули его.

Гарнизон Грозного в августе 1996 г. состоял из 6000 человек. В это число вошли бойцы внутренних войск и МВД. Около 10 000 военнослужащих Мин-

обороны были сосредоточены в Ханкале и в районе аэропорта «Северный». В Грозном насчитывалось 22 КПП, 5 комендатур и 2 комендантских участка. Все КПП были снабжены боеприпасами, водой и продовольствием. В опорные пункты были превращены многие объекты, которые могли представлять интерес для штурмующих. Однако Грозный – это крупный город, в который стекается более 100 дорог. Под контролем федеральных сил были лишь 33 из них. Общая численность подразделений боевиков, вошедших в чеченскую столицу, по словам Масхадова, составляла всего 850 боевиков. Другие источники говорят о 1,5–2 тысячах бойцов¹.

6 августа в 5:00 утра Грозный был атакован с разных сторон. В первую очередь нападению подверглись здания МВД, ФСБ, Дом правительства и другие опорные пункты, где дислоцировались военные федеральных сил.

Как выяснится позже, отряды боевиков не ставили главной своей целью захват или уничтожение всех городских объектов. Войдя в Грозный, они блокировали российские подразделения внутренних войск на блокпостах и в комендатурах, изолировав их друг от друга и деморализуя постоянным «беспокоящим» огнём. Примечательно, что на железнодорожном вокзале им удалось, как бы случайно, найти и растащить целый вагон противотанковых гранатомётов, которые они потом применили против бронетехники федеральных сил².

¹ «Русская семерка». Штурм Грозного в августе 1996 года: черный месяц российской армии. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian7.ru/post/shturm-groznogo-v-avguste-1996-goda-chernyyu> (дата обращения: 07.11.2018).

² Интернет-газета «Ридус». Август 1996 года: в Грозном идут бои, а в Москве – инаугурация.

Скопление боевиков в городе началось задолго до августа, часть из них проникала в город под видом мирного населения или беженцев. Операция была хорошо спланирована, а также сработал эффект внезапности, который застал врасплох многих военных. Почему А. Масхадов решился на такой шаг? Он понимал, что, стянув все силы, может оказаться в окружении (так впоследствии и произошло). С военной точки зрения – авантюра, а вот с политической точки зрения – верный козырь, учитывая затяжной характер боевых действий. Главным политическим фактором явилось то, что на 9 августа была назначена инаугурация президента России Б. Н. Ельцина [3, с. 118].

После неудачного новогоднего штурма 31 декабря 1994 г., нападение на Грозный в августе 1996 г. стало одной из черных страниц современной российской истории, потери за первые дни боев были очень существенными, несмотря на численное преимущество федеральных сил. Сказалась также и несогласованность в действиях внутренних войск и министерства обороны. Лишь на вторые сутки к обороняющимся было решено направить подкрепление, но и они не смогли дойти до центра города, так как были атакованы и блокированы.

Тем не менее к 13 августа ситуация начала меняться: федеральным войскам удалось в течение недели после начала боев блокировать Грозный. Тем самым город был окружен тяжелой артиллерией. Исполняющий обязанности командующего объединенной группировкой войск генерал Констан-

тин Пуликовкий предъявил боевикам ультиматум. Он обратился к мирным жителям с предложением покинуть город в течение 48 часов через специальный «коридор», после чего по Грозному будет нанесен мощный удар с помощью артиллерий и авиации. Это заявление вызвало панику среди мирного населения и большой общественный резонанс не только в России, но и за рубежом. Переговоры, которые были проведены К. Пуликовским и А. Масхадовым, ни к чему не привели. Расчет был в том, чтобы нанести удар по скоплению боевиков и уничтожить большую часть, но жертвы могли быть не только среди мирных жителей, но и федеральных войск, которые оставались в окружении. Это обстоятельство также нельзя было сбрасывать со счетов.

У боевиков не было никаких сомнений в том, что генерал К. Пуликовский выполнит свое обещание, но тем не менее город они не покинули. В этот момент фактически решалась судьба всей Чеченской кампании и дальнейший ход войны. В Грозненских боях участвовали все главные полевые командиры: Ш. Басаев, Р. Гелаев, А. Масхадов и др.

В первые дни боев со стороны руководства России не было никакой значимой реакции на происходящее в Чечне. Но затем обстановка в Грозном потребовала вмешательства российского правительства. 12 августа в Чечню впервые вылетел секретарь Совета безопасности А.И. Лебедь, наделенный самыми широкими полномочиями представителя Президента РФ в Чеченской Республике [2, с. 112]. Для остановки войны срочно были необходимы радикальные действия – либо

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/news/102375> (дата обращения: 12.12.2018).

вывод российских войск, либо полный разгром боевиков¹.

Знаковым сигналом для командования объединений группировки войск в Ханкале стал тот факт, что А. И. Лебедь поехал на встречу с Масхадовым без предварительных консультаций с ними. За короткий период, в течение нескольких дней он провел две встречи с А. Масхадовым. Речь шла о полном прекращении боевых действий, обмене пленными и ранеными, а также о разработке комплекса мер по совместным действиям в урегулировании конфликта.

За свой миротворческий план А. И. Лебедь подвергся резкой критике со стороны командования объединённой группировки войск в Чечне, которое было категорически не согласно с его оценкой ситуации и действиями. Генералы Г. Трошев, К. Пуликовский, министр внутренних дел А. Куликов предлагали нанести удар по окруженному городу. Со своей стороны, А. Лебедь раскритиковал действия командования и доложил президенту и общественности, что захват Грозного и других городов стал следствием того, что командование группировки войск в Чечне не справилось с поставленной задачей. Он заявил также о деморализации армии, которая «не способна вести эффективные боевые действия». В свою очередь, К. Пуликовский считал, что «на классической войсковой операции, о которой только мог мечтать любой генерал, был поставлен крест» [1, с. 253].

Хасавюртовские соглашения 31 августа 1996 г. были подписаны начальником штаба сепаратистов Мас-

¹ Бальбуров Д. Воскрешение победы или краха? // Московские новости. 1996. 28 июля.

хадовым и секретарем Совбеза РФ генералом Лебедем. Пункты, определяющие взаимоотношения между Грозным и Москвой, сводились к нижеизложенному.

1. Соглашение об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, определяемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 г.

2. Не позднее 1 октября 1996 г. формируется Объединенная комиссия из представителей органов государственной власти Российской Федерации и Чеченской Республики, задачами которой являются: осуществление контроля за исполнением Указа Президента Российской Федерации от 25 июня 1996 г. № 985 и подготовка предложений по завершению вывода войск.

Мирный исход в таком ключе расколол российское общество на два лагеря: на тех, кто был за продолжение боевых действий до полного уничтожения боевиков, и тех, кто поддерживал прекращение боевых действий и вывод войск. Поучаствовав в достаточно непродолжительное время в большой геополитической партии, А. Лебедь уже в октябре 1996 г. был уволен с поста Секретаря Совета безопасности России².

Подводя итоги Первой Чеченской кампании, следует отметить, что цели и задачи, которые были поставлены высшим политическим руководством страны по восстановлению консти-

² См.: Володин А. Хасавюртовская гильотина для России, 9 окт. 2012 г. // Военное обозрение [сайт]. – URL: <https://topwar.ru/19744-hasavyurtovskaya-gilotina-dlya-rossii.html> (дата обращения: 12.12.2018).

туционного порядка, не были достигнуты. Решение о заключении мирных соглашений было продиктовано политическими соображениями руководства России и военной ситуацией, которая сложилась в самом Грозном и его окрестностях на момент подписания соглашений. Чеченская сторона также не достигла своих политических целей, руководство России отложило вопрос о статусе Чечни, несмотря на то, что лидеры сепаратистов активно настаивали на признании независи-

мости Чечни с дальнейшим юридическим оформлением этого статуса при участии международных наблюдателей. Но де-факто российские институты власти на территории республики не действовали. Прекращение боевых действий и вывод российских войск не привел на тот момент к стабилизации ситуации внутри Чечни. Противоборство полевых командиров за сферы влияния только обострилось.

Статья поступила в редакцию 24.01.2019

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Пуликовский К. Б. Украденное возмездие: исторический очерк от первого лица о первой Чеченской войне и цене предательства. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 288 с.
2. Рунов В. А. Испытание Чеченской войной. М.: Вече, 2016. 358 с.
3. Трошев Г. Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вече, 2017. 352 с.

SOURCES AND REFERENCES

1. Pulikovskiy K. B. *Ukradennoye vozmezdiye: istoricheskiy ocherk ot pervogo litsa o pervoy Chechenskoy voyne i tsene predatel'stva* [The Stolen Retribution: A Historical Essay from the First Person about the First Chechen War and the Price of Betrayal]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2010. 288 p.
2. Runov V. A. *Ispytaniye Chechenskoy voynoy* [Testing the Chechen war]. Moscow, Veche Publ., 2016. 358 p.
3. Troshev G. N. *Moya vojna. Chechenskiy dnevnik okopnogo generala* [My war. Chechen diary of a trench general]. Moscow, Veche Publ., 2017. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шайхаев Тимур Исмаилович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: inter007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timur I. Shaykhaev – Postgraduate Student, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;
e-mail: inter007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шайхаев Т. И. Военно-политические события на территории Чеченской республики перед подписанием «Хасавюртовских соглашений» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-107-114

FOR CITATION

Shaykhaev T. Military-political developments on the territory of the Chechen Republic prior to the signing of the “Khasavyurt agreements”. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-107-114

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.57

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-115-123

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС: СРАВНЕНИЕ ОНЛАЙН-МАТЕРИАЛА ДЖИХАДИСТОВ И БЕЛЫХ СУПРЕМАСИСТОВ

Гонсалес С. Х. И.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9,

Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – сравнение интернет-ресурсов белого супремасистского и джихадистского происхождения для понимания их сходства. Методология включает контент-анализ материалов из онлайн-журналов, созданных группами белых супремасистов и джихадистов, а также видео из социальных сетей. Университет Осло предоставил доступ к своему хранилищу документов джихадистов для этого анализа. Риторика и повествование, выявленные в проанализированных материалах, демонстрируют сходство в дискурсе, целях и методах между джихадизмом и белым супремасизмом. Автор предлагает ввести более строгий запрет или контроль над интернет-ресурсами белых супремасистов, подобный введенному над джихадистскими. Статья адресована политологам, проводящим исследования политического и религиозного экстремизма.

Ключевые слова: белый супремасизм, джихадизм, американский неонацизм, экстремизм, этнонационализм.

EXTREMIST DISCOURSE: A COMPARISON BETWEEN JIHADI AND WHITE SUPREMACIST ONLINE MATERIALS

Gonzalez Cedillo J. I.

Saint-Petersburg State University

7–9 Universitetskaya nab., Saint-Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract. The aim of this work is to compare white supremacist and Jihadi online materials to understand their similarities. The methodology used was content analysis of online journal materials created by white supremacist and jihadi groups, as well as videos retrieved from various social networks. Jihadi materials were provided by the University of Oslo through access to their Jihadi repository. The rhetoric and narrative identified in the analysed materials demonstrate similarities between Jihadism and white supremacism in terms of their discourse, aims and

methods. A stricter ban or control over white supremacist online materials, similar to that over Jihadi materials, is proposed. This work is addressed to political scientists conducting research on political and religious extremism.

Keywords: White supremacy, Jihadism, American neo-Nazism, extremism, ethno-nationalism.

Donald Trump's victory as president of the United States in 2016 represented the beginning of a winning spree for far-right politics that revived identitarian and white supremacist discourse in the West. His victory persuaded European politicians that without the legal and societal limitations on freedom of speech that characterise American society, Trump was free to express himself in ways they had only ever dreamt of.

White supremacy as a strong political movement is a recent phenomenon, and so many aspects have not been deeply studied especially from a critical perspective to the permissiveness of white supremacist material online and its similarity to Islamist extremist resources. This work proposes the hypothesis that Jihadi and white supremacist materials use a similar distortion and exaggeration of reality as rhetoric to sow distrust among multi-ethnic and multi-religious societies, which influences only those who lack the knowledge on the topic addressed. This work tries to answer the question: what are the similarities between Jihadi and white supremacist materials online?

The Southern Poverty Law Center describes white supremacy as "the ideology espoused by white supremacist groups that consider non-whites (non-Europeans) to be inferior" [17]. This supremacy is based on eugenics, a pseudo-scientific movement of the 19th century, that promoted the idea of improving the human race through the controlled breeding and inheritance of intelligence that supposedly prevails among the upper classes, that

were intrinsically linked to Europeans [5]. Eugenics is not new to American society, as it was brought by Nazi pseudo-scientists that migrated to the US in the 1930's. It has prevailed because of the stress Americans place on racial identity, strong religiosity and the lack of education in some sectors to confront this pseudo-science [11, p. 742].

Previous work on the study of white supremacy online has been done by M. Wong, R. Frank and R. Allsup who with the use of a crawler conducted an analysis of white supremacist activities in forums where members spread propaganda, share ideas and recruit new members [18, pp. 42–43]. However, this work differs from previous studies as it focuses only on information from websites that do not allow interaction between visitors and serve only as sources of propaganda. In a similar way, De Smedt, De Pauw and Van Ostaeyen conducted a very comprehensive content analysis of social media accounts that focused on a defined Jihadi hate speech with the use of two AI systems. These systems were able to help identify users on Twitter that spread Jihadi hate speech and identify some characteristics like genre and age through data collection [15, p. 5].

Regarding identity and group formation, R Griffin wrote about the "groupuscular right" as a definition that applies to "centerless, non-hierarchical politico-cultural entities" espousing fascist ideologies [7, p. 7]. His work centers on describing how right wing groups behave as individual cells with no clear leader or or-

ganisation, but rather as “rhizomic structures” expanding through uncivil society [7, p. 10]. However, this approach is not entirely accurate as, unlike in 2003 when this work was published, today American neo-Nazism has some identifiable faces that enjoy being public and gaining platforms, which is not the case with Jihadi groups that can fit well into the definition of groupuscules.

In Russia, E. Lymar, S. Fedorchenko and A. Belyustin conducted research on the politicalization of internet and social media platforms as well as the construction of online identities that may affect offline activity. These researchers conducted a massive study of online activity to identify pro-government, anti-government and radical groups in different countries divided into cultural and geographical clusters. The results show that in some cases, depending on the country and time, internet and social media can be used both to support the authorities as well as to demonstrate dissent or radical ideas [2, p. 107].

S. Volodenkov and S. Fedorchenko also analysed and elaborated on the formation of an online identity through the development of the internet and how this has allowed dominant actors to use digital stigmatisation to gain or maintain power [1, p. 119]. According to their work, the era of post-truth is linked to digital stigmatisation as it is a “postmodernist deviation that is not a lie, a myth or an ordinary fake, but a special quasi-real environment that is comfortable for various pseudo-notions and stereotypes that have long been torn off from authentic images” [1, p. 120]. This is one of the strategies used by both white supremacist and Jihadist propaganda, that although do not present falsified information on their material, do

present it as an “alternative reality” aimed at attracting like-minded followers.

Within Islamism, Wahhabism can be described as a movement in Islam that promotes a conservative approach to religion and is sometimes used to gain political power. Wahhabism emerged in the Arabian Peninsula in the 18th century and though it is a political and religious movement, it does not look for the ethnic or national superiority of a group. Instead, Wahhabism promotes an ideology of religious supremacy that among others, distorts one of the peculiarities of Islam which considers Christians and Jews as “*People of the scriptures*” and worthy of protection and respect [3, p. 50–51]. Within Wahhabism, Jihadis embrace the historical idea of Jihad as a wave of violent, bloody holy war against non-Muslims like in the times of the Prophet, taking this concept completely literally and out of context, which does not correspond to the generally perceived reality.

White supremacists and Jihadists represent two different types of extremism that promote similar ideologies to achieve their goals of domination. These ideologies look to dominate people’s minds so that they can join and go forth to change the systems they live in, which they perceive as wrong or posing an obstacle to achieving the ideal society. White supremacists see the ideal society as one where the native population of European countries or countries with a majority population of European descent (US, Canada, Australia) remain the dominant ethnicity with the right to make decisions about the fate of minorities living in *their* territory. For Jihadis the ideal society includes the revival, establishment and fortification of a caliphate in the Middle East, like what occurred in 2015 with the announcement

of the establishment of the so-called Islamic State of Iraq and the Levante (ISIL) (which is a banned organization in the Russian Federation) [9, p. 7].

To achieve the abovementioned ideals, both groups make use of social media and the internet to spread their ideology and attract followers. Journals like *Inspire* serve as a means to spread Jihadi ideology and as a guide for preparing terrorist attacks. In its early days, militants of ISIL would use Twitter or Facebook to spread videos of decapitations, punishments and combat as well as propaganda about daily life in the Caliphate. After these platforms started banning their content more actively, they moved to other platforms like Telegram.

White supremacism was rebranded as “*alt-right*”, which legitimized it by pairing it with other political movements [13]. Political commentators, analysts and activists such as Jason Kessler, Richard Spencer or David Duke openly identify as white supremacists or in support of white supremacy and secure platforms in universities and the news media in the US. White supremacists also use social media to spread their message, like Facebook, Twitter and YouTube. Though Twitter has been shutting down accounts of white supremacists, a simple search of *alt-right*, *identitarianism* and *white supremacy* on Facebook shows a considerable list of groups. YouTube is still a safe place for white supremacists who use the label “identitarianism” to continue to upload content calling for the domination of *whites* (Europeans) and the expulsion of *non-whites* from *their lands*.

Twitter has also been shutting down and banning some white supremacists and as a response they have moved to Gab, an app similar to Twitter that self de-

scribes as “a social network that champions free speech, individual liberty and the free flow of information online” [6]. Gab is a well-known platform where white supremacists and followers of the far-right share information, racist memes and conspiracy theories.

White supremacists use YouTube freely to spread their ideology. A simple search of the words “alt-right propaganda” on YouTube gives results of personal accounts of individuals praising Nazism, ethnonationalism and white supremacism.

In a video analysed for this work, the author uses part of a speech given by President Putin in 2017 at the 19th World Festival of Youth and Students in Sochi to make it appear as if the president was defending a Christian “white” European identity. The creator used one minute of an hour speech in which president Putin analysed the change in the ethnic and religious composition of the US, and then he cuts the speech right before President Putin said, “We should not divide everything based on ethnicity...but rather look to the future for ways to build a common future and follow this common path” [12].

White supremacists tend to see Russia as the antithesis to Western multiculturalism and some type of defender of Christianity, ignoring facts like the multiethnic and multi-religious composition of the country recognised by the constitution and promoted by the governing party.

The journals analysed for this work are *Inspire* by al-Qaida in Yemen (AQAP) issue 17 of 2017, *Radix* and *Europemaxima*. *Inspire* was first published by AQAP in 2010 and is similar to printed commercial journals, it is composed of pseudo analytical articles on Jihad and instructions on how to carry out operations against civilians. This journal “provides theological

justifications for al-Qaida's struggle and promotes a so-called individual jihad in the West, it includes reports of proclaimed victories on the battlefield, interviews with AQAP members and biographies of dead fighters, it also contains texts written by leaders like Anwar al-Awlaki and Osama bin Laden, as well as instructions on how to carry out terror attacks" [8].

Most articles have a simple, repetitive and unprofessional style as well as narrative. The rhetoric in *Inspire* follows a literal interpretation of Quranic texts by selecting those that coincide with their political agenda.

One of the central articles of the analyzed issue is "*Targeting means of transportation*". The article starts with a historical analysis, from the industrial revolution to the Cold War explaining how means of communication and globalization developed. The author's narrative is a critique of globalisation which he accuses of erasing the identity of the people influenced by it [8, p. 9–10]. The author's style is very socialist, post-colonialist and anti-US. His writing is addressed to men willing to serve as lone mujahideen. The author makes a false accusation against Russia by calling Jihadis to make Russia a target as the government has "interfered in matters concerning Islam" when in fact, Russian Muslims are free to practice their religion without restrictions in the country and it is those Muslims themselves who accuse the actions of Jihadis [8, p. 15–16].

In the article "*Rulings on Lone Jihad*" many historic and Quranic references are taken out of context, misleading or false to coincide with the interest of the author, an example of this is when he refers to *ahl al-dimmah* as disbelievers, but who are actually Jews and Christians by historical references [8, p. 24].

In white supremacist material, the author of the article "*The leaders of the European Union are nothing but dictators*" published on Europemaxima, makes several misleading statements. The author considers Europeans are victims and who were not asked their opinion about receiving immigrants from Africa and the Middle East, who he calls invaders [14]. His perspective illustrates his ignorance of the fact that many of the economic and social problems in immigrants' countries of origin are the result of centuries of European colonialism.

This article uses the map of Europe which includes the Russian Federation, as well as territories where Slavs are not the dominant or native ethnic group. This could give the idea that Western white supremacists would support the domination or extermination of non-Slavs if their ideology is ever successful in Russia.

In the article "*Identity before sovereignty*" the author addresses the preference of losing sovereignty before identity, as he argues once identity is lost, it is forever gone, and it is the job of the "*new right*" to defend it [10]. This author sees three threats to the French and European identity: immigration, Islam and Americanism. The author considers immigration as sponsored by a system that promotes ethnic mixing of the population, Islam contradicts European values and American culture destroys the French. The author worries about the results of this change for the year 2100 when, according to his projections only 10% of world population will be European while the Chinese and Indian military power will have strengthened. This shows the problem is not about losing their Europeanness but losing the power and dominance over other nations which Europeans traditionally controlled.

One of the most outspoken representative faces of modern American white supremacy is Richard Spencer, publisher and founder of RadixJournal, founder and director of the website *alternativeright.com* and president and director of the National Policy Institute (NPI). In a video on *altright.com*, Spencer explains what the NPI is, using abstract descriptions of identity and making a connection between it and non-abstract objects like land, people and community while using the term “white” to refer to Europeans or people of European descent.

In the article “*Stop watching football*” Spencer tries to deconstruct the sense of belonging of African Americans and humiliate them by saying the US is a foreign land to them, while sidestepping the fact that European Americans or “whites” are as foreign as Africans to the American continent [16]. In the attempt to reach out to the masses of uneducated men and women, Spencer uses an infantile and simple rhetoric which is similar to the one used by Jihadis that addresses men and rewards them for their fighting and sacrifice for a greater “good”. Spencer’s writing presents another core value of white supremacy besides race, similar to those of the Jihadi narrative, which is an ultra-masculinity that objectifies and inferiorises women and values the show of physical strength and stamina, supporting the proposition that extremism is more of a gender issue.

Conclusions

Since the extremist is defined by local traditions and perceptions, the extremist is defined based on the interest of the one who defines them. The cultural and societal accepted reality, as well as the socially

constructed freedom of speech also have an effect on this definition. The lack of a legal framework that delimits what is or should be socially accepted as freedom of speech benefits the growth and emergence of extremist ideologies and groups, like in the US system where offensive speech could be protected speech.

Jihadis and white supremacists manipulate information as they please, and those who have no knowledge of their own religion (Islam) or history (European colonization of the American continent or historiography of Europe) fall easy prey to this extremism. Surprisingly, though white supremacists are convinced they are fighting the Islamization of their societies by uniting under a perceived so-called white identity, they are doing exactly what they accuse Jihadis of by using the same tools and following the same techniques of indoctrination. Though most of the time, white supremacist discourse does not explicitly call for the elimination of “non-whites” as Jihadis do with non-believers, it suggests non-Europeans, immigrants, Muslims and Jews are their enemy. Since 2017 with the onset of Trump’s administration, the US has seen an increase in murders that could be well identified as terrorist acts committed by white supremacists [4].

Recognising that white supremacy and Jihadism are similar ideologies might not solve the problem the former represents, as it is rooted in ignorance and the lax protections to freedom of speech in some societies. All the same, raising this topic for discussion will bring attention to the fact that white supremacy is as dangerous and lethal for those it targets as Jihadism has been for Western societies.

Статья поступила в редакцию 25.02.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117–123.
2. Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Белюстин А. А., Федорченко Л. В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 84–110. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23664/view> (дата обращения: 04.03.2019).
3. Санаи М. Мусульманское право и политика: учебное пособие. М.: Садра, 2014. 96 с.
4. ADL Report: White Supremacist Murders More Than Doubled in 2017 [электронный ресурс] // Anti-Defamation League [сайт]. URL: <https://www.adl.org/news/press-releases/adl-report-white-supremacist-murders-more-than-doubled-in-2017> (дата обращения 18.12.2018).
5. DNA and Eugenics in Nazi Germany [электронный ресурс] // The Holocaust Museum [сайт]. URL: <https://www.holocaustmuseumsf.org/wp-content/uploads/2012/12/Voxcar-Activities-for-Science.pdf> (дата обращения 01.12.2018).
6. Gab [сайт]. URL: <https://gab.ai/> (дата обращения 15.12.2018).
7. Griffin Roger. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice. 2003. № 37. Vol. 1. P. 27–50.
8. Inspire [электронный ресурс] // Universitetet i Oslo [сайт]. URL: <https://www.hf.uio.no/ikos/english/research/jihadi-document-repository/journals/english/inspire/index.html> (дата обращения 01.12.2018).
9. Khilafah Declared. Dabiq [электронный ресурс] // Universitetet I Oslo [сайт]. URL: <https://www.hf.uio.no/ikos/english/research/jihadi-document-repository/journals/english/dabiq/index.html> (дата обращения 01.12.2018).
10. Ligne Droite. L'identit  avant la souverainet  [электронный ресурс] // Europemaxima [сайт]. URL: <http://www.europemaxima.com/lidentite-avant-la-souverainete-par-ligne-droite/> (дата обращения 17.12.2018).
11. Lombardo P. The American Breed [электронный ресурс] // Albany Law Review. 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/11371656_The_American_Breed_Nazi_eugenics_and_the_origins_of_the_Pioneer_Fund (дата обращения 28.11.2018).
12. Meeting with participants of 19th World Festival of Youth and Students [электронный ресурс] // President of Russia. Kremlin [сайт]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55842> (дата обращения 13.12.2018).
13. Millard D. We Asked a White Supremacist What He Thinks of Donald Trump [электронный ресурс] // Vice [сайт]. URL: https://www.vice.com/en_us/article/bnp33d/we-asked-a-white-supremacist-what-he-thought-of-donald-trump-1210 (дата обращения 15.12.2018).
14. Plouvier B. Les dirigeants de l'Europe Unie ne sont que des dictateurs [электронный ресурс] // Europemaxima [сайт]. URL: <http://www.europemaxima.com/les-dirigeants-de-leurope-unie-ne-sont-que-des-dictateurs-par-bernard-plouvier/> (дата обращения 12.12.2018).
15. Smedt T. de, Pauw G. de, Ostaeyen P. van. Automatic Detection of Online Jihadist Hate Speech // CLiPS Technical Report Series. CTRS-007. 2018. February. P. 1–31.
16. Spencer R. Stop Watching Football [электронный ресурс] // RadixJournal [сайт]. URL: <https://radixjournal.com/2018/02/stop-watching-football/> (дата обращения 28.11.2018).
17. White Nationalists [электронный ресурс] // Southern Poverty Law Center [сайт]. URL: <https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/white-nationalist> (дата обращения 28.11.2018).
18. Wong M. A., Frank R., Allsup R. The supremacy of online white supremacists – an analysis of online discussions by white supremacists // Information & Communications Technology Law. 2015. № 24 (1). P. 1–33.

REFERENCES

1. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. [Digital Stigmata as a Tool for Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of the Modern State and Society]. In: *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 11, pp. 117–123.
2. Lyumar' Ye. M., Fedorchenko S. N., Belyustin A. A., Fedorchenko L. V. [Final chord: III wave of studies on the politicization of social networks on the Internet]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Politic Research], 2018, vol. 2, no. 3, pp. 84–110. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23664/view> (accessed: 04.03.2019).
3. Sanaie M. *Musul'manskoye pravo i politika* [Islamic law and politics]. Moscow, Sadra Publ., 2014. 96 p.
4. ADL Report: White Supremacist Murders More Than Doubled in 2017. In: *Anti-Defamation League*. Available at: <https://www.adl.org/news/press-releases/adl-report-white-supremacist-murders-more-than-doubled-in-2017> (accessed: 04.03.2019).
5. DNA and Eugenics in Nazi Germany. In: *The Holocaust Museum*. Available at: <https://www.holocaustmuseumswfl.org/wp-content/uploads/2012/12/Boxcar-Activities-for-Science.pdf> (accessed: 04.03.2019).
6. Gab. Available at: <https://gab.ai/> (accessed: 04.03.2019).
7. Griffin R. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right. In: *Patterns of Prejudice*, 2003, vol. 1, no. 37, pp. 27–50.
8. Inspire. In: *Universitetet i Oslo*. Available at: <https://www.hf.uio.no/ikos/english/research/jihadi-document-repository/journals/english/inspire/index.html> (accessed: 04.03.2019).
9. Khilafah Declared. Dabiq. In: *Universitetet i Oslo*. Available at: <https://www.hf.uio.no/ikos/english/research/jihadi-document-repository/journals/english/dabiq/index.html> (accessed: 04.03.2019).
10. Ligne Droite. L'identité avant la souveraineté. In: *Europemaxima*. Available at: <http://www.europemaxima.com/lidentite-avant-la-souverainete-par-ligne-droite/> (accessed: 04.03.2019).
11. Lombardo P. The American Breed. In: *Albany Law Review*, 2002. Available at: https://www.researchgate.net/publication/11371656_The_American_Breed_Nazi_eugenics_and_the_origins_of_the_Pioneer_Fund (accessed: 04.03.2019).
12. Meeting with participants of 19th World Festival of Youth and Students. In: *Official Internet Resources of the President of Russia*. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55842> (accessed: 04.03.2019).
13. Millard D. We Asked a White Supremacist What He Thinks of Donald Trump. In: *Vice*. Available at: https://www.vice.com/en_us/article/bnp33d/we-asked-a-white-supremacist-what-he-thought-of-donald-trump-1210 (accessed: 04.03.2019).
14. Plouvier B. Les dirigeants de l'Europe Unie ne sont que des dictateurs. In: *Europemaxima*. Available at: <http://www.europemaxima.com/les-dirigeants-de-leurope-unie-ne-sont-que-des-dictateurs-par-bernard-plouvier/> (accessed: 04.03.2019).
15. Smedt T. de, Pauw G. de, Ostaeyen P. van. Automatic Detection of Online Jihadist Hate Speech. In: *CLiPS Technical Report Series*, CTRS-007, 2018, February, pp. 1–31.
16. Spencer R. Stop Watching Football. In: *RadixJournal*. Available at: <https://radixjournal.com/2018/02/stop-watching-football/> (accessed: 04.03.2019).
17. White Nationalists. In: *Southern Poverty Law Center*. Available at: <https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/white-nationalist> (accessed: 04.03.2019).
18. Wong M. A., Frank R., Allsup R. The supremacy of online white supremacists – an analysis of online discussions by white supremacists. In: *Information & Communications Technology Law*, 2015, no. 24 (1), pp. 1–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гонсалес Седилло Хоел Иван – аспирант кафедры международных отношений и мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: ivangzz.ced@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Cedillo Joel Ivan Gonzalez – Postpostgraduate Student, Department of International Relations and World Politics, Saint-Petersburg State University;
e-mail: ivangzz.ced@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гонсалес С. Х. И. Экстремистский дискурс: сравнение онлайн-материала джихадистов и белых супремасистов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 115–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-115-123

FOR CITATION

Gonzalez Cedillo J. I. Extremist discourse: a comparison between jihadi and white supremacist online materials. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 115–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-115-123

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-124-135

«МОРСКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Никулин М. А.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10/2, Российская Федерация

Аннотация. «Морская сила» означает возможность государства эффективно использовать морское пространство как для военных, так и для гражданских целей. Целью данной статьи автор ставит рассмотрение эволюции понятия «морской силы» в рамках мировой геополитической мысли. Это особенно важно сегодня, так как современное морское пространство является одной из традиционных сфер столкновения интересов различных государств, что зачастую приводит к вооруженным конфликтам и внешнеполитическим кризисам. Используя хронологический и сравнительный методы, автор прослеживает развитие данного понятия на протяжении XIX–XXI вв. и приходит к выводу, что, несмотря на развитие технологий и международного права, «морская сила» продолжает играть решающую роль в деятельности государства в рамках морского пространства.

Ключевые слова: международные отношения, геополитика, морская сила, Мировой океан, военно-морской флот.

“SEA POWER” IN RUSSIAN AND FOREIGN GEOPOLITICAL THOUGHT

M. Nikulin

Peoples' Friendship University of Russia

10/2, Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russian Federation

Abstract. Sea power is the ability of a state to use its sea space efficiently both for military and civil purposes. This article is aimed at considering the evolution of the concept of “sea power” in global geopolitical thought. This issue is particularly important today, when the maritime space is increasingly becoming an area of clashing intergovernmental interests. This frequently results in various armed conflicts and foreign policy crises. Using chronological and comparative methods, I consider the evolution of this concept throughout the 19th–21st centuries. It is concluded that, despite the development of IT and international law, “sea power” continues to play a crucial role in the activity of a state within the maritime space.

Key words: international relations, geopolitics, sea power, World Ocean, fleet.

С развитием технологий и образованием централизованных государств появилась потребность в теоретическом осмыслении явления «морской силы» (*sea power* – в англоязычной литературе). Первые попытки осуществить это были предприняты на рубеже XVI в., когда появление первых кораблей, способных преодолевать океанские расстояния, и новых навигационных приборов позво-

© СС BY Никулин М. А., 2019.

лило европейским державам вступить в период Великих географических открытий, когда произошло создание фундамента двух крупнейших морских держав Нового времени – Испании и Португалии [16].

Первым автором, который комплексно изучил понятие «морской силы» и предложил свою трактовку, стал офицер ВМФ США Альфред Тайер Мэхэн, который в период 1890–1913 гг. написал около 17 работ, посвященных военно-морской проблематике. Мэхэн начал писать в критический период развития как в военно-морском и технологическом, так и в геополитическом плане – паровые корабли, которые пришли на смену парусным в середине XIX в., стали более надежными и автономными, что расширило возможности их использования на просторах Мирового океана. Он утверждал, что в новых технологических условиях паровые флоты могут работать с той же стратегической динамикой, что и парусные флоты прежнего поколения. Концентрированные флоты этих новых судов были жизненно важными и фундаментальными элементами в способности государств контролировать национальное судоходство [15, р. 123]. Основная задача этих флотов состояла в том, чтобы искать и уничтожать врага в решающем сражении. Такие победы могли бы открыть путь к блокаде портов противника, которые закроют вражеское судоходство – как военно-морское, так и торговое. В итоге складывалась бы ситуация, когда оппонент, оставшись без своих военно-морских сил и способности осуществлять торговлю, сдавался на милость победителя [15, р. 125].

Кроме того, Мэхэн критиковал использование военно-морских сил для прямой атаки торгового судоходства, или рейдерства (*guerre de course*), что являлось ключевым элементом американской военно-морской стратегии с 1776 г., считая, что эти действия никогда не могут быть решающими. В своем последнем прижизненном (1905 г.) издании книги «Влияние морской силы на историю» он утверждал, что причина, по которой рейдерство не приносило успешных результатов в военно-морской политике США, было связано с британской системой размещения судов в охраняемых конвоях.

Для Мэхэна ключевым и единственным вариантом борьбы за господство на море являлось решающее сражение между флотами. Исходя из вышесказанного, он делал вывод, что «морская сила» состоит из трех компонентов – военно-морского флота, торгового флота и военно-морских баз, что в итоге позволяет достигнуть национального процветания государствам, граничившим с морским пространством. Также Мэхэн выделил основные условия, влияющие на морскую силу наций: географическое положение, физическая организация, протяженность территории, численность населения, национальный характер и характер правительства [15, р. 150].

В дальнейшем Мэхэн пересмотрел ряд своих взглядов. Так, например, в первой главе книги «Влияние морской силы на историю», посвященной элементам морской мощи, он утверждал, что военно-морская держава должна опираться на процветающий коммерческий флот. Чистый военный флот может быть «создан деспотом, как это сделал Людовик XIV; но, несмотря на

столь справедливое показание, опыт показал, что его военно-морской флот был похож на куст, который не имеет корня, и который постепенно увядает» [15, р. 55]. В своей более поздней работе «Военно-морская стратегия: сравнение и противопоставление принципам и практике военных действий на суше», разбирая российский опыт, Мэхэн назвал вышеназванный тезис о связи торгового флота и статуса военно-морской державы лишь частично верным, говоря, что «на конкретных примерах стало совершенно очевидно, что военно-морской флот может понадобиться там, где нет судоходства <...>, функция военно-морских сил является явно военной и международной, независимо от их исторического происхождения в конкретных случаях» [14, р. 82].

Вслед за американцами, практически одновременно с Альфредом Мэхэном, в 1891 г. публикует свою работу «Морская война» отставной вице-адмирал ВМФ Великобритании Филипп Ховард Коломб¹. В его книге подчеркивалась важность «командования морем» (*command of the sea*), как ключевой составляющей «морской силы», с XVI в., когда море «все больше и больше рассматривалось как территория, необходимая для того, чтобы держаться нацией, которая хочет победить в военно-морской войне» [Цит. по: 10, р. 11]. Центральная идея его работы заключалась в том, что военно-морское превосходство является предварительным условием всякого актив-

ного военного наступления в морском пространстве и, наоборот, что никакое активное военное наступление не может быть осуществлено в этом пространстве, пока военно-морские силы противника не будут или уничтожены или побеждены и вынуждены будут отступить к своим базам или, по крайней мере, изгнаны с открытого моря угрозой флотом, с которым не могут столкнуться в открытом сражении. С другой стороны, Коломб, в отличие от Мэхэна, утверждал, что одной из главных возможностей, которое получало государство, достигнувшее господства на море, является способность совершать атаки на береговые рубежи.

При этом, несмотря на то, что взгляды американских и британских теоретиков обычно представляют в виде единой англосаксонской школы, необходимо отметить, что «британская школа» отличалась в своих взглядах от американских коллег. Так, например, именно британцы уточнили концепцию «командования морем» (*command of the sea*). Мэхэн использовал этот термин, но предпочитал «контроль над морем» (*control of the sea*). Британская школа также уделяла гораздо большее внимание концепции «флота как фактора присутствия» (*fleet in being*) в качестве защитной стратегии и прямого взаимодействия моря с землей, т. е. проведения совместных амфибийных операций и т. п.

В дальнейшем идеи Коломба были доработаны и продолжены другим британским военно-морским теоретиком, Джулианом Корбеттом. Он основывал большую часть своего анализа на идеях фон Клаузевица и подчеркивал, что «морская стратегия не существует как отдельная отрасль

¹ Colomb P. H. Naval warfare, its ruling principles and practice historically treated. London: W.H. Allen & Co., 1891. Первое изд. в рус. пер.: Коломб Ф. Морская война. Ее основные принципы и опыт. СПб.: Тип. Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1894.

знаний. Это всего лишь раздел общего военного искусства» [10, р. 147]. Корбетт, в отличие от Мэхэна, который отдавал предпочтение именно наступлению, считал, что оборона является более преимущественной формой борьбы как на суше, так и на море, и что войны могут быть разделены по своей природе на «ограниченные» и «неограниченные». Исходя из этого, он выводил свои ключевые понятия – основная задача в ходе войны на море состоит в достижении господства на нем, причем под господством понимается не контроль над всем морским пространством, а исключительно над транзитными маршрутами, причем такое господство, если оно установлено, может быть общим или местным, постоянным или временным.

Для успешного достижения этой задачи, по Корбетту, было необходимо найти и уничтожить вражеский флот. Однако, в отличие от Мэхэна, он утверждал, что флот не должен заниматься решением только этой задачи, т. к. в таком случае пришлось бы сосредоточить свои силы, что помешало бы сконцентрировать их в необходимых местах. Поэтому Корбетт предлагал лучший, по его мнению, способ заставить врага действовать опрострачиво – захватить или создать угрозу «морским позициям», т.е. военно-морским базам, портам и узлам коммуникации, жизненно важным для плана кампании [10, р. 260].

В 1911 г. Корбетт опубликовал свою классическую работу по морской силе «Некоторые принципы морской стратегии», в которую включил разделы о месте военно-морской стратегии как части более широкой военной стратегии, т. е. «принципы, которые регули-

руют войну, в которой море является существенным фактором» [10, р. 284].

Таким образом, А. Мэхэн, Ф. Колумб и Дж. Корбетт сделали большой вклад в развитии проблематики военно-морской силы, заложив основы американского и британского подхода к трактовке «морской силы».

В Российской империи в данной сфере работал офицер военно-морского флота Николай Лаврентьевич Кладо, который опубликовал более 100 работ по военно-морской тематике, среди которых можно выделить «Основы современного военно-морского дела» (1901), «Морская сила» (1907), «Этюды по стратегии» (1914). В своей теории Н. Л. Кладо, по сути, многое брал из идей Мэхэна и Колумба – так, он так же считал, что ключевым для достижения военно-морского господства является установление контроля над морским пространством, т.к. такие условия позволяют защитить береговую линию и создать условия для проведения десантной операции, а также обеспечить безопасность своих торговых путей. По мнению Н. Л. Кладо, «непосредственное назначение морской силы по объекту – сломить морскую силу противника и посредством этого или защитить воды, омывающие берега государства, от покушений на завладение ими со стороны неприятельской морской силы, или завладеть водами, омывающими берега противника» [Цит. по: 1, с. 61].

События Первой мировой войны оказали серьезное влияние на развитие морской составляющей геополитической мысли. Роль флота в Первую мировую войну оказалось ничтожно малой, и, не считая Ютландского боя 1916 г., большую часть времени фло-

ты находились в портах. Кроме того, неправильная оценка как перспективных технологий – подводных лодок и авиации, так и перспективных видов операций – десантных, привели к большим потерям и издержкам в ходе боевых действий.

Доминирующей фигурой межвоенного британского мышления о морской силе был адмирал сэра Герберта Ричмонда. Начиная с 1929 г. он читает лекции в колледже в Гринвиче на тему «Национальная политика и военно-морская сила». Он подчеркивал важность конвоирования в качестве основного средства защиты торгового флота и выделял в качестве базиса для морской мощи Великобритании судостроительство, личный персонал и военно-морские базы. В более поздних работах Ричмонд использовал уроки истории, «чтобы не сообщать общую теорию морской стратегии, как это делали Мэхэн и Корбетт, а просто объяснить сложную роль морской силы в прошлом и настоящем обеспечения безопасности Британской империи» [Цит. по: 23, р. 76]. По мнению Г. Ричмонда, «морская сила представляет собой поддержание контроля над морскими коммуникациями противника» [18, р. 23]. Позже он несколько расширил эту трактовку: «морская мощь позволяет своему владельцу отправлять свои войска и торговать через те пространства воды, которые лежат между народами, и достигать поставленных целей, лишая при этом такой же возможности своего оппонента» [19, р. 24].

Еще одним исследователем, который сделал свой вклад в осмыслении темы «морской силы», является капитан ВМФ Великобритании Стефен Роскилл, который был официальным

историком боевых действий британского флота в годы Второй мировой войны [20, р. 137]. Основные идеи по морской силе у Роскилла были суммированы в работе «Стратегия морской силы»¹. В ней он проанализировал, насколько тезисы теории Мэхэна, Корбетта и Ричмонда остаются в силе в новой, атомной и космической эре. Его вывод заключался в том, что взгляды этих исследователей актуальны и сегодня, однако нуждаются в должном техническом обеспечении, поэтому Роскилл выступал за строительство атомных подводных лодок как наиболее экономичного средства поддержки Британией стратегического сдерживания, за поддержание значительных амфибийных сил на случай десантных операций и др.

Дальнейшее развитие изучение концепции «морской силы» произошло в 1970-е гг. Весной 1974 г. на страницах официального издания Военно-морского колледжа США появилась статья за авторством президента колледжа, вице-адмирала Стэнсфилда Тернера, в которых он пересмотрел основы представлений о морской мощи в США. Самой значительной частью статьи было его утверждение о том, что «контроль над морем» Мэхэна следует заменить более ограниченной концепцией «морского контроля» (*sea control*). По мнению автора, морской контроль имел два измерения: «не допускать, чтобы враг имел право устанавливать контроль над отдельными морскими пространствами» и «утверждать наше право использовать конкретные

¹ Roskill S. W. The strategy of sea powerits development and application. Based on the Lees-Knowles lectures delivered in the University of Cambridge, 1961. London: Collins, 1962.

моря в конкретный период времени» [24, р. 5]. Достижение «морского контроля» могло быть осуществлено четырьмя способами: «контроль над действиями» (*sortie control*), «управление критическими точками» (*chokepoint control*), «операции в открытой зоне» (*open area operations*), «локальное участие» (*local engagement*) [25, р. 342].

Вскоре после того, как в 1975 г. он стал главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Южной Европе, С. Тернер расширил свою концепцию морского контроля, сформулировав концепцию «морской блокады» (*sea denial*). Стоит отметить, что, по мнению А. А. Киличенкова, переводить *sea denial* как «морская блокада» неправильно, т. к. семантическое наполнение данного слова и контекст его использования в зарубежной историографии не связаны напрямую со словом «блокада», а, напротив, означает «запрещение свободного использования моря» [4, с. 191]. Сам С. Тернер описал эту идею как «партизанскую войну на море», т. е. при ее использовании командующий флотом наносит такой удар по противнику, который принесет ему максимальный урон, при чем сам флот должен придерживаться тактики «ударь и убег» (*hit and run*) [4, с. 192]. Первичным оружием в рамках данной концепции являлись подводные лодки и противокорабельные ракеты надводных кораблей и самолетов.

Параллельно с С. Тернером публиковал свои работы главнокомандующий ВМФ СССР С. Г. Горшков. Стоит отметить, что к 1970-м гг. СССР превратился в глобальную военно-морскую державу, способную выполнять операции любого уровня и масштаба

в Мировом океане. При этом в теоретическом плане флоту уделялась второстепенная роль, а само руководство – как партийное, так и военное – придерживалась континентального мышления. Так, в двух ключевых работах, посвященных стратегии СССР – «Военная стратегия» бывшего начальника Генерального штаба маршала В. Д. Соколовского, изданной в 1962 г., и «Вооруженные силы СССР» министра обороны СССР в 1967–1976 гг. маршала А. А. Гречко, изданной в 1973 г., военно-морской флот рассматривается лишь как один из факторов в рамках ядерного сдерживания США и необходимости поддерживать ядерную составляющую советского флота в мирное время. Именно поэтому в 1972–1973 гг. главнокомандующий ВМФ СССР адмирал С. Г. Горшков публикует серию статей в официальном военно-морском журнале СССР – «Морском сборнике», на основе которых в 1975 г. будет издана книга «Морская мощь государства». В этих работах Горшков пытался убедить континентально ориентированную элиту СССР в том, что, если Советский Союз хочет стать поистине глобальной державой, он должен был стать морской державой в первую очередь, чтобы оспаривать морское господство своих западных соперников.

Как и большинство теоретиков, работающих с «морской силой», в качестве доказательного аппарата Горшков использовал историю, рассматривая обе мировые войны и другие конфликты. Он также стремился продемонстрировать, как развивающиеся технологии изменили военно-морскую мощь, особенно применительно к советскому ВМФ – «...качественно новая

техническая основа позволила покончить с многолетней привязанностью нашего флота к прибрежным районам и закрытым театрам, значительно расширить сферу его действия в океанах и в случае развязывания империалистами войны выполнять свои задачи оперативно-стратегического характера в противоборстве с флотом агрессора в избранных нами районах океана, ... речь идет об океанских направлениях, на которых наш флот становился способным решать стратегические задачи обороны страны» [2, с. 275–276]. Горшков также считал, как и Корбетт, что военно-морские силы и концепция их использования являются частью общей стратегии, кульминацией которой была победа на суше. Однако он настаивал на том, что флоты имеют уникальную роль в продвижении интересов СССР в мире, в первую очередь по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки, т. е. «... для Советского Союза, главную цель политики которого составляет строительство коммунизма и неуклонное повышение благосостояния его созидателей, морская мощь выступает в качестве одного из важных факторов укрепления экономики, ускорителя научного и технического развития, упрочения экономических, политических, культурных и научных связей советского народа с дружественными народами и странами» [2, с. 13].

По мнению С. Г. Горшкова, морская мощь государства как понятие имеет более широкую трактовку и не связана исключительно с военно-морской сферой: «Сущность морской мощи государства... заключается в возможности наиболее эффективно использовать Мировой океан, ... гидросферу Зем-

ли, в интересах государства в целом. В понятие морской мощи государства в качестве основных компонентов мы включаем возможности государства в изучении океана и освоении его богатств, состояние транспортного и промышленного флотов и способность их обеспечивать потребности государства, состояние и возможности судостроительной промышленности страны, а также наличие соответствующего интересам этого государства военно-морского флота, поскольку в мире существуют антагонистические социальные системы» [2, с. 12]. Более того, Горшков настаивал на необходимости строительства сбалансированного флота, в котором было бы достаточно как сил ядерного сдерживания, так и обычных конвенциональных судов. Одних подводок было недостаточно – они должны были иметь поддержку наземных и воздушных судов для достижения максимальной боевой стабильности.

Прекрасно понимая, что необходимым предварительным условием для выполнения флотом его стратегических и тактических ролей является достижение контроля над морским пространством, а также возможности советского ВМФ, С. Г. Горшков никогда не выступал за достижение полного господства в рамках Мирового океана и попытку сместить США с позиций ведущей морской державы, что, например, пыталась сделать Германская империя по отношению к Великобритании в начале XX в. Его основная идея заключалась в достижении оперативного превосходства в отдельных стратегических районах морского пространства, дабы помешать США и их союзникам свободно им воспользо-

ваться, т. е. по сути противопоставлении концепции «морского контроля» – *sea denial* С. Тернера.

В 1970-е гг. вышли работы сотрудника Университетского колледжа Уэльса в Аберистуите, который являлся главным центром по изучению международных отношений и стратегических исследований в Великобритании, Кена Бута, который сделал два важных вклада в изучении «морской силы». В своей работе «Военно-морские силы и внешняя политика», автор разработал свою методику анализа, основанную на том, как государства «используют морское пространство» (*the use of the sea*); по его мнению, государство может использовать море в трех целях: «(1) для транспортировки товаров и людей; (2) для использования военной силы в дипломатических целях или для использования против целей на суше или на море; и (3) для использования ресурсов, содержащихся как в морском пространстве, так и под ним» [9, р. 57]. Свою другую работу «Закон, сила и дипломатия на море», К. Бут посвятил вопросам развития международного морского права, которое, по его мнению, может способствовать трансформации Мирового океана в единое морское пространство в будущем [8, р. 104].

Окончание «холодной войны» и распад СССР оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие дискуссии о «морской силе». В 1990 г. выходит работа британского историка Эндрю Гроува «Будущее морской силы», в которой автор утверждал, что «...хотя флоты построены в основном для ведения боевых действий, их основная польза проявляется в мирное время в сдерживании образования но-

вых конфликтов, оказывая влияние и давление как часть нормальной «мирной» дипломатической деятельности, в обеспечении соблюдения отдельных норм международного права, а также регулирования, которое предотвращает установление хаоса в окружающей среде» [13, р. 104].

Поэтому Э. Гроув подверг критическому анализу и обновил элементы морской силы по Мэхэну, а также предложил типологию военно-морских флотов.

Э. Гроув разделит элементы морской силы на две большие группы – элементы первого порядка и элементы второго порядка. К первой группе он отнес экономическую силу, технологический прогресс, социополитическую культуру. Во вторую группу вошли: географическое расположение; зависимость от моря в критериях морской торговли, торгового флота, кораблестроения, рыболовства, оффшорных зон; государственная политика и ее восприятие в обществе. Здесь мы можем видеть более сложный и комплексный подход к определению основных составляющих «морской силы», чем тот, который использовал Мэхэн, выделив шесть элементов – географическое положение, физическая организация, протяженность территории, численность населения, национальный характер и характер правительства.

Наконец, Э. Гроув разработал типологию флотов, основанную на работе М. Морриса о флотах стран третьего мира [17, р. 57], которая состояла из девяти уровней: от первого уровня, к которому относились военно-морские силы мирового масштаба, способные проецировать свою мощь (*Major Global Force Projectio Navy – Complete*), и до де-

вятого уровня, который включал в себя символические флоты (*Token Navies*).

В итоге Э. Гроув пришел к следующему выводу: «Однако, какой бы ни был иерархический порядок, морская сила по-прежнему будет больше, чем просто лозунгом. Как морские транспортные перевозки, так и морской проект военной мощи сохранят свои ключевые позиции, так как угроза применения силы как с моря, так и на море, будет продолжать сохраняться, а значит «морская мощь» как идея будет иметь свое место в будущем [13, р. 202].

Вторым британцем, оказавшим большое влияние на современное понимание «морской силы», стал профессор морских исследований в отделе оборонных исследований Королевского колледжа Лондона Джеффри Тилл. Среди его работ можно выделить «Морская стратегия и ядерный век», изданную в 1982 г., в которой он одним из первых провел полезный и всесторонний обзор литературы по тематике «морской силы», продолжил обсуждение ее источников и элементов, проанализировал вопрос о месте решающего сражения в морской стратегии, «альтернативные варианты установления режима командования морем» и его осуществления [22, р. 157].

В своей работе «Морская сила: руководство двадцать первого века» Дж. Тилл предоставил самый полный и емкий анализ темы «морской силы», существующий на сегодняшний день. Он ставит морскую силу в двойную обстановку внешней и экономической политики, излагает четыре «атрибута» морской силы – ресурсы, транспорт, информация и господство – и показывает, как через морское сотрудничество и конфликты они создают новые

задачи для военно-морских сил. По сути, автор развивает идеи адмирала Мэхэна в сторону «добродетельного морского круга» (*virtuous maritime circle*) [21, р. 204], который включает в себя морскую торговлю, морские ресурсы, военно-морские силы и морское превосходство. Он критически анализирует идеи и влияние А. Мэхэна и Дж. Корбетта, предлагая пересмотренный анализ составляющих морской мощи, а именно географическое положение, физическая организация, протяженность территории, численность населения, национальный характер и характер правительства.

Вместе с британцами переосмысление «морской силы» предприняли и американцы, среди которых можно выделить двух авторов – Колина Грея и Нормана Фридмана. В их работах («Рычаг морской силы: стратегическое преимущество военно-морских сил в войне» [12] и «Морская сила как стратегия: военно-морские силы и национальные интересы» [11]) были подведены итоги военно-морского противостояния США и СССР в рамках «холодной войны». По мнению этих авторов, победа Запада в «холодной войне» стала еще одним примером победы «великих морских сил или морских коалиций» над своими противниками, что было традиционным в истории человечества. Более того, К. Грей отметил, что «...если наступление эры железных дорог, двигателя внутреннего сгорания, воздушного транспорта, ракет, а также ядерной и космической эры не смогли значительно понизить стратегическую ценность “морской мощи”, трудно понять, что могло бы появиться для этого в течение следующих нескольких десятилетий» [12, р. 272].

Таким образом, развитие международных отношений и научно-технологический прогресс обуславливают продолжающееся поддержание интереса и развитие концепта «морской силы». Более того, XXI в. показал, что историческое значение моря возрастет, что уже становится трендом на ближайшее будущее. Ценность его ресурсов будет увеличиваться по мере роста мирового населения, и в качестве транспортного средства море останется центральным элементом мировой торговой системы, от которой многое зависит – в качестве одного из примеров можно выделить китайский проект морской составляющей Шелкового пути, по которому предполагается создание трансконтинентального коридора через воды Средиземного моря, Индийского и Тихого океанов [5, с. 61]. Уже сегодня мы имеем ряд кризисных ситуаций, прямо связанных с дея-

тельностью на морском пространстве или его освоением – в Южно-Китайском море между КНР и близлежащими странами вместе с США [3], в Азовском море между РФ и Украиной [6], в Арктике между ключевыми странами регионами (РФ, США, Канада и др.) [7] и т. д.

Говоря о развитии понятия «морская сила», необходимо отметить, что двигателями этого процесса выступали англосаксонские авторы. Однако среди них нет единой точки зрения – если А. Т. Мэхэн рассматривал «морскую силу» как нечто отдельное, то Дж. Колумб, напротив, видел её как составляющую общей государственной стратегии. Стоит отметить, что схожего с Дж. Колумбом взгляда придерживались и отечественные исследователи Н. Л. Кладов и С. Г. Горшков.

Статья поступила в редакцию 19.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Доценко В. Д. Военно-морская стратегия России. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
2. Горшков С. Г. Морская мощь государства. 2-е изд. М.: Воениздат, 1979. 416 с.
3. Ибрагимов А. Г. Соперничество США и Китая в Южно-Китайском море // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 4. С. 56–67.
4. Киличенков А. А. «Холодная война» в океане. Советская военно-морская деятельность 1945–1991 гг. в зеркале зарубежной историографии. М.: РГГУ, 2009. 616 с.
5. Комиссина И. Н. Морской Шёлковый путь XXI в. – глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40). С. 60–81.
6. Малышев Д. В. Керченский кризис и статус Азовского моря // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 982–989.
7. Хлопов О. А. Интересы России в Арктическом регионе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 2. С. 148–154.
8. Booth K. Law, Force and Diplomacy at Sea. London: Allen and Unwin, 1985. 231 p.
9. Booth K. Navies and Foreign Policy. London: Croom Helm, 1977. 285 p.
10. Corbett J. S. Some Principles of Maritime Strategy. Annapolis: US Naval Institute Press, 1988. 352 p.
11. Friedman S. Seapower As Strategy: Navies and National Interests. NY: Naval Institute Press, 2002, 352 p.
12. Gray C. S. Leverage of Sea Power: The Strategic Advantage of Navies in War. NY: Free Press, 1992, 372 p.
13. Grove E. The Future of Sea Power. Annapolis: US Naval Institute Press, 1990. 280 p.

14. Mahan A. T. *Naval Strategy: Compared and Contrasted with the Principles and Practice of Military Operations on Land: Lectures Delivered at U.S. Naval War College, Newport, R.I., between the Years 1887 and 1911*. Boston: Little, Brown and company, 1911. 535 p.
15. Mahan A. T. *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. London: Methuen, 1965. 656 p.
16. Monteiro L. N. S. Fernando Oliveira's Art of War at Sea (1555). A Pioneering Treatise on Naval Strategy [Электронный ресурс] // *Naval War College Review*. 2015. Vol. 68. № 4. P. 94–107. – URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1269&context=nwc-review> (дата обращения: 20.02.2019).
17. Morris M. A. *Expansion of Third-World Navies*. London: Palgrave Macmillan, 1987. 294 p.
18. Richmond H. *Seapower in the Modern World*. London: Bell, 1934. 324 p.
19. Richmond H. *The Objects and Elements of Sea Power in History* // *Naval Review*. Vol. 31. 1943. P. 23–31.
20. Roskill S. *The War at Sea, 1939–45*. Vol. 1. London: Her Majesty's Stationery Office, 1954. 356 p.
21. Till G. *Seapower: A Guide for the Twenty-First Century*. London: Frank Cass, 2004. 432 p.
22. Till G. *Maritime Strategy and the Nuclear Age*, 2nd ed. London: Macmillan, 1984. 295 p.
23. Till G., ed. *The Development of British Naval Thinking: Essays in Memory of Brian Ranft*. Abingdon: Routledge, 2006. 232 p.
24. Turner S. *Missions of the US Navy* // *Naval War College Review*. Vol. 26 (5). 1974. P. 2–17.
25. Turner S. *The Naval Balance: Not Just a Numbers Game* // *Foreign Affairs*. Vol. 55 (2). 1977. P. 339–354.

REFERENCES

1. Dotsenko V. D. *Voenno-morskaya strategiya Rossii* [The naval strategy of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 832 p.
2. Gorshkov S. G. *Morskaya moshch' gosudarstva* [Sea power of the state]. Moscow, Voenizdat Publ., 1979. 416 p.
3. Ibragimov A. G. [The rivalry between the USA and China in the South China sea]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of politic research], 2018, vol. 2, no. 4, pp. 56–67.
4. Kilichenkov A. A. «Kholodnaya voyna» v okeane. *Sovetskaya voenno-morskaya deyatelnost' 1945–1991 gg. v zerkale zarubezhnoi istoriografii* [“Cold war” in the ocean. Soviet naval activity 1945–1991 in the mirror of foreign historiography]. Moscow, RGGU Publ., 2009. 616 p.
5. Komissina I. N. [The Maritime silk road of the XXI century – a global geopolitical project of China]. In: *Problemy natsional'noi strategii* [National Strategy Issues], 2017, no. 1 (40), pp. 60–81.
6. Malyshev D. V. [Kerch crisis and the status of the Azov sea]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2019, vol. 2, no. 2, pp. 982–989.
7. Khlopov O. A. [Interests of Russia in the Arctic Zone]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2014, no. 2, pp. 148–154.
8. Booth K. *Law, Force and Diplomacy at Sea*. London, Allen and Unwin Publ., 1985. 231 p.
9. Booth K. *Navies and Foreign Policy*. London, Croom Helm Publ., 1977. 285 p.
10. Corbett J. S. *Some Principles of Maritime Strategy*. Annapolis, US Naval Institute Press Publ., 1988. 352 p.
11. Friedman S. *Seapower As Strategy: Navies and National Interests*. New York, Naval Institute Press, 2002. 352 p.

12. Gray C. S. *Leverage of Sea Power: The Strategic Advantage of Navies in War*. New York, Free Press, 1992. 372 p.
13. Grove E. *The Future of Sea Power*. Annapolis, US Naval Institute Press, 1990. 280 p.
14. Mahan A. T. *Naval Strategy: Compared and Contrasted with the Principles and Practice of Military Operations on Land: Lectures Delivered at U.S. Naval War College, Newport, R.I., between the Years 1887 and 1911*. Boston, Little, Brown and company Publ., 1911. 535 p.
15. Mahan A. T. *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. London, Methuen, 1965. 656 p.
16. Monteiro L. N. S. Fernando Oliveira's Art of War at Sea (1555). A Pioneering Treatise on Naval Strategy. In: *Naval War College Review*, 2015, vol. 68, no. 4, pp. 94–107.
17. Morris M. A. *Expansion of Third-World Navies*. London, Palgrave Macmillan, 1987. 294 p.
18. Richmond H. *Seapower in the Modern World*. London, Bell Publ., 1934. 324 p.
19. Richmond H. The Objects and Elements of Sea Power in History. In: *Naval Review*, 1943, vol. 31, pp. 23–31.
20. Roskill S. *The War at Sea, 1939–45*. Vol. 1. London, Her Majesty's Stationery Office Publ., 1954. 356 p.
21. Till G. *Seapower: A Guide for the Twenty-First Century*. London, Frank Cass Publ., 2004. 432 p.
22. Till G. *Maritime Strategy and the Nuclear Age*. London, Macmillan Publ., 1984. 295 p.
23. Till G., ed. *The Development of British Naval Thinking: Essays in Memory of Brian Ranft*. Abingdon, Routledge Publ., 2006. 232 p.
24. Turner S. Missions of the US Navy. In: *Naval War College Review*, 1974, vol. 26 (5), pp. 2–17.
25. Turner S. The Naval Balance: Not Just a Numbers Game. In: *Foreign Affairs*, 1977, vol. 55 (2), pp. 339–354.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никулин Максим Андреевич – ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;
e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim A. Nikulin – Research Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University;
e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никулин М. А. «Морская сила» в российской и зарубежной геополитической мысли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 124–135.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-124-135

FOR CITATION

Nikulin M. "Sea Power" in Russian and foreign geopolitical thought. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 124–135.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-124-135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-136-140

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АБРАМЯН К. А. 1937 ГОД:
Н. С. ХРУЩЕВ И МОСКОВСКАЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ.
– М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2018. – 287 С.**

Чернышёв А. С.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

**REVIEW OF THE BOOK: ABRAMYAN K. A. 1937: N. S. KHRUSHEV AND
MOSCOW PARTY ORGANIZATION. – M.: POLITICAL ENCYCLOPEDIA,
2018. – 287 P.**

A. Chernyshev

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Вышедшая в издательстве «Политическая энциклопедия» (переименованное РОССПЭН) монография ведущего специалиста Российского государственного военного архива (РГВА) К. А. Абрамяна органично дополнила ряд научных исследований, в той или иной мере связанных с личностью Н. С. Хрущёва¹. Само исследование, в свою очередь, является кандидатской диссертацией К. А. Абрамяна, защищенной в МГОУ в 2007 г. [2]. Исследование представляет собой подробный, методичный разбор работы Московского городского и Московского областного комитетов ВКП(б) в 1930-е гг., хронологически – до начала 1938 г. – момента перевода главы МК и МГК ВКП(б) Н. С. Хрущёва для работы на Украине.

Источниками для написания работы послужили фонды РГАСПИ и РГВА, однако по сравнению с диссертацией, текст книги значительно переработан и дополнен с учётом вышедших за десятилетие сборников документов и научных публикаций, что делает работу максимально актуальной. Широко используются вышедшие в 1990–2000-х гг. воспоминания и дневники не только руководителей ВКП(б) разных уровней, но и гораздо меньших по своему влиянию номенклатурных работников, в том числе переживших репрессии. В их числе днев-

¹ См., вышедшие в последние годы [3; 4; 6; 7].

ники А. Я. Аросева, Э. (А). Кольман, А. Н. Пирожкова, А. С. Яковлева. Работа насыщена фамилиями людей, которые по различным причинам умерли до ВОВ и стали, преимущественно, известны лишь историкам эпохи: И. А. Акулов, А. А. Андреев, Г. И. Векличев, Д. С. Коротченко, Н. В. Марголин, В. Я. Фурер и множество других.

По своему смыслу текст работы – это синтез политической биографии Н. С. Хрущёва избранного периода в контексте истории Советского Союза 1930-х гг., подкрепленный соответствующим нарративом: пропагандистскими изданиями ВКП(б), передовицами «Правды», дневниками эпохи, речами партийных вождей.

Автор исследования прямо либо по общему контексту ставит следующие вопросы: кто был политическим отцом Н. С. Хрущёва? Чем непосредственно занимались МК и МГК ВКП(б)? Какова роль лично Н. С. Хрущёва в репрессиях 1930-х гг.? Мог ли сам Хрущёв стать жертвой репрессий? И автор даёт также прямые либо косвенные ответы на поставленные вопросы, в зависимости от доступности архивных документов. Как и У. Таубман [5, с. 92], К. А. Абрамян приходит к мысли о том, что примерно в равной степени Хрущёва – лидера можно считать протеем как Л. М. Кагановича, так и И. В. Сталина [1, с. 63–66; 77–83]. Второму условному вопросу – проблеме посвящена большая часть исследования: регулярная агитационно-пропагандистская работа, к середине 1930-х гг. уже погрязшая в бюрократизме – регулярные «читки», партсобрания, обмены партийных документов, повторные обмены партдокументов, рассмотрения жалоб и апелляций исключенных из партии и

т.д. Эти процессы между тем приобрели ещё до Большого террора такие масштабы, что находились на личном контроле в Политбюро ЦК ВКП(б) [8, с. 309–310].

С ролью Н. С. Хрущёва в репрессиях в московском регионе 1930-х гг. значительно сложнее. По воспоминаниям партийных «боссов», а также по стенограммам¹ публичной дискуссии на июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС вроде бы очевидно, что принимал, – не мог, являясь партийным руководителем региона, не принимать. Но в чём конкретно, помимо публичного изобличения «врагов народа», заключалась роль Н. С. Хрущёва? Ясного ответа на этот вопрос нет, что вполне естественно, с учётом проблемы доступа к документам советских спецслужб и, смеем предположить, документов, хранящихся в АП РФ и РГАНИ. Последнему вопросу – о Хрущёве как потенциальной жертве репрессий, в исследовании посвящён отдельный раздел [1, с. 183–188]. Вывод автора исследования – традиционный, но подкрепленный архивными документами: НКВД собирало компромат в том числе и на Н. С. Хрущёва, были арестованы и расстреляны люди, близкие к Хрущёву как на Украине, так и в Москве, Сталин же, несомненно, был в курсе сбора этого компромата, но, по неизвестным причинам, соответствующего указания не дал.

Однозначными достоинствами исследования К. А. Абрамяна являются конкретность темы и проведённой по ней работы, продуктами чего явились

¹ См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 1998. С. 68.

составленные автором сводные таблицы: составов бюро МГК–МК ВКП(б) в 1932–1937 гг. [1, с. 258–261], комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) с участием Н.С. Хрущёва [1, с. 262–264], а также районных комитетов ВКП(б) г. Москвы в 1937 г. [1, с. 271–274]. Для читателей большим плюсом будет и тот факт, что, в отличие от большинства работ по избранному периоду, вне зависимости от аспектов, исследование К. А. Абрамяна свободно от *сталиноцентричности*. Последнее подтверждается в том числе и такими фактами, как упоминание персоналий: всего в исследовании упомянуто почти 500 человек, а Н. С. Хрущёв, Л. М. Каганович, В. М. Молотов, Г. М. Маленков упоминаются практически в равных пропорциях. В исследовании не было замечено недостатков или явных упущений, но при прочтении бросилось в глаза: не менее шести раз цитируются те же места из воспоминаний Н. С. Хрущёва, что и у У. Таубмана¹ [сравним: 1, с. 37 и 5, с. 124; 1, с. 41 и 5, с. 128; 1, с. 46 и 5, с. 113; 1, с. 143 и 5, с. 119; 1, с. 180 и 5, с. 120; 1, с. 238 и 5,

с. 125]. Давать оценку таким совпадениям не считаем корректным.

Исследование К. А. Абрамяна прекрасно иллюстрирует работу первичных и районных ячеек ВКП(б) – шестеренок огромного стального механизма, методично перемалывавшего судьбы миллионов людей. С научно-исследовательской точки зрения вышедшая книга является подтверждением хорошо известных в академических кругах и, к сожалению, негативных тенденций: недоступности больших массивов документов², в том числе 1930-х гг., а также большого временного разрыва между завершением работы над исследованием и его публикацией в общедоступной форме. В данном случае срок составил 11 лет. Однако переработка и дополнение автором своего текста позволяют говорить о том, что данная книга не только актуальна сегодня, но и не теряет своего значения и в ближайшие годы сразу по двум аспектам политической истории 1930-х гг.: деятельности МК и МГК ВКП(б) и довоенного политического опыта в них Н. С. Хрущёва.

Статья поступила в редакцию 14.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамян К. А. 1937 год: Н. С. Хрущев и московская парторганизация. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 287 с.
2. Абрамян К. А. Партийно-политическая и хозяйственная деятельность Н. С. Хрущева в Москве: 1929–1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 192 с.

¹ Исследования проводились в разное время: американский историк У. Таубман работал над книгой о Хрущёве с конца 1980-х по 2002 г. В библиографии использованы как распечатки аудиовоспоминаний Н. С. Хрущёва, так и англоязычное издание мемуаров, публикации воспоминаний Хрущёва в «Вопросах истории» 1990–1994 г. и единое издание воспоминаний Хрущёва 1999 г. По какому изданию приводится каждая конкретная цитата, из сносок неясно: Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 1998. С. 712–718; автореферат кандидатской диссертации К. А. Абрамяна датирован 2006 г. и цитаты из воспоминаний Хрущёва приводятся по: Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х книгах). М.: Московские новости, 1999.

² Вопрос прим. к архивам высших органов партвласти и биографии Н. С. Хрущёва затрагивается в нашей статье [9].

3. Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2013. 262 с.
4. Добсон М. Холодное лето Хрущева. Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина / пер. с англ. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 295 с.
5. Таубман У. Хрущев / пер. с англ., 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. 850 с.
6. Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.
7. Фурсенко А. А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева: тайная история противника Америки / пер. с англ. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 733 с.
8. Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
9. Чернышёв А. С. Хрущёвская «оттепель». Современная историография (2000–2016 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 24–31.

REFERENCES

1. Abramyan K. A. *1937 god: N. S. Khrushchev i moskovskaya partorganizatsiya* [1937: N. S. Khrushchev and Moscow party organization]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 287 p.
2. Abramyan K. A. *Partiyno-politicheskaya i khozyaystvennaya deyatel'nost' N. S. Khrushcheva v Moskve: 1929–1938 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Party-political and economic activity of N. S. Khrushchev in Moscow, 1929–1938: PhD thesis in History]. Moscow, 2007. 192 p.
3. Adler N. *Sokhranyaya vernost' partii. Kommunisty vozvrashchayutsya iz GULAGA* [Remaining loyal to the party. Communists returning from the GULAG]. Moscow, ROSSPEN, 2013. 262 p.
4. Dobson M. *Kholodnoye leto Khrushcheva. Vozvrashchentsy iz GULAGA, prestupnost' i trudnaya sud'ba reform posle Stalina* [Khrushchev's Cold Summer. Returners from the GULAG, crime and the difficult fate of the reforms after Stalin]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 295 p.
5. Taubman W. *Khrushchev*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 850 p.
6. Fokin A. A. *«Kommunizm ne za gorami». Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* [“Communism is not far off”. Images of the future by the USSR government and population at the turn of the 1950s and 1960s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017. 223 p.
7. Fursenko A. A., Naftali T. *«Kholodnaya voyna» Khrushcheva: taynaya istoriya protivnika Ameriki* [“The Cold War” by Khrushchev: The Secret History of the Adversary of America]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2018. 733 p.
8. Khlevnyuk O. V. *Khozyain: Stalin i utverzheniye stalinskoy diktatury* [The Owner: Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 479 p.
9. Chernyshev A. S. [Khrushchev's “thaw”. Modern historiography (2000–2016)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Science], 2017, no. 3, pp. 24–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышев Артём Сергеевич – выпускник аспирантуры Московского государственного областного университета по кафедре новейшей истории России (2017);
e-mail: profsovietology@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem S. Chernyshev – Postgraduate Student, Department of Modern History of Russia, Moscow Regional State University;
e-mail: profsovietology@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чернышев А. С. Рецензия на книгу: Абрамян К. А. 1937 год: Н. С. Хрущев и московская парторганизация. – М.: Политическая Энциклопедия, 2018. – 287 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 136–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-136-140

FOR CITATION

Chernyshev A. Review of the book: Abramyan K. A. 1937: N. S. Khrushchev and Moscow party organization. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 136–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-136-140

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор О. О. Волобуев
Переводчики Е. А. Балякина, Н. Г. Попова
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 9,5, усл. п.л. 9.

Подписано в печать: 14.06.2019. Выход в свет: 21.06.2019. Заказ № 2019/06-06.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А